АГНИТ

«Россия, которую мы потеряли. Очерки и рассказы»

В этой книге заключено три простых идеи.

- Во-первых, начиная с 1917 года в стране были уничтожены все хоть сколько-нибудь мыслящие люди. Попытка построить «государство рабочих и крестьян» полностью провалилась. Десятилетиями после этого русский народ старательно уничтожал всех способных шевелить мозгами: травили начиная с детского сада, в школах, в институтах, на улицах — везде. Травили и доносили. Теперь способный прочитать электронную книгу скорее будет признан психически больным, чем полноценным членом общества. К этому мы пришли.
- Во-вторых, вы не должны передавать Великому Русскому Народу никакие знания, особенно когда это касается музыки, медицины, правильного питания и очистки воды. Они сами этого не хотят.
- И в-третьих, чтобы вы ни делали — вы всегда будете среди них врагом народа. Не надо прятаться, они найдут вас где угодно. Зато когда 80% населения отъедет вперёд копытами — оставшиеся, наконец, заживут по-человечески. Людей и так уже слишком много.

Кто такие эти великие люди

Важнейшая черта національного характера Великого Русского Народа — сочетание подозрительности, страха, зависти и подавленной злобы. Вы можете видеть проявления этого повсюду.

Другая важнейшая черта характера Великого Русского Народа — говноедство. За каждым Истинным Русским стоит десять поколений говноедов. Великий Русский Народ питается в основном углеводами: каши, мучное, картошечка с маянезиком — какое-то хрючево, еда обитателей коммуналок, «говно на постном масле». Вода, которую они пьют, содержит огромное количество соединений хлора и кальция, белок казеин А1 из коровьего молока ядовит (человеческое молоко содержит другой белок, альбумин), а добавление казеина в пищу ведёт к повреждению мозга и уродствам скелета. Надо ли говорить, что всё это влияет на поведение. Или, как его называют — национальный характер.

Третья важнейшая черта — ненависть ко всем этим «умникам». А нет, не то слово. Цепкая память, способность хоть как-то шевелить мозгами — считается среди них опасным и заразным заболеванием.

Учитывая, что блатные работают у них спортивными тренерами — не удивляйтесь, что все хоть сколько-нибудь полезные знания в этой стране остаются в секрете.

Помните: быдлу — никаких знаний!

Взглянем же более тщательно, что такое есть наш Народ.

Нищие, злобные, упрямые и тупые.

Они.

Святая Русь: столетия говноедства

Что ели предки Великого Русского Народа?

Картошка и свёкла из чугунка, блины и сырники, жареные на сковородках в растительном масле (да, «говно на постном масле» — это как раз оно!), солёные огурцы, квашеная капуста — большей срани трудно себе представить! Молоко, творог... Ни одно взрослое животное в дикой природе не пьёт молоко! Хлеб с сахаром, курица, воняющая комбикормом, гречка и рис... В качестве мяса — обязательно свинина. Всё щелочное, всё с анаболиками...

Когда, о Русский Человек, ты пил красное вино или ел жирную атлантическую рыбу?

О тропических ягодах вроде манго и авокадо тебе и не рассказывали!

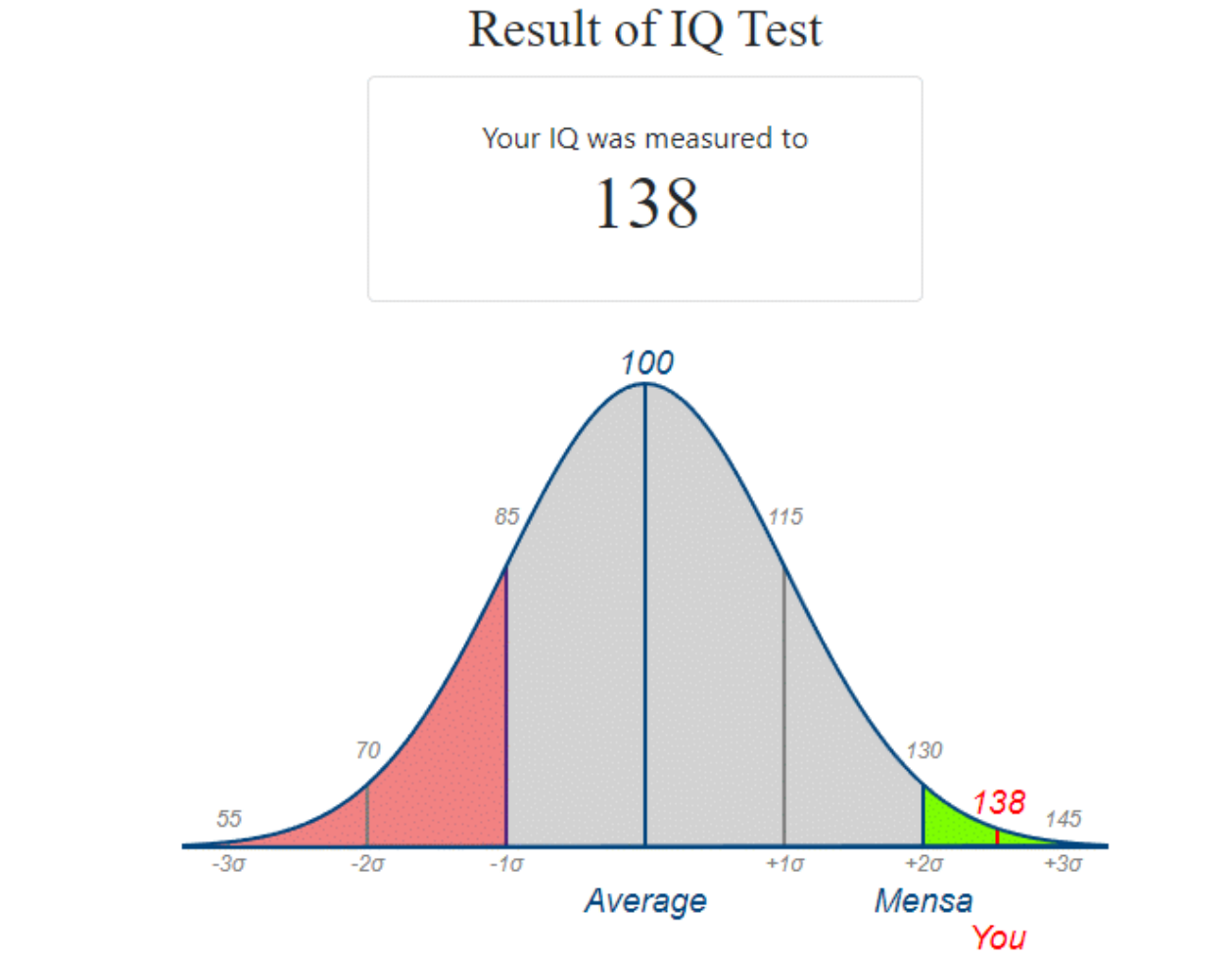
«Горжусь Россией!»

Иссуда-бля мамин хюи

Как сейчас помню пьяненького вовика, еле держащегося за штакетину дачного забора, орущего в темноте что-то нечленораздельное. Да, были сумерки. И как он меня узнал? Однако же вовик узнал бы меня где угодно. Это я, да, это я — вот кто здесь враг Народа.

Казалось бы, посмеялся и забыл. Но дикий крик пьяницы, желающего прямо здесь и сейчас драть меня в сраку — так до сих пор и стоит у меня в ушах. Что это было?..

Сейчас я вскрою эту многовековую болячку, и покажу, что происходит.



Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке — но надо же влезть в черепную коробку дачного алканавта, чтобы понять, отчего он решил, что я с радостью буду давать ему в сраку. Объяснение — на поверхности.

На самой что ни на есть.

«Задержите этого человека!»

Как только вы позволите быдлу что-то решать — у вас у всех диагностируют шизофрению.

Не верите? Смотрим более тщательно.

«Ты какой-то странный».

Наклонность к принятию желаемого за действительное, мечты и надежды — за сбывшееся в действительности, желаемого или вызывающего страх — за реально существующее.

Шизы-аутисты сосредоточены главным образом на собственных представлениях и переживаниях. Аутизм — один из негативных симптомов шизофрении, по мнению автора этого термина, — швейцарского психиатра Эйгена Блейлера — один из важнейших симптомов. Также термин употребляется для обозначения симптома шизоидного расстройства личности («шизоидный аутизм», нём. «Schizoider Autismus»), но при этом, в отличие от шизофрении, человек с этим расстройством не теряет возможность различать реальность и фантазии. Аутизм шизоидов проявляется в том, что они уходят в самих себя и стремятся избегнуть всяких внешних раздражений.

Гиперэстетический аутизм проявляется при повышенной чувствительности в виде ухода в себя и жизни в грёзах, а анэстетический — отсутствием эмоционального интереса к внешнему миру, «простой бездушностью.

Аутизм большинства шизофреников и шизоидов представляет комбинацию обоих элементов «темперамента»: равнодушие со слабо выраженной боязливостью, и одновременно с этим холод и враждебность с бурным желанием быть оставленным в покое. Большинство шизоидов выделяются не только чрезмерной холодностью или чувствительностью, а обеими этими характеристиками в абсолютно различных комбинациях. Антипатия к коммуникации с людьми варьирует от застенчивости и тревоги через угрюмую тупость и иронический холод до резкой и активной мизантропии. Вследствие бегства от людей и из склонности ко всему тому, что спокойно, шизоиды обычно любят проводить время на природе или с книгой.

В последующем развитии детей-аутистов это проявляется в отношениях со сверстниками: они не стремятся вступить в контакт с другими детьми, организовать с ними игру, избегают их, предпочитают играть в одиночестве. В лучшем случае вступают в контакт и включаются в игру по инициативе других. По свидетельству родителей и нашим наблюдениям, дети-аутисты не склонны задавать вопросы, чтобы получить на них ответы: их вопросы стереотипны, и они, как правило, знают на них ответы. Они не склонны рассказывать, что происходит в полустационаре, где они провели целый день, отвечают лишь на отдельные вопросы родителей, не стремятся получить оценку своей деятельности или поведения.

DSM произвольно и без эмпирической основы различает шизоидную и избегающую личность, утверждая, что избегающее расстройство личности включает желание близости несмотря на дистанцирование, в то время как шизоидное расстройство личности выражает безразличие к близости. В то же время я никогда не встречала среди пациентов и других людей кого-то, чьё затворничество не было изначально конфликтным (Kernberg, 1984).

Всё ли тут ясно вам? Умеешь читать — сумасшедший.

Быдло не читает.

Именно по этой причине действует правило: быдлу — никаких знаний! Вне зависимости от того, что вы захотите им рассказать, — вы будете признаны сумасшедшим. Могут и донести.

Минздрав изменил порядок наблюдения за пациентами с хроническими и затяжными психическими расстройствами.

Психиатры при диспансерном наблюдении за людьми с тяжёлыми ментальными расстройствами должны будут сотрудничать с полицией, а пациенты или их законные представители обязаны будут информировать врача о смене места жительства или выезде за пределы региона. Это следует из приказа Минздрава, утвердившего изменения в порядок наблюдения за людьми, страдающими психическими нарушениями. Документ 30 ноября опубликовали на официальном интернет-портале правовой информации.

Ужесточили контроль

Приказ Минздрава вступит в силу 1 марта 2023 года и будет действовать до 1 марта 2029 года. Документ вносит изменения в порядок диспансерного наблюдения за людьми, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжёлыми стойкими проявлениями. Речь идёт о самой серьёзной группе активного диспансерного наблюдения — Д-5. В неё входят пациенты, склонные к общественно опасным действиям, а также те, кто уже совершил правонарушения.

Согласно приказу, врач-психиатр должен будет при диспансерном наблюдении за такими пациентами взаимодействовать с сотрудниками полиции, уголовно-исполнительных инспекций для «предупреждения общественно опасных действий». Кроме того, скорректированы требования к оформлению медицинской документации о результатах диспансерного приёма пациента. Теперь запись будет включать сведения о тяжести психического расстройства, имеющихся нарушениях социального функционирования, соблюдении пациентом периодичности диспансерных приёмов и назначенного лечения. Также врач должен указать, есть ли основания направить больного в стационар, и определить, нуждается ли он в психосоциальной реабилитации.

Помимо этого, документ обязывает пациента или его законного представителя информировать своего врача о смене места жительства. Так, если больной выехал за пределы региона более чем на месяц, он должен известить об этом своего психиатра за две недели до отъезда, сообщив о новом месте жительства. При переезде пациент обязан прикрепиться к новому диспансеру, врач которого должен направить запрос о диагнозе пациента в клинику, где его наблюдали ранее.

Предупредить преступления

Изменения в порядок диспансерного наблюдения за людьми с тяжёлыми психическими заболеваниями помогут предотвратить преступления, которые могут совершить такие пациенты, прокомментировал документ заместитель председателя профсоюза медработников, психиатр Михаил Андрочников. По его словам, врачам предоставили большую свободу действий —к какой группе относить больных и с какой частотой наблюдать. К позитивным изменениям можно отнести и

положение, дающее психиатрам право обращаться в правоохранительные органы до совершения людьми с душевными заболеваниями общественно опасных действий.

«Эти изменения направлены на общественную безопасность, — подчеркнул специалист. — Потому что в последнее время количество правонарушений, совершенных такими пациентами, стало увеличиваться из-за того, что за ними несколько ослабили диспансерное наблюдение. При высокой вероятности совершения ими преступлений сотрудники правоохранительных органов обязаны будут выехать и помочь бригаде врачей госпитализировать пациента. Либо, я думаю, они смогут забрать его в отделение, куда потом приедет психиатр, чтобы осмотреть больного».

Андрочников также отметил, что новый приказ Минздрава помешает людям с тяжёлыми психическими расстройствами скрываться от диспансерного наблюдения при переезде в другой регион. По его словам, теперь пациенты, которые стремятся избежать врачебного контроля, не смогут, например, получить разрешение на оружие или вождение на новом месте жительства. Это тоже важное и правильное изменение, уверен специалист.

По статистике, в России психическими расстройствами страдают около 3, 9 миллиона человек. На диспансерном наблюдении состоят более 1, 4 миллиона. Такие данные в мае 2022 года на пресс-конференции в МИА «Россия сегодня» привела гендиректор НМИЦ психиатрии и наркологии имени Сербского Светлана Шпорт. Эксперт также отметила, что существуют пять групп диспансерного наблюдения за пациентами с психическими заболеваниями. Отдельно выделена группа активного диспансерного наблюдения. Туда входят две категории пациентов — страдающие тяжёлыми психическими расстройствами, склонные к общественно опасным действиям, а также те, кто уже совершил правонарушения.

Раз в год

Ранее с инициативой ужесточить контроль над людьми с серьёзными психическими расстройствами выступили депутаты Заксобрания Санкт-Петербурга. Они предложили обязать психоневрологические диспансеры минимум раз в месяц отправлять в полицию данные о потенциально опасных пациентах, а также оперативно извещать правоохранителей, если психически нездоровый человек долго не появлялся дома.

Петербургские депутаты обратились к главам Минздрава и МВД с просьбой рассмотреть возможность и целесообразность внесения изменений в Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» и корректировки инструкции от 30 апреля 1997 года «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами». Поводом для этого послужила трагедия в Ижевске, произошедшая 26 сентября, когда в одной из школ города психически нездоровый человек открыл стрельбу.

По действующей инструкции информацию о людях с психическими расстройствами, которые могут быть опасны для окружающих, медики должны передавать в правоохранительные органы только раз в год — до 20 января. Об изменении места жительства нужно сообщать оперативно, но сроков не установлено. По мнению петербургских депутатов, это необходимо делать чаще — раз в месяц, что поможет профилактике преступлений, совершаемых людьми с психическими расстройствами.

Изменения направлены на общественную безопасность, в том числе и в школах.

А теперь смотрите, как всё будет.

— Товарищ Майор, там на районе кто-то собак травит / окна бьёт / на стенах рясуить!
— Да кто ещё кроме Сычёва это может делать? Он же ебанутый!
— А и пошли к Сычёву.

/ Спустя 30 минут, звуки ударов дубинкой по спине /

— Колись сука, падла! Колись, ты делал? На, сука, падаль ёбанная!

Ну вот, ещё одно дела раскрыто. Сычёв на галке чилит, Майор премию в ресторане тратит. Все довольны. Ну или почти все...

Не верите?

Так и будет, иначе зачем обязали психиатров передавать данные в МВД. Скоро ещё закон какой-нибудь примут.

А нехуй Сычёву было тревожиться и депрессовать. Да ещё и по врачам ходить! Бухал бы, как все мужики, гулял, девок за бока щупал, а не вот это вот всё.

Россия — на законодательном уровне, против Сычей. Им были даны все шансы измениться и приобщиться к нормальным людям. А теперь уже Сычей стало настолько много, что государству приходиться прибегать к вынужденным мерам.

Что, ебанашки юродивые, полечились в ПНД бесплатно? Сходили к психиатору?

Ну как, от тревоги полечились, тревожнички?

Да что вы! Учёта нет, он был в СССР. Сейчас вообще никаких проблем от посещений врачей-палачей, идите смело!

Теперь вас будут бить не по паспорту а по морде на законных основаниях. Один закон для них — другой закон для вас. Изменения направлены на общественную безопасность, в том числе и в школах.

Да, всё для безопастности наших деток.

Вода с хлоридом кальция

Тысячелетиями предки «истинных русских» пили воду с дерьмом. Не верите? Давайте посмотрим.

Общая минерализация и ионный состав воды (мг/л) для некоторых рек

Река	Параметр		
	Ca^{2+}	Mg^{2+}	Общ. мин.
Нева	8.0	1.2	48
Москва	61.0	14.2	358
Печора	4.6	2.1	40
Днепр	55.7	11.8	287
Десна	64.0	7.7	330
Дон	82.0	18.0	568
Кубань	37.1	3.0	195
Волга	80.4	22.3	458
Ока	58.8	11.8	139
Кама	82.1	21.7	440
Урал	106.4	27.4	580
Терек	90.2	19.3	495
Кура	47.2	20.0	382
Обь	24.3	5.2	129
Иртыш	24.5	5.0	127
Лена	18.0	3.9	143
Макензи	35.0	8.5	212
Енисей	19.2	4.5	105
Миссисипи	34.2	9.0	210
Миссури	53.0	18.2	419
Колорадо	50.2	16.1	391
Темза	76.0	5.2	358
Рейн	50.1	12.2	281
Эльба	31.1	5.4	189
Дунай	58.2	13.1	331
Кларэльф (Швеция)	3.1	0.1	29
Эмба	166.0	47.1	1641

Показатели минерализации и ионного состава различных рек отличаются в несколько раз, а Дон, Днепр, Москва и Печора — в десятки раз. Относительно нормы — это много.

Кальций, как мы знаем, усваивается с помощью витаминов D и K, это всё хорошо известно. А много ли в наших северных широтах витамина D, когда солнца нет 9 месяцев из 12 в году. А много ли у деревенского (да и городского) жителя витамина K, в основном содержащегося в тропических фруктах и ягодах красного винограда? Зато в молоке очень много кальция: почти суточная норма, чтобы телёнок или козлёнок могли быстро встать на ноги. Вы всё ещё продолжаете верить, что корова у нас — «кормилица»? Ведь вместе с казеином A1 коровье молоко становится просто ядом.

А где больше всего кальция в воде? Тысячелетиями славяне жили вдоль рек, имеющих в своём составе огромное количество кальция. Хуже, чем Дон — только Урал и Темза!

А как насчёт ОВП воды, то есть соотношения в ней катионов водорода H^+ и гидроксид-ионов OH^-, влияющих на общее состояние человецкой тушки?

Хорошо известно, что окислительно-восстановительный потенциал воды (ОВП), во внутренней среде организма человека имеет отрицательные значения, которые обычно находятся в пределах от -100 до -200 милливольт (мВ).

ОВП питьевой воды практически всегда больше нуля и обычно находится в пределах от +100 до +400 мВ. Это справедливо практически для всех типов питьевой воды — водопроводной, бутилированной и получаемой после очистки в установках обратного осмоса и большинства разнообразных больших и малых водоочистительных систем.

Когда обычная питьевая вода проникает в ткани человеческого организма, она отнимает электроны от клеток и тканей, которые состоят из воды на 80-90%. В результате этого биологические структуры организма (клеточные мембраны, органоиды клеток, нуклеиновые кислоты и другие) подвергаются окислительному разрушению. Так организм изнашивается, стареет, жизненно важные органы теряют свою функцию.

Но эти негативные процессы могут быть замедлены, если в организм с питьём и пищей поступает вода, обладающая свойствами внутренней среды организма, то есть имеющая отрицательное значение ОВП. Если питьевая вода имеет ОВП более отрицательный, чем ОВП внутренней среды организма, то она подпитывает его электронами, которые используются клетками как энергетический резерв антиоксидантной защиты организма от неблагоприятного влияния внешней среды.

К примеру, было установлено, что если напоить мышей, облучённых смертельной дозой рентгеновского излучения, водой с ОВП = -450 мВ, их смертность уменьшается с 96% до 10% по сравнению с контрольной группой, которой давали обычную воду с положительным ОВП.

Вспомните же, как в школах не любят отличников. Ох, как нас любят!

Кто расскажет им, что они пьют воду с дерьмом?..

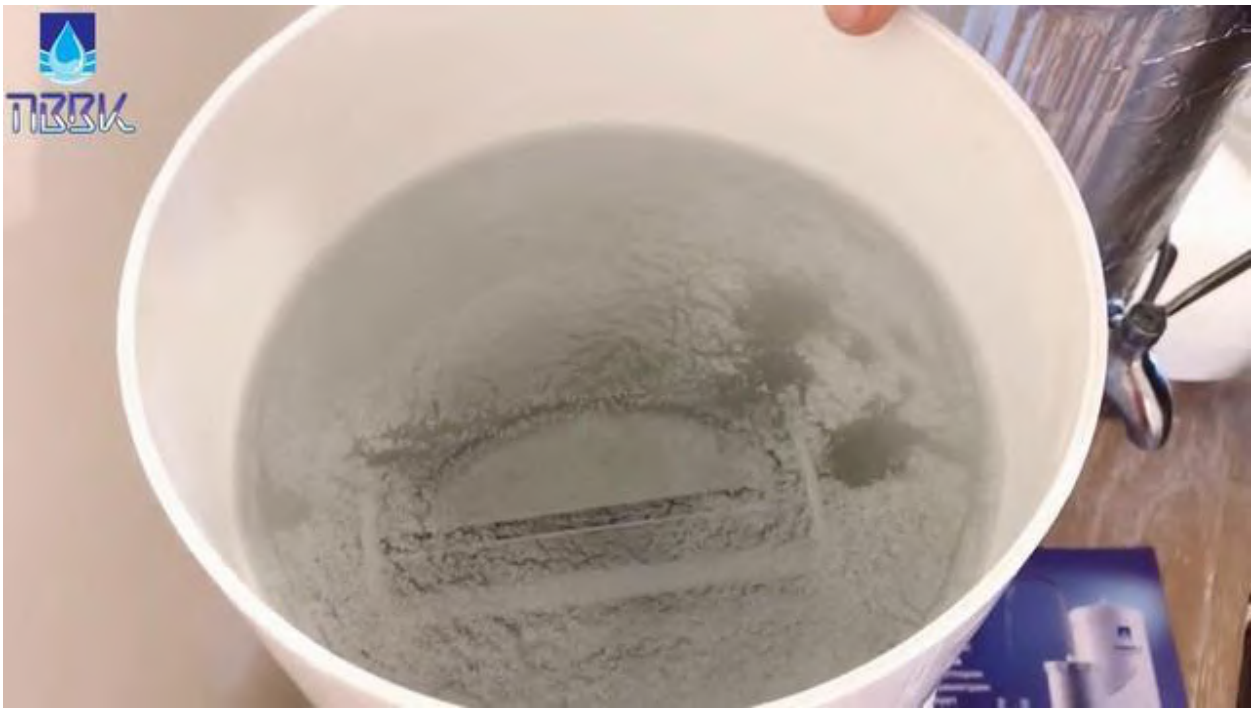
Правильно — никто и никогда.

«Не заслужили».

Приборы для очистки воды

Они существуют. Помимо широко известного мембранного фильтра «Изумруд» есть ещё два: «ПВВК» и «БЛС-МЕД». Их действие основано на том, что через воду пропускают электрический ток, и в ней остаются в основном гидроксид-ионы, OH^-, а её показатель ОВП становится отрицательным.

Особенность работы этих двух фильтров заключается ещё и в том, что они поднимают на поверхность воды соединения кальция с хлором — вот так:



Имейте в виду, что хлорид кальция не усваивается ни одной клеткой. И в нашем кишечнике нет (и никогда не было) бактерий, способных переваривать это химическое соединение.

Поль Брэгг в книге «Шокирующая правда о воде и соли» сообщил, что он пьёт очищенную воду. Дефорест Джарвис в книге «Мёд и другие естественные продукты» пишет о том же.

Николай Друзьяк в книге «Как продлить быстротечную жизнь» сообщил, что в тех регионах, где есть долгожители, вода почти не содержит кальция.

Внимательно проработал этот же материал Николай Куликов в книге «Вода в регионах долгожителей».

Важные данные предоставил коллектив биологов: И. А. Сергеева, К. А. Хитрина, А. Р. Крот, А. В. Сукнёва, Г. П. Петров — они обнаружили, что один из белков соединительной ткани, — коллаген — разрушается под действием хлорида кальция (статья об этом была выловлена в «Кибер-Ленинке»). Чем больше в воде соединений кальция с хлором, тем ближе все те хронические заболевания, которые делают людей немощными и слабыми после 35 лет: это и расширение вен (варикоз), и скачки давления, и потеря слуха — и многое, и многое другое.

Очистка воды перегонкой

Прибор «ПВВК» часто загрязняется, но есть ещё один очиститель для воды, который должен быть включён в первую очередь — вот как он выглядит:

За час он выдаёт примерно три литра чистой воды (накипь в виде белого порошка я удаляю), которая затем обрабатывается прибором «ПВВК».

«А тому ли я дала (обещяние любить)?»

Тысячелетия пития воды с дерьмом не могли не оставить отпечаток в вяликом характере Вяликого Русского Народа, а потому, как только бабам дали хоть какое-то право выбора — они стали выбирать ёбырей глядя на один-единственный показатель: на размер тушки.

Потому, что все остальные гораздо хуже.

Кривые, косые, горбатые, с торчащими вперёд гнилыми зубами, с прыщами, седыми бородёнками, лысиной и пузом — и это мущины? Нет, скажите на милость: и это вот — мущины?

Кроме шуток, это довольно-таки серьёзный вопрос: избыток кальция приводит к недостатку калия (эти два минерала — антагонисты), а позвоночник, помимо натрия, удерживается ещё и калием! А его мало, зато из-за недостатка двух витаминов кальций начинает оседать на стенках кровеносных сосудов, соединяется с хлором и разрушает белок соединительной ткани. Я выше предупреждал о вреде казеина, вызывающего повреждение мозга и уродства скелета? Так знайте, что сахароза создаёт налёт на зубах — и её тоже много в пище.

Так что рашкованские бабищи, при всей их тупости — в данном случае правы.

«Люди Земли, очищайте воду!»...

В крови должны быть в норме: калий, кальций, натрий и магний.

Должны быть — но...

Знакомьтесь: бабо-центризм

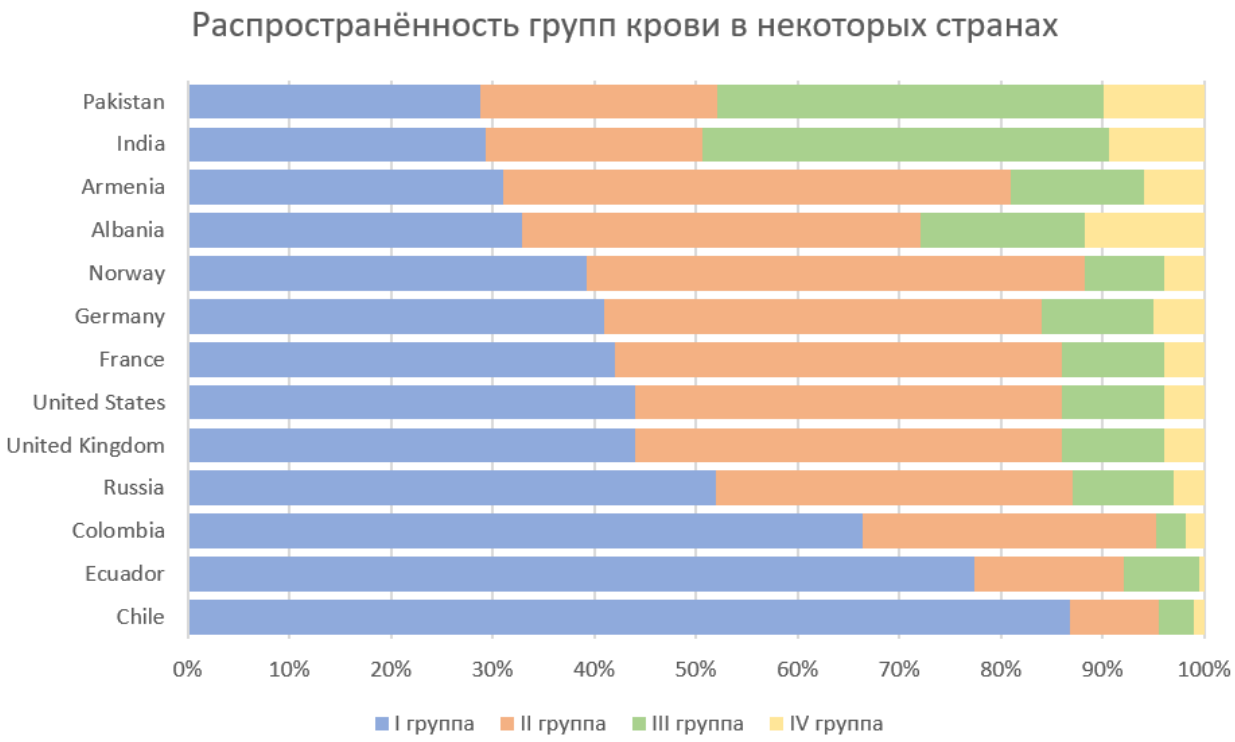
В 1960—1970 годах американский антрополог Томас Грегор жил в Центральной Бразилии среди индейцев лесного племени меинаку, не знакомых с современной цивилизацией. По их представлениям, привлекательные мужчины непременно должны быть высокого роста. Таких МУЖЧИН уважительно величают «уикипеи». Незавидна роль «перитси», как насмешливо называют низкорослых. Это почти бранное слово рифмуется с «итеи», что в переводе означает «пенис». И неудивительно: по мнению индейцев меинаку, малый рост — серьёзный изъян, причём не только физический, но и моральный, так как возникает якобы из-за полового истощения в юные годы.

«Никому не улыбается получить “перитси” в зятья», — отмечает Грегор. Рослые мужчины занимают господствующее положение в жизни племени, им принадлежит власть и богатство, они играют главные роли в ритуальных церемониях. Не менее активны они и в воспроизводстве соплеменников. Грегора заинтересовало, сколько возлюбленных имеют мужчины меинаку в зависимости от их роста. Выяснилось: чем выше рост, тем шире круг любовных связей. У трёх самых рослых мужчин оказалось столько же подруг, сколько у семерых невысоких, несмотря на то, что все они были примерно одного возраста.

Подобные явления Грегор отметил у аборигенов Океании, индейцев тимбира в Бразилии и навахо в США, а также у множества представителей других традиционных культур. «Я не знаю случая, чтобы кто-то отдавал предпочтение низкорослым», — подчёркивает он. Антропологам известно, что в традиционных обществах уважительное выражение «большой человек» означает действительно большой — не только в социальном, но и в физическом смысле слова.

Почему Россия не Америка

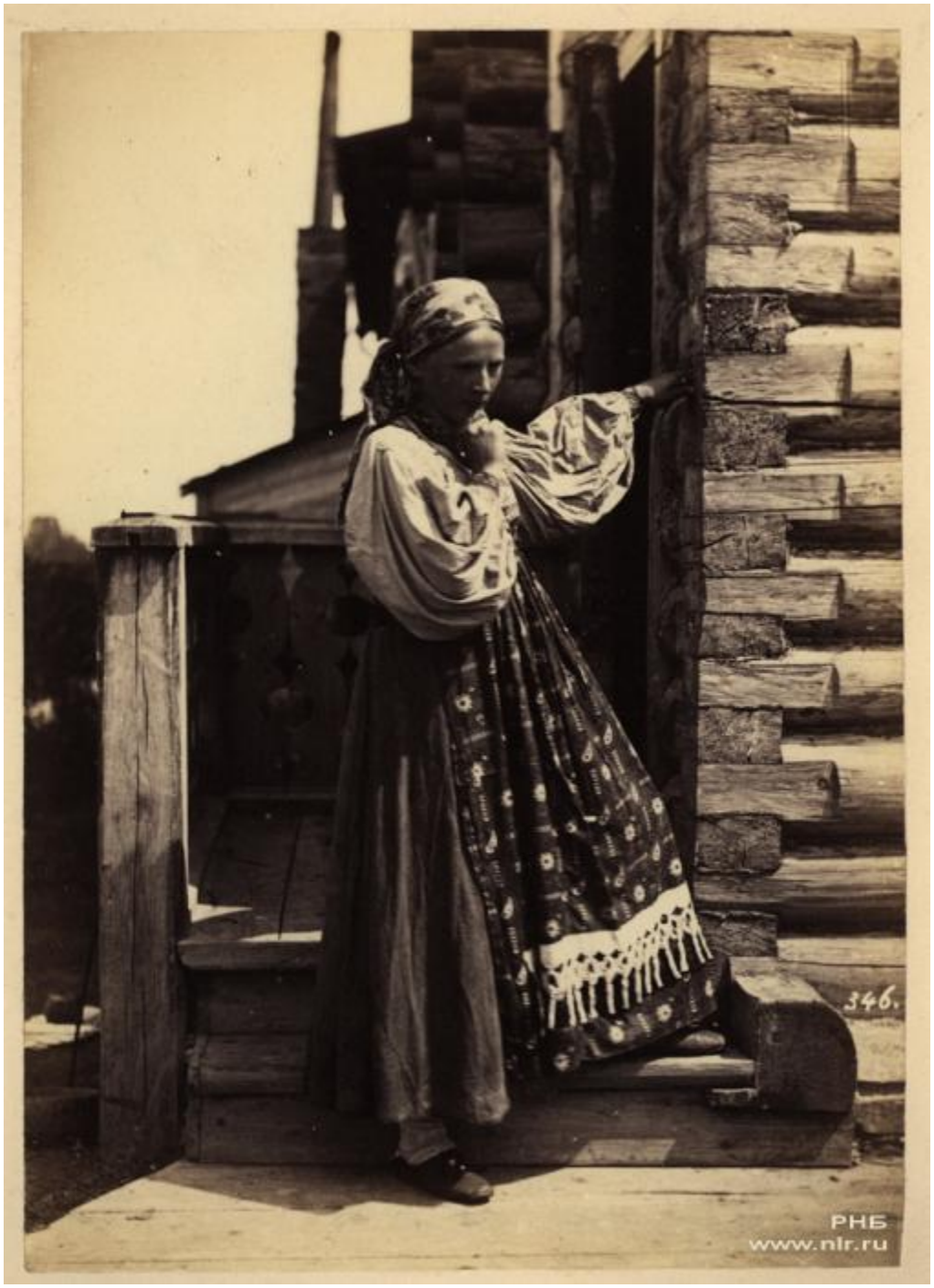
Потому, что это Латинская Америка:



Прекрасные образы русской деревни

Этой девушки слишком много в сети Интернет.

После всего, что было в Интернете рассказано о бабах — не это ли опровержение всему сказанному?..



Крестьянская девушка (Тверская губерния, 1860–1870)

Но девушка из Тверской губернии на фотографии выше — не все девушки тех времён. Платье из дорогой ткани, бусы (ручная работа!), платок, рубашка с манжетами, и самое главное — обувь из кожи, а не лапти. Осталось три её фотографии, но ничего о ней мы не знаем.

Зато известно следующее: когда сватались к таким, родители невесты тщательно смотрели: не было ли в той семье слабоумных, пьяниц, игроков в карты, нет ли побоев в семье. «Наше дело предложить, ваше право отказаться». И часто отказывали.

У моих прадедушек и прабабушек тоже так было.

Хорошо, я задам этот вопрос по-другому: как вы думаете, хоть кто-нибудь из её внуков пережил расстрелы 1919, 1924, 1937 года?

В той деревне, откуда я родом, раскулачили всех, кто имел хотя бы коня. У моего прадеда, он жил на пасеке, срубили единственную засохшую яблоню (в колхоз он всё равно не пошёл), вся семья была выслана в Сибирь и уничтожена.

Как думаете, кто-нибудь из её внуков пережил строительство Коммунизма?

«Ах, Россия, которую мы потеряли!»...

«Старый Хутор», где-то под Белгородом

— Вместе с председателем раскулачивать дедушку твоего пришли трое, — вспоминал отец. Обычно малоразговорчивый и кроткий, отец, видно, не мог забыть эту кровоточащую рану.

— Дедушка твой был хорошим хозяином, как и все в округе. Продавать не продавали, но себя кормили, и гостей было чем накормить, напоить. А нас было семеро: три сына и четыре дочери. Отнимать-то было нечего — корова да хромая лошадь… Ан нет же! Чтоб знали впредь! Не задавались чтоб лишний раз. Знали, чья возьмёт и всегда брать будет! — вздыхал отец. — Это относилось больше к дяде твоему, Ивану. Иван председателю был как бельмо на глазу.

Очень уж они соперничали, любили одну и ту же…

Отец мой любил своего старшего брата. Деревенские дети всегда тянутся к старшим — словно им не хватает родительского тепла и ласки.

— Я и тебя-то назвал Иваном в честь брата, — вспомнил отец. — Иван в молодости был красивый. Это теперь сморщился, только и остались орлиные острые глаза над острым носом с горбинкой. А был высокий, стройный, отчаянно смелый!..

«Ты што пришёл-то?» — спросил твой дедушка председателя.

«Давай-ка составим опись имущества. Того требуют революсьонные правила», — ответил председатель.

Отец задумчиво помолчал, потом решительно продолжил:

— По лицу видно было, что врёт, оттого становится ещё наглее…

«Ну, что надулась-то? Не обижали пока, а ты уж надулась!» — сказал председатель, глядя на бабушкин живот.

Председатель всегда всё начинал со склоки, с обидного. Установка была такая, что ли? Охоч был до склоки!

«Ты пока што бабу не трогай!», — сказал дедушка.

«Не дам я вам никакого имущества», — запричитала в голос бабушка.

Обида вышибла слезы. Иван загородил мать, увёл в сени…

«Как это не дашь? Будем мы тут с вами вожжаться!» — закричал раздражённо председатель.

— Не счёл даже нужным больше разговаривать с твоим дедом. Конечно же, пришёл взять всё, и никакая тут не опись!..

Отец сплюнул с досады.

— Когда выводили корову, Иван вдруг выскочил из сеней. Вырвал из плетня кол. Со страшной, дикой силой опустил кол на голову председателя. И началась драка… А потом… судили всех. Приписали коллективное убийство. Ивану дали пятнадцать лет, дедушке и двум подбежавшим помочь соседям — по десять лет. Нас с Илюхой не тронули, мы были малы ещё, — на этом отец обычно и заканчивал свои воспоминания.

Станция «Латышская». Рассказ дачника

Вспомнилось, как однажды вот так же шёл на дачу…

Шёл зимой. Дачу взломали, и надо было закрыть разбитые стекла, забить вывороченные из петель двери.

Шёл вдоль шоссе. Следующую электричку до своей станции надо было ждать больше часа. И хотя по времени получалось то ж на то ж, я пошёл пешком.

Спешил, нервничал…

Шоссе безлюдное. Движение стихло, почти прекратилось.

Метель разыгралась неожиданно, вдруг. Ветер сшибал с ног. Я поднял воротник пальто из плащёвой ткани.

«Со смехом внутри», — вспомнилась шутка продавщицы пальто.

Вдруг услышал стон. Померещилось, наверно, подумал я. Стон повторился опять и опять.

Я осмотрелся вокруг. Снег колючками бил в лицо. Летел за шиворот. Таял на шее.

В стороне от шоссе из-под снега торчал ботинок. Стон раздался со стороны ботинка.

Я машинально шагнул туда. Провалился по пояс в сугроб, лёг на живот, пополз. Всё-то мне неймётся. За ботинком поднимался бугорок снега.

Я пополз вдоль бугорка. Где-то здесь должно быть лицо, подумал я. Стал торопливо разгребать снег. Выкопал шапку.

Я очень волновался. Руки коченели…

Стал копать в сторону ботинка. Вот оно, натолкнулся на лицо. Человек был небольшого роста. Шапка слетела с головы. Я разгребал снег, освобождая плечи, грудь. Человек застонал. Я стал разгребать снег ещё быстрее, лихорадочнее.

Тащить за плечи. Понял, что тяну не в ту сторону. Развернулся. Сам почти увяз в сугробе…

Человек, распластавшийся на дороге, пришёл в себя.

— Помогите! — едва расслышал я его слова. В замерзающем я узнал сына Марии Матвеевны, тёзку своего, Ивана. Видел его не раз. Всегда пьяного.

— Я помочь-то помогу. Встать бы только на ногу, — вдруг развеселился я. Знал за собой эту странность. Смеяться было не над чем.

Понял, однако, что дело почти сделано: вытащить удалось, Иван был жив.

Однако дотащил я его с большим трудом. Метель, казалось, только входила во вкус, разыгралась не на шутку. Только у самого дома Иван поднялся на ноги.

Сына Мария Матвеевна не видела неделю, совсем не ждала.

— Ах ты, Господи! — запричитала она.

— Мария Матвеевна, я нашёл его в сугробе. Ему нужна помощь, — сказал я.

Визиту дачника в такую пургу Мария Матвеевна не удивилась. А вот сынку…

— Вспомнил мамочку, подлец! Как тащить из дома всё, так мамочку не спрашиваешь!

Я вышел из дома. Закрыл за собою тяжёлую, обитую войлоком от стужи зимой дверь.

Темнело. На свою дачу, что в двадцати минутах ходьбы от платформы, я так и не попал…

Истинные русские — кто они?

То, что это Страна Быдла — теперь понятно. А вот…

Население *этой страны* гораздо ближе к выходцам из Африки, чем другие страны, с той лишь разницей, что они пьют грязную воду — так что спасти это население никто и никогда не сможет. Рашковане — это не нация, рашковане — это состояние души, уроды моральные и физические, нищие, злобные, упрямые и тупые: это и есть национальный характер Великого Народа… а хотите заглянуть в глубины Вяликой Русской Душы?

В 1906 г. была издана книга «Жизнь Ивана» Ольги Семёновой-Тян-Шанской, дочери знаменитого путешественника, где приводятся интересные, иногда шокирующие факты о жизни и быте женщин в русской деревне конца XIX века. В то время книга не получила широкой известности, а после революции о ней и вовсе забыли. Только в наши дни она была переиздана. Изучить её будет очень полезно.

Крестьянские девушки

Крестьянские девушки Орловской губернии

В некоторых деревнях до сих пор (1890-е) держатся обычаи «просватывать» девочек лет 12-14 за соответствующих им по возрасту мальчиков. Теперь такие сговоры нередко расстраиваются, когда жених и невеста делаются взрослыми. А если нет, так невеста 14-15 лет и жених лет 16 начинают сожительствовать вместе до своего совершеннолетия.

Свадьба. Канский уезд, деревня Карымова

Перевоз приданого невесты в дом жениха

Раньше (в 1860-70-х годах) выходили замуж лет 16-19, женились в 18-20. Гораздо реже выдавали девушек 15 лет. Хотя и опасным считалось засидеться в девках, на девушку смотрели в семье как на рабочую силу, а следовательно, не торопились сбыть с рук. Малого (т. е. парня) же потому торопились женить, что таким способом приобреталась для семьи лишняя рабочая сила. Теперь (1890-е) выходят замуж лет в 16-25, а женятся в 18-27.

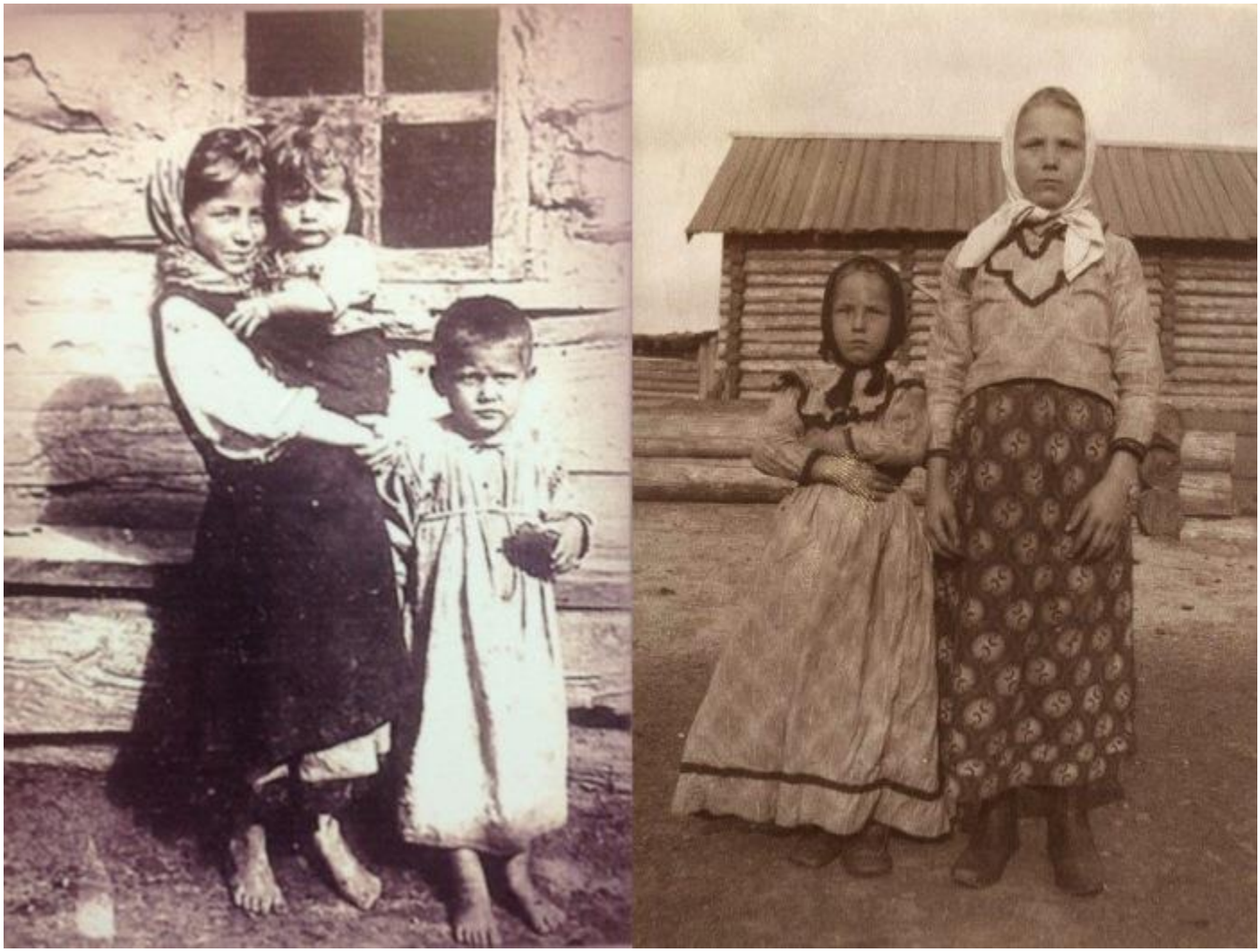
Деревенские девушки

Девок на улице любят весёлых, таких, которые умеют плясать и за словом в карман не полезут. Обычно на таких «улицах» завязывались внебрачные связи, которые часто кончались браком. Хотя очень нередки случаи, когда бросают ту, «которую любили». Старшие нередко ругают и бьют дочерей за такие связи; малым же ничего за это не достаётся.

Молодые крестьянки

С «распутёвыми» девками или бабами чинится иногда расправа. «Распутёвой» называется такая девка или баба, у которой несколько любовников. Эти любовники сговариваются иногда поучить её и, если она девка, мажут ей ворота дёгтем, а если она баба, бьют её. Побьют, затем подымут ей рубашку на голову, свяжут (так, что голова женщины как бы в мешке, а до пояса она голая) и пустят так по деревне. Девка, у которой один любовник, уже не считается «распутёвой», и ей ворота дёгтем не мажут.

Семья русских крестьян конца XIX в.



Крестьянские дети

Беременная жена делает всё: справляет всю домашнюю работу, в поле вяжет, полет, молотит, берёт конопли, сажает или копает картофель, вплоть до самых родов. Иная баба при начавшихся родовых схватках бежит домой, «как овчёнка»: приляжет во время схваток на землю, а как боли отпустят, опять бежит. Матери на третий и на четвёртый день после родов встают и принимаются за домашнюю работу. Иногда даже на другой день после родов родильница уже затапливает печь сама. На работу в поле мать идёт через 5-7 дней после родов.

Крестьянская семья

После первого ребёнка муж иногда побережет жену, а уж после второго и третьего, конечно, нет. Если выпьет, то уже через неделю после родов начинает жить с женой, а нет, так недели через 2-3. Жену, конечно, не спрашивают о её желаниях: «Аксинья, иди-ка сюда», — и всё тут.

Крестьянская семья

В трезвом виде муж бьёт жену редко, в пьяном — часто и чем попало. Бьют и палкой, и рогачом, и сапогами, кулаками, пинком. Если муж бьёт жену и при этом сломает тот предмет из своего несложного инвентаря, которым чинил расправу, то ему гораздо более жалко этот предмет, чем избитую жену.

Крестьяне средней полосы России

Профессионального разврата не существует, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подарком. Одна баба очень наивно признавалась: «Прижила себе на горе сына и всего-то за пустяк, за десять яблоков!». Случаи убийства незаконнорожденных младенцев очень нередки. Родит баба или девка где-нибудь в клети одна, затем придушит маленького руками и бросит либо в воду с камнем на шее, либо в густой конопле, или где-нибудь в свином катухе зароет.

Крестьяне Орловской губернии

Архипелаг Африка или Русь, которую мы просрали. Часть 1

Как часто на патриотических ресурсах можно лицезреть брюзжание о том, что бабы уж не те, что были раньше? Ни высокой тебе нравственности, ни глубоких моральных ценностей — вот до чего Русь Святую довёл Моргенштерн окаянный. А ведь были же времена... Вы, наверно, слышали байку о том, как немецкий гинеколог после проверки пленных русских женщин вскрикнул: «Народ с такой целомудренностью невозможно победить», т. к. 90% девушек были девственницами?

Вот такие вот времена и были! Не то, что сегодня — всем бабам только и подавай деньги, а сами они — смотреть стыдно: юбки коротки, животы голы, морды крашены, сиськи вставлены, писькы стрижены... только и ищут, кому бы себя продать подороже. В общем, вокруг одно блядство да разврат. Как правило, замыкают сии суждения красивые картинки с изображением той самой утраченной русской девушки, причём обязательно в платке, который, судя по всему, и являет собой домотканую ось целомудрия:

Встречали же такое в сети не единожды, да? Людям свойственно романтизировать светлое прошлое, наделяя его несуществующими деталями. Сколько раз я от девушек слышал горестный плач по канувшим в Лету благородным рыцарям, ради руки и сердца прекрасной дамы готовых на великие подвиги; все те воспетые стасами михайловыми от литературы байки про серенады под окнами и кровати, усыпанные фиалками. Ничего удивительного в столь пылкой любви дам к рыцарям нет: для поднятия продаж своих романов авторы умудрились совместить в одном человеке, именуемом рыцарем, сразу два качества, наиболее ценимых женщинами. Два несовместимых, а потому столь притягательных в своём переплетении — крайняя степень мужества и героизма, но при этом не менее крайняя нежность и чуткость в отношении своей избранницы. На деле же все мы знаем, что единственный метод ухаживания за дамой сердца известный рыцарю — удар в нос с последующим отволакиванием за волосы на ближайший сеновал; что жильё рыцаря скорее напоминало помесь цыганской стоянки с пещерой неандертальца, нежели

дворец с горящими вдоль бесконечных коридоров факелами; что вместо двухметрового итальянца с огромным хуем, из-за которого латы не сгибаются в колене, рост благородного лыцаря редко превышал 160 сантиметров, а лицо украшали не столько шрамы, сколько последствия оспы и сифилиса. Я уже молчу о гнёздах, которые в его бороде вили беспозвоночные членистоногие класса трахейнодышащих и щекотливо расползались по телу прекрасной дамы во время страстного рыцарского поцелуя гнилозубым ртом.

Аналогичная история и с мужиками-консерваторами, которые точно так же выдумали себе никогда не существующую женщину, сочетающую в себе совершенно несовместимые качества: и красивая, и целомудренная, и хозяйственная, и послушная, и детишек полна горница... Разве что сопельки с какахами мужу-фантазёру не подтирает. С таким же успехом, поглаживая пост-обеденное пузо, можно предаваться воспоминаниям о том, как когда-то в руслах рек вместо воды кисель тёк — знай подходи, да только рот пошире открывай. Я бы многое отдал за то, чтобы такой патриотический манярхист повстречал настоящую «барышню-крестьянку» на своём жизненном пути. Мчал бы он по округе прочь, будто больной дизентерией к спасительному туалету, ведь хвалёные «тургеневские девушки» выглядели немного не так, как это нарисовала его инфантильная фантазия:

Нарядные! Красивые! А главное — деточки нежные и доверчивые! Ни разу не попробованные ещё!

Не то что сейчас, а?! Одни бляди…

Ну как, захотелось прямо сейчас бросить все свои дела, и мчать по полю русской пшеницы в широко расставленные объятия исконной русской барышни-крестьянки? О да, мой милый друг, трудно было найти на хвалёной Руси девушку без ярко-выраженных признаков вырождения на лице. Оно и понятно: нечеловеческий физический труд, ежегодные роды в полевых условиях, богатое изобилие венерических (и не только) болезней, ужасное однообразное питание, регулярные побои, отсутствие даже зачатков косметики — всё это, ты удивишься, но не сильно способствует формированию женской красоты и обаяния!

Зато безо всякой вредоносной химии и этих ваших интернетов… а главное — без косметики вредной! Такая она, естественная красота — первозданная и неподражаемая! Вон, сметанкой деревенской намазалась, и свежей, как утренний рассол, да вечно молодой, как Ленин в Мавзолее, будешь! А как румянец на щёчках будет отливаться в солнечном свете на радость вернувшегося с пашни мужа — просто загляденье! Сметанку, кстати, надо брать в деревне, она там без ГМО вредных да глутаматов натрия, старящих кожу, наполняющих организм шлаками и способствующих увяданию естественной женской красоты.

Женщине на фото менее 36 лет (приблизительно). Теперь вам, наверное, станет понятнее, откуда на Руси пошла присказка «Да кто ж тебя замуж после 30-ти-то возьмёт?» Такой он «чистый воздух и благородный труд на свежем деревенском воздухе! Такое оно, «продукты все свои, оттого румяные ходили». Результат, что называется, на_лицо, а слитно или раздельно — каждый решит для себя сам!

«По десять детей в поле рожали и ничего!» — как, бывало, любят рассуждать представители старшего поколения (сами-то уже 10 детей в поле, конечно, не рожавшие) на пару с юными манярхистами-инфантилами. В их примитивной картине мира, судя по всему, быт крестьянки выглядел так: стоит баба в поле, траву косит. Чует — в животе чет пучит — присела на корты, задрала сарафан, родила, после чего, не останавливаясь, косой пуповину перерезала, а ребёнок встал, отряхнулся и куда-то пополз образование получать да СССР по крупицам собирать. А она знай себе — дальше косит, чтоб придти домой и испечь мужу вкусный каравай.

Формированию совершенно нетоварного облика женщины в Российской Империи способствовало великое множество самых разных факторов, среди которых тяжёлый физический труд занимал не самое последнее место. Вот как современник описывал обычный день крестьянки:

«Возьмём, например, один бабий зимний день в нашей чернозёмной полосе. Встаёт хозяйка очень рано в 4–5 часов утра и при свете керосинового ночника начинает ткать или прясть — она обязана одеть семью своим домашним холстом. После нескольких часов работы в неловком сидячем положении баба идёт по воду, тащит в гору по два ведра на коромысле. Дома нужно что-нибудь состряпать на завтрак, нужно подоить коров, покормить маленьких детей, затем стряпанье обеда. Хорошо, если не надо печь хлеб, а то приходится замесить пуда два муки, размешать их как следует. Далеко не каждому под силу вымесить дежу с хлебным тестом. После обеда стирка белья на реке или в пруду. Нелегко вымыть и выстирать посконную рубаху, грязную до последней степени, выстирать без мыла. Да и прежде, чем полоскать бельё на реке, его нужно выпарить в горячей печи, вставляя и вынимая рогачом чугуны — так до глубокой ночи. Вечером после заботы об ужине, кормёжки детей и уборки скотины баба снова садится прясть и ткать. На сон остаётся 3, максимум 4 часа»

— А. И. Шингарёв, «Положение женщины в крестьянской среде», 1899 г.

Всё думаю, кого же мне она напоминает... впрочем... показалось. А вообще, обратите внимание на её нежные женские ручки — в наши дни не каждый дальнобойщик может такими ковшами похвастать.

Впрочем, руки-ковши и не по возрасту старые лица — это ещё сущие пустяки. Шокирует, а в некотором роде даже пугает на подобных фотографиях кое-что другое. Взгляд — единый на все дореволюционные фотографии. Вот эти потухшие глаза и есть настоящая жесть. Оно и неудивительно при едином распорядке дня с рождения и до гроба: солнце встало — пошёл работать, солнце село — пошёл спать. И всю жизнь жрать одну и ту же пресную еду и видеть одни и те же кислые рожи. Ни интернета, ни телевизора, ни телефона, ни журнальчика новомодного (особенно если учесть, что 99% крестьянок читать не умело): ноль целых — развлечений, хуй десятых — досуга! Это заёбанная жизнь и создавала в глазах взгляд, будто они сейчас всадят в тебя топор и начнут жрать твоё мясо!

Как вы видите, заявления о том, что при «добром» «крестьянском» царе крестьяне катались, как сыр в масле, а умирали не от голода, а исключительно обожравшись ананасов и чёрной икры, не выдерживает никакой критики. Но не один лишь труд превращал женщину в нечто, что мы можем видеть на редких дореволюционных фотографиях. Было кое-что ещё. А именно — домашнее насилие, о чем нам поведает великое множество не самых сентиментальных поговорок того времени, например:

- «бей жену сильнее — щи будут вкуснее!»
- «свинье к лицу помои, а бабе — побои!»
- «бей жену обухом, припади, да понюхай: дышит да морочит — ещё хочет»
- «бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь!)»
- «всем бита, и об печь бита, только печью не бита»
- «бей жену до детей, бей детей до людей!»
- «кто вина не пьёт, пьян не живёт; кто жёны не бьёт — мил не живёт»
- «бей бабу молотом — баба будет золотом!»
- «кого люблю, того и бью!»
- «жену не бить — милу не быть!»
- «жена не горшок — не расшибёшь!»
- «чем больше женщину бьёшь, тем щи вкуснее»
- «люби жену, как душу, тряси её, как грушу»
- «обошёл муженёк жёнушку дубинным корешком»
- «хоть бы в щеку бил, да щёголь был»
- «жена с сердцем, муж с перцем — натирай ей нос!»
- «шубу бей — теплее, жену бей — милее»
- «ударишь жену по уху — взмоет рожь до оконца. Ударишь её снова — рожь заслонит собой солнце!»

Дружелюбные лица семинаристов, с. Моховое, Тульская губерния. 8 июля 1902 г.

В Америке есть целый жанр хоррора, посвящённый деревне. От «Плетёного человечка» с Никалосом Кейджем, до «Поворота не туда». Вся продукция жанра построена по весьма незамысловатой схеме: сбившийся с дороги путник оказывается в некоей забытой богом деревушке, в которой обитают какие-то слишком подозрительные крестьяне. В конечном результате нерадивого путника либо съедают, либо приносят в жертву. И вот, глядя на фото выше, становится понятно, что данный жанр появился не на ровном месте.

По свидетельству А. И. Шингарёва из той же книги, «*побои беременных, как и вообще побои, не редки, хотя и бабы думают, что не дело бабы считать побои мужчины и не следует про них рассказывать, но у каждой из них узнаете, что муж бьёт и частенько бьёт. В нашем селе один маленький, захудалый мужиков колотил здоровую и рослую жену следующим образом: "грозный" муж взбирался на лавку, покорная жена подходила к нему и он бил её по щекам*».

Факты домашнего насилия были столь обыденны, что информация о них содержится даже в погребальных причитаниях русских женщин:

По царёвым кабакам да находилася,
У питейных я домов да настоялася,
Я за выручку глядела — надрожалася,
Называлась свою надёжицу, накланялась,
Я бесчестьица, победнушка, наслухалась,
Уж я смертных побоев натерпелася …»

— Э. Будде, «К вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа», 1889

Обратите внимание на то, что в данном причитании отражён классический конфликт патриархальной семьи, успешно доживший в сельской местности и до наших дней — во-первых, беганье измученной бабы по кабакам в поисках пьяного мужа, во-вторых, отчаянная попытка хозяйки спасти от пропоя последние деньги, что не менее традиционно оканчивается для «спасительницы» побоями. По истечении целых ста лет всё то же самое о царящих внутри колхозной ячейки общества нравах, практически слово в слово, будет от лица женщины петь главный глас народа 80-х Юра Хой:

Я с ним скоро разведусь,
Без него я обойдусь:
Всё истратит на пропой!
Нам не нужен хер такой.
А вчера схватил ковёр,
«На толпу» его отпёр
И пропил — вот результат!
Поломал ребро мне, гад!

«Муж нередко избивает свою жену из-за любой мелочи или плохого настроения. “Баба живуча как кошка, изобьёшь так, что посинеет вся, ан смотришь, отдышится”, говорят в селе мужики, как бы оправдывая свою жестокость по отношению к жёнам. Бьют и палкой, и рогачом, и сапогами, кулаками, пинком. Если муж бьёт жену и при этом сломает тот предмет из своего несложного инвентаря, которым чинил расправу, то ему гораздо более жалко этот предмет, чем избитую жену».

— А. И. Левитов, «Аховский посад», 1877 г.

Ему же вторила и этнограф Ольга Семёнова Тянь-Шанская: «*Мужик бил свою жену беспощадно, с большей жестокостью, чем собаку или лошадь. Били обычно в пьяном виде за то, что жена скажет поперёк, или били из-за ревности. Били палкой, и рогачом, и сапогами, ведром и чем попало».*

В случае, если женщина особо серьёзно провинилась пред достопочтенным супругом, то на помощь к последнему спешили подоспеть прочие домочадцы. Вот что рассказывала в Курском окружном суде о нанесённых ей побоях крестьянка Цуркина:

«Её муж Иван и его дед Филипп Цуркин наносят ей побои палками, рогачом и плетью, что однажды, привязав её сволоку потолка косами, так что ноги её не доставали пола, муж придерживал её, чтобы она не оборвалась, а дед порол её полчаса

плетью, так что из спины сквозь рубаху и фуфайку текла кровь, а потом и муж стал её бить и бил её до тех пор, пока у неё не оборвались косы».

— Крюкова С. С., «Крестьянское правосудие в лицах: социокультурная антропология судебного процесса в России второй половины XIX века».

Порой жестокого истязания женщины «домашним» казалось мало, и они прибегали к её публичному «осрамлению». Так, в Горельский волостной суд Тамбовской губернии с жалобой на своего мужа в марте 1872 г. обратилась крестьянка Д. Она заявила, что её муж Сергей Антонов Бетин избил её, изорвал на ней рубаху, юбку и вырвал много волос. Через два дня свёкор, деверь и муж, в наказание за жалобу, вязали ей руки в овчину и так водили по селу.

Источником проявления мужской агрессии могло стать решительно что угодно, по принципу старого армейского анекдота «почему в шапке?»: если в постели крестьянка была хороша, то это было подозрительно — наверняка гулящая, так что надо избить для профилактики. Если же была, наоборот, плоха, то... наверное мужа не любит — надо избить для профилактики, шоб полюбила! Так, крестьянин с. Прасковьина Козловского уезда Тамбовской губернии Сергей Николаев Астахов 25 сентября 1913 г. убил свою жену с особой жестокостью. По словам обвиняемого жена, с которой он прожил 20 лет, в последнее время к нему охладела. В день убийства он лёг с ней для полового сношения, но та оттолкнула его со словами: «Какой ты мне муж?!» По его словам, затем он жену «бил сначала по голове колотушкой, а когда она сломалась, схватил топор и бил её до тех пор, пока голова её не превратилась в жидкую кашицу».

Насилие в крестьянской общине не просто порождало насилие, но и создавало соответствующие примеры для подражания. Поэтому то, что шокировало стороннего наблюдателя, в деревне воспринималось как обыденное явление. Интересное суждение о сельских нравах приводил в своих мемуарах А. Новиков, прослуживший семь лет в должности участкового земского начальника Козловского уезда Тамбовской губернии. Он замечал:

«В крестьянской семье более, чем где-либо, проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; старится мужик, вырастает сын, и он начинает бить старика. Впрочем, "бить" на крестьянском языке называется "учить": муж учит жену, родители учат детей, да и сын учит старика-отца, потому что тот выжил из ума. Нигде вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье».

Интересная образовательная система, однако, ничего не скажешь. А вот что писал уже в наши дни путешественник Никита Дёмин, проживший месяц в одной африканской семье на Гаити:

«Они бьют своих детей. Я никогда в жизни не видел такого агрессивного и строгого воспитания. Здесь почти не разговаривают с детьми об их проступках, им не объясняют, почему это хорошо, а это плохо. Их просто бьют за любую провинность. За мелкую бьют не сильно, если что сломал или разбил, то крики бедного ребёнка будут слышны всем живущим на улице. У них даже есть свои приёмы. Например, самое распространённое наказание — это ремнём по ладоням. Ребёнок сам разжимает

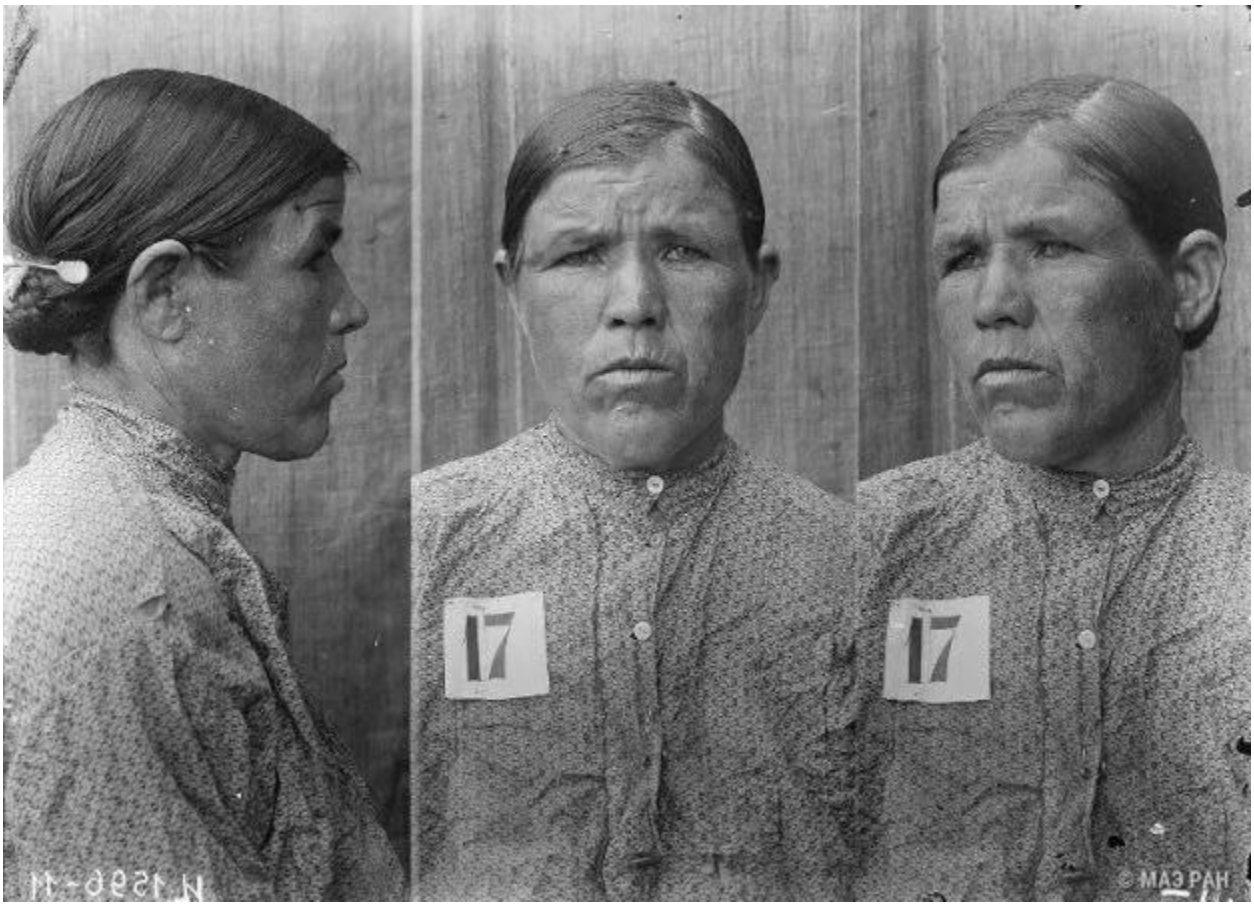
ладони и протягивает их своему родителю, тот уже решает пять раз ударить или десять, например. Здесь не бегают от ремня, здесь не плачут подолгу, здесь это с детства является нормой воспитания. Здесь есть смерть, и путь к ней лежит через "счастливое" детство. "Тебе не кажется, что именно подобные методы воспитания потом сказываются на детях, когда они вырастают?" — спросил я у него. — "Всё идёт из детства, каждый страх, каждая обида, зарождённая в детстве, пройдёт с тобой через всю жизнь. Ты вот удивляешься, что дети потом вырастают в гангстеров и стреляют друг в друга, вот тебе ответ на все вопросы. Ты сам их делаешь злыми и безжалостными, с самого детства. Ты сам, никто другой". Он сказал, что понял, но он ничего не понял, да и никто здесь этого уже не поймёт, всё слишком давно идёт своим чередом, и вряд ли здесь когда-нибудь стихнут хлёсткие звуки карающего ремня и детские всхлипывания после ударов».

Как мы видим, примитивные общества везде и всегда одинаково примитивны, невзирая на вероисповедание, цвет кожи и географическое расположение. С той лишь разницей, что где-то в такой атмосфере вырастают гангстеры, а где-то бомбисты-народовольцы.

Сравните этих детей с теми, что принято показывать в репортажах об Африке. Сравните, и найдите 10 отличий.

Но самое интересное в этом то, что русский мужик сам по себе не был жесток. Корень его зверств относительно жёны, детей и старых родителей, среди прочего, крылся в необходимости следовать… традиции, а вместе с тем и соответствовать образу «грозного мужа» и «настоящего мужика». Члены любого примитивного общества крайне зависимы

от общественного мнения, которое и выступает негласным регулировщиком любых споров, а по сути, и самим Законом. В первобытном обществе нет места слабым и неженкам, а колкая народная молва способна низвести до уровня омеги кого угодно. Так что если все вокруг лупят своих баб, будь добр следовать традиции, а то подумают, что и не мужик вовсе...



Инстаграммъ в те годы, как видите, был не очень… особенно если учесть, что ей 38 лет.

Но дело ещё и в том, что мужик и сам не катался на селе как сыр в масле, и всё, что он делал в отношении жёны/детей/стариков-родителей, в свою очередь с ним делали в повседневной жизни помещики, чиновники, земские начальники, урядники... Сталкиваясь с произволом «сильных мира сего» (который в те годы был всеобъемлющ), крестьянин не мог не искать выхода негативным эмоциям, что рождало закономерное желание продемонстрировать свою власть хоть где-то, пусть даже в пределах семейного круга (по той же причине формируется, например, склонность к зоосадизму). Причём подобное стремление к самоутверждению принимало порой совсем уж неожиданные, если не сказать извращённые, формы. Так, информатор из Орловской губернии в своём сообщении в адрес Этнографического бюро приводил один примечательный случай: *«Муж поспорил, что жена его не посмеет отказаться при всех лечь с ним. Была призвана жена и беспрекословно исполнила требуемое, муж выиграл пари, а мужики даже поднесли бабе водки “за храбрость”»*.

Сложности при разбирательстве дел о домашнем насилии обуславливались круговой порукой и заведомо ложными свидетельскими показаниями, обычно носившими массовый характер — ещё одна негативная черта примитивного общества, в наши дни благополучно сохранившаяся, например, на Кавказе. Более того, благодаря этой

особенности даже далеко не все убийства возможно было расследовать, что уже говорить о побоях? Красноречивым примером является следующее дело:

«В феврале 1880 г. крестьянка Дарья Андреева была жестоко избита своим мужем Егором Андреевым за то, что не дала ему денег на водку. Избитая, пришла в дом соседа Ивана Лязгина. Со слов домочадцев, «…Она была до того слаба, что не могла стоять на ногах, повалилась на пол, попросила "испить водицы", и затем с нею началась агония. Дали знать мужу, он пришёл и начал пинать ногами умирающую, упрекая её в том, что она, старая ведьма, притворяется. Но "притворщица" самым неприятным образом испустила дух». Когда по факту смерти Дарьи Андреевой началось следствие, волостной старшина несколько раз выезжал на место происшествия, собирал свидетельские показания, но ничего не смог узнать: «Не только "общественники", но и даже ближайшие свидетели катастрофы: Лязгин (весьма почтенный старец) и все члены его семьи под присягой готовы были утверждать, что Егор Андреев — примернейший супруг в мире, что он с покойной Дарьей Николаевной жил душа в душу, так что даже со стороны на них завидно было глядеть, что он её не только молвил…». Следствие зашло в тупик. Более того, так как «все огулом стояли за Андреева», то под общим давлением волостной старшина Соколов, расследовавший это дело, совершил подлог документов. Он заменил первый рапорт по факту убийства на другой, где сказано, что крестьянка умерла от сердечного приступа. Однако подлог был обнаружен раньше, чем Д. Андрееву похоронили: окружной врач прибыл освидетельствовать тело, и на его объективное заключение общество повлиять уже не могло. Подобный пример не единичен»

— Науменко О. Н., «Правосознание сибирского крестьянства: из истории проблемы», научный вестник Тюменского Государственного университета.

Свадьба в Туле, 1902 г.

«Подержи-ка мой кофе», как сказал бы русский крестьянин Данте Алигьери, ознакомившись с его кругами ада, после чего показал бы слащавому гейропейцу быт своей жёны. Ведь тяжёлый физический труд и бесконечные побои — далеко не единственная превратность на жизненном пути русской бабы в «стране, которую мы просрали». В перерывах между побоями бабу ещё, между прочим, и ебали. И едва ли секс той поры можно отнести к процессам, связанным с получением удовольствия. Как минимум для женщины.

Очень хорошо любовный быт крестьянской общины был продемонстрирован в весьма реалистичном (но, к сожалению, скучно-унылом) фильме «Жила была одна баба», который в своё время вызвал в обществе целую волну негодования. Почитав преисполненные ненавистью отзывы на кинопоиске, я понял, что фильм показывает неудобную правду, а стало быть, он обязателен к просмотру. Весь фильм представляет собой тотальное мрачилово, но именно им он, как водится, и великолепен. Просто опишу одну типичную сценку из фильма: баба пришла домой. Муж выебал и отпиздил. Баба пошла собирать ягоды. Поймали три мужика. Выебали и отпиздили. Вернулась домой. Муж узнал, что её в лесу выебали и отпиздили, ввиду чего наказал — выебал и отпиздил! Потом бабу увидел отец мужа. Ни за что не догадаетесь, что сделал! Кстати, и это тоже было неотъемлемой частью духовных скреп и традиционных семейных ценностей, которые, как призывает Путин, «нам непременно надо возродить». И это явление даже имело своё официальное название — снохачество.

Владимир Набоков (отец того самого писателя) писал об этом следующим образом: *«Нигде, кажется, кроме России, нет по крайне мере того, чтобы один вид кровосмешения приобрёл характер почти нормального бытового явления, получив соответствующее техническое название — снохачество»*.

А вот как данный народный обычай описывался в книге «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева»: «В ряде мест, где снохачество было распространено, этому пороку не придавали особого значения. Более того, иногда о снохаче с долей сочувствия говорили: “Сноху любит. Ён с ней живёт как с женой, понравилась ему”. По наблюдению краеведа и этнографа А. В. Балова, в ярославских сёлах “снохачество или сожительство свёкра со снохой — явление довольно нередкое”. Из Болховского уезда Орловской губернии информатор в 1899 г. сообщал: “Снохачество здесь распространено потому, что мужья уходят на заработки, видятся с жёнами только два раза в год, свёкор же остаётся дома и распоряжается по своему усмотрению”».

Мало кто знает о том, что в середине XIX века во многих регионах России (например, в Тамбовской губернии) имелась красивая традиция женить 12-13 летних мальчиков. И корни этой традиции носили более чем практичный характер: хитрый батяня умышленно

женил своих сыновей молодыми для того, чтобы, пользуясь их неопытностью, иметь их невесток. А поскольку детей в семье было много, то иные прозорливые отцы устраивали себе целые гаремы из юных наложниц. Сам же механизм склонения снохи к поёбыванию со свёкром был достаточно прост: в ход шли и уговоры, и подарки, и посулы лёгкой работы. Обычно такая целенаправленная осада давала свой результат. Жизнь женщин, отказавших своим свёкрам в удовлетворении их плотских желаний, по данным этнографов, становилась невыносимо мучительной. Так, специалист по гражданскому праву дореволюционной поры Е. Т. Соловьёв в своём труде отмечал, что «когда сноха не желает быть сожительницей свёкра, ей достаются от него жестокие побои, арест в подполе, погребе или в холодном амбаре».

Пример склонения свёкром снох к половой близости приведён в корреспонденции (1899 г.) жителя села Крестовоздвиженские Рябинки Болховского уезда Орловской губернии В. Т. Перькова:

«Богатый крестьянин Сёмин 46 лет, имея болезненную жену, услал двух своих сыновей на «шахты», сам остался с двумя невестками. Начал он подбиваться к жене старшего сына Григория, а так как крестьянские женщины очень слабы к нарядам и имеют пристрастие к спиртным напиткам, то понятно, что свёкор в скорости сошёлся с невесткой. Далее он начал «лабуниться» к младшей. Долго она не сдавалась, но вследствие притеснения и подарков — согласилась. Младшая невестка, заметив "амуры" свёкра со старшей, привела свекровь в сарай во время их соития. Кончилось дело тем, что старухе муж купил синий кубовый сарафан, а невесткам подарил по платку».

В тех же случаях, когда преступная связь свёкра со снохой открывалась, виновной, как правило, признавалась… женщина, которую ожидала жестокая расправа со стороны мужа. Вот характерный итог самочинной расправы:

«Жена была избита до полусмерти; волосы наполовину были вырваны, лицо превращено в один сплошной синяк, тело исщипано, одежда изорвана в мелкие клочки, так что женщина очутилась на улице совсем нагая»

— «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева»

И архивы Российского этнографического музея буквально изобилуют подобными свидетельствами, например: *«В крестьянском дворе, когда бок о бок жило несколько семей, порой возникали замысловатые любовные треугольники. По сведениям (1899 г.) из Пошехонского уезда Ярославской губернии, в местных сёлах имелись случаи сожительства тёщи с зятем или связи со свояченицей. В орловском с. Конёвке было распространено сожительство между деверем и невесткой. В некоторых семействах младшие братья потому и не женились, что жили со своими невестками. По мнению тамбовских крестьян, кровосмешение с женой брата вызывалось качественным превосходством того брата, который отбил жену. Братья не особенно ссорились по этому поводу, а окружающие к такому явлению относились снисходительно. К внутрисемейному решению вопроса об обретении подруги не на стороне, а в собственном доме, нередко подталкивали сами родители. Сохранился эпизод, зафиксированный в Вятской губернии, когда мать прямо сказала сыну, что негоже связываться "с потаскухами", "вон, ведь, есть свои кобылы", указав на дочерей».*

— Пушкарёва Наталья, «Женщина в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века)»

Как явление снохачество сошло на нет лишь после революции 1917 года, когда большевики принялись рьяно искоренять патриархальный уклад семьи с присущими ему традиционными семейными ценностями. И вас не должно удивлять, как поразительно толерантное отношение крестьян к инцесту («*негоже связываться с потаскухами, вон, ведь, есть свои кобылы»),* так и лёгкость восстановления семейного благоденствия путём покупки пары платков и сарафана. В обществе находящемся на уровне развития первобытного; в обществе не знающем культуры никаких представлений о морали и нравственности не может быть по определению. Мораль придумывали уже много позже голодные романтики и сытые пропагандисты. Единственная мораль известная дикарям — это мораль церковная. Но она носит исключительно декоративные функции. Секс, как некое сакральное таинство — продукт жителей просвещённых эпох. Для обитателей же первобытной общины в сексе не больше таинства, чем для уличной собаки. Отсюда и лёгкое отношение — справление естественных потребностей и не более того.

Сельские дамы и в наши-то дни славятся как легкодоступные — представьте себе, что было тогда. И это ещё на самом деле сущие пустяки. Ввиду лёгкости отношения к сексу в совокупности с всепоглощающей антисанитарией снижается и порог брезгливости. Это приводит к распространению в примитивных обществах таких пороков как зоофилия. Ведь невозможно живя в грязи обладать чистым помыслом. Это было широко распространено среди пастухов Северного Кавказа (шутки о романтичных отношениях кавказских ослоёбов с овечками и осликами — не шутки), среди жителей Африки (только там роль овечек выполняли обезьянки, что и привело к появлению ВИЧ), Средневековой Европы (где, среди прочего, католическая церковь приложила немало усилий, чтобы изничтожить такую красивую европейскую традицию, как каннибализм), и, конечно же, в утраченной ныне Православной Руси. И вот как раз о всех этих неприглядных аспектах сексуальной жизни в дореволюционной Руси, мы поговорим в следующей части. И уверяю вас: это будет первый в своём роде эротический рассказ, от которого вам не захочется подрочить…

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 2

По серии постов о Руси, «которую мы просрали», кому-то может показаться, что автор восхваляет большевиков. Это, конечно, не так. Однако же, описывая убогий советский быт рядового труженика, не следует бросаться в крайности, незаслуженно романтизируя предшествующую советскому строю эпоху. Так же, как не следует и всех собак вешать на коммунистов: революция — не заслуга большевиков, но порождение лично Романовых. Ведь сколь бы серой ни являлась советская Россия, имперская Россия была стократ хуже, и от Африки отличалась только тем, что крестьяне скрывали гениталии за хлопковой тканью портков, а не за банановыми листьями. Впрочем, даже это не столько заслуга Российской Империи, сколько климатических условий: кутаясь в банановом листке на наших морозах, долго не протянешь, так что хошь не хошь, а шить портки/строить избу тебе придётся.

Обвинять Ленина в терроре — всё равно, что обвинять Ельцина в разгуле бандитизма и алкоголизации 90-х. Ельцин лишь получил в наследство тот материал, который заботливо вылепил грязными руками коммунизм, так что мглы 90-х избежать было физически невозможно, будь на месте Ельцина хоть лучший президент в мире. Так же и с Лениным: красный террор и гражданская война — прямое следствие тысячекратно описанных социальных процессов: мальтузианской ловушки, в которую страну собственноручно загнали Романовы и «Теории преобладания молодёжи», которая является не менее прямым следствием крепостничества низвергшего крестьян до уровня папуасов, обитающих вдоль брегов Амазонки.

Имея такой контингент, избежать террора и гражданских войн невозможно. По этой причине в Африке и идут бесконечные гражданские войны, которым не видно ни конца, ни края. Ненависть, с которой вчерашние крестьяне и рабочие рвали в клочья все атрибуты царской России, также не более чем следствие предшествующего этому отношения власти к народу. Мы можем писать сколь угодно о том, какие зверства творили коммунисты, но все эти красные звери, как и бандиты при Ельцине, были старательно взращены имперской Россией. Так что не будь Ленина, был бы кто-нибудь другой, но от перемены мест слагаемых результат едва ли поменяется.

Мода на Святую Русь появилась в 90-е как антипод общественным представлениям о советской России. Игорь Тальков на свой пафосный «Суд» собирал огромные стадионы страждущих предаться тёплым воспоминаниям о «Стране, которую мы просрали». Тогда же постоянно говорили, мол, СССР остановил развитие России на 70 лет. То, что СССР разительно отставал от стран Запада решительно во всём — не секрет, но не совсем понятно, какое он там развитие мог остановить на 70 лет? Ну, разве что только развитие вшей и сифилиса. В те же 90-е началась и предельная романтизация морали и нравственности на Руси (что было прямым антиподом позднесоветскому распутству). И если послушать рассказы тогдашних демократов а ля Тальков и сегодняшних ымперцев, то создаётся впечатление, что крестьяне были настолько духовны, что пукали исключительно шанелью номер пять, а какали конфетами «коровка» (а в урожайные годы — птичьим молоком, чурчхелой и рахат-лукумом). И лишь потом пришли большевики, весь рахат-лукум съели, а крестьян заставили пердеть громко и зловонно да срать эстетически отталкивающим говном.

Детей же крестьянам, видимо, приносили ангелы — прямо с неба спускались, держа малыша под розовые плечики. А крестьяне-то вокруг плясали и радовались под разливающиеся по улочкам божественные песнопения. Пока об этом не прознали жидобольшевики и из вредности не запретили всю религию и ангелов, спускающих с неба крестьянам детей. Запретили и заставили крестьянок рожать детей прямо из пизды, чтоб больно, мучительно и не шибко красиво. Крестьяне поначалу, конечно, возмутились, мол, это же неприлично! Как это так — прямо оттудова? «Да-да, оттудова!», — лишь усмехнулись большевики — «Шоб прям как в фильме “Чужой”», — и пошли себе дальше русский дух изводить.

Но нет. На Руси не просто не было нравственности — не было даже её зачатков, о чем нам в который раз поведают красивые народные пословицы и поговорки. Насладитесь их первозданной духовной чистотой и посконной мудростью жизни, отлитой в веках нашими предками:

- — Пизда не лужа, останется и мужу.
- — Пизда не мыло — не сотрётся.
- — Пизда не калач — один не съешь.
- — Хорошо пизде, даже на гвозде.

Красиво-то как, а? Будто бы под аккомпанемент райской арфы несётся по округе мудрость поколений, проникая в каждое открытое окно, пробираясь даже в самую потаённую щель да под самую захудалую половицу. А эту поговорку не иначе как придумали братья Черепановы в процессе создания своего паровоза: «Была бы дыра, да пар валил».

Ну, а чему она ещё может быть посвящена в имперской Руси, славящейся своими железными дорогами! А далее нас ждёт, судя по всему, какой-то ныне утерянный красивый крестьянский обряд ухаживания за дамой сердца: «Приди поутру — мудями жопу натру! Приди опять — жопу отпять! Приди ось-так к окну — хуй в жопу и воткну!».

Ну и до кучи, вот вам ещё немножечко мудростей житейских:

- — Одного-то хуя мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить.
- — Пихай рогатину в бабью телятину.
- — Одной жопой всех не обсеришь.
- — Срастись пиздища сустав в сустав, только хую место оставь (прим.: это из заговоров бабок-повитух после принятия родов).
- — Не от свата, что пизда косматa: раздувай и еби.
- — Видно, что с праздника: идёт и пизду утирает.
- — Нападёт на пизду невзгода — и в церкви выебут.
- — Чиста пизда, когда поп ёб. (прим.: с гигиеной на славящейся банями Руси было очень туго, однако к батюшке на исповедь неподмытой ходить было не по понятиям — святой человек всё-таки).
- — Баба пьяная — пизда чужая (прим.: от этого позже пойдёт «Пьяная баба — пизде не хозяйка»).
- — Молодушка молода, а на пиздени борода.
- — Жопа ночью барыня: что хочет — лопочет.
- — Бздёх не схватишь, в жопу не впрячешь.
- — Не поевши срать — только жопу драть.
- — Твоя пизда с лукошко, а моя с решето.
- — Смех смехом, а пизда кверху мехом.
- — Лопнула пизда — пропали денежки.
- — Не повезёт, то и в пизде на гвоздь напорешься.
- — Пизда не бог, а помогает.
- — Хуй и пизда — большие друзья!
- — Не говори своей жене у кого хуй велик.
- — Дай хуй свежий, хоть медвежий.
- — Дров ни полена, зато хуй по колено.

- — Не боится баба ни большого хуя, ни малого, а боится вялого.
- — Дородна сласть — четыре ноги вместе скласть.
- — Коль девка захочет — сквозь замочную щёлку даст.
- — Какая барыня ни будь, всё равно иё ибуть.

— Михаил Армалинский, «Русские бесстыжие пословицы и поговорки».

Высокие морально-нравственные ориентиры тогдашнего общества прослеживаются и по сказкам, собранным этнографами в российской глуши. И уверяю вас, сказки эти не из тех, которые вам захочется почитать своим детям на ночь. Вообще, все народные сказки от колобка до курочки Рябы с художественной точки зрения представляют собой вопиющий примитив, и при этом до наших дней их дожило совсем немного — попробуйте навскидку перечислить в уме хотя бы десяток (именно народных дореволюционных, т. е. всякие там Маши и Медведи, пересказанные Толстым с западных оригиналов, естественно, не считаются). И если это были лучшие сказки, то представьте себе, как в свою очередь выглядели не самые приоритетные из повестей данного жанра. Об этом нам как раз поведают хранящиеся в институте русской литературы РАН рукописи этнографа Александра Афанасьева, под названием «Заветные сказки». Вот один из примеров. Сказка называется «Медведь и баба»:

«Пахала баба в поле; увидал её медведь и думает себе: — Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки поломал, а с бабами не доводилось повозиться.

Вот подошёл он к бабе и говорит:

— Давай-ка поборемся!

— А если ты, Михайло Иваныч, разорвёшь у меня что?

— Ну, если разорву, так улей меду принесу.

— Давай бороться!

Медведь ухватил бабу в лапы, да как ударит её оземь — она ноги кверху задрала, да схватилась за пизду и говорит ему:

— Что ты наделал? Как теперь мне домой-то показаться, что я мужу-то скажу! Медведь смотрит, дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда ни возьмись бежит мимо заяц.

— Постой, косой! — Закричал на него медведь. — Поди сюда! Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за края пизды, натянул их и приказал косому придерживать своими лапками. А сам побежал в лес, надрал лык целый пук — едва тащит. Хочет зашивать бабе дыру. Принёс лыки и бросил оземь, баба испугалась, да как пёрднет, так заяц аршина на два подскочил вверх.

— Ну, Михайло Иваныч, по целому лопнуло!

— Пожалуй, она вся теперь излопается! — Сказал медведь и бросился что есть духу бежать: так и ушёл!»

Вот недаром ведь говорят, что сказка — ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок. Какого всё-таки великого культурного наследия нас лишили большевики, даже обидно как-то. К слову, желающие могут найти отдельные сказки из сборника в сети. Но не рекомендую — все остальные сказки представляют из себя точно такую же бессмысленную тупую околесицу, написанную лишь с одной высокоморальной целью — приплести хуй или пизду.

Да что там сказки и поговорки! Вы удивитесь, но моральный облик населения в те годы был столь весом, что по данным 1894 года от пяти до двадцати процентов населения Смоленской, Псковской, Рязанской, Воронежской и Тамбовской областей было больно сифилисом. Это только по официальным данным, и только по сифилису. Среди же хрустящей французской булкой знати сифилисом болело… более 20% населения. Но это отнюдь не потому, что городская знать была более развращена — просто у городских была

медицина, у деревенских же в основном нет. Потому на селе и учёта никакого не велось. Помимо прочего, в селе царил уклад, согласно которому «бабе негоже нутро перед врачом выворачивать», (сегодня такой подход сохранился на Кавказе), так что сельские женщины ни на какие заболевания (как венерические, так и чисто «женские») вообще не проверялись. Всё это привело к тому, что на заре революции страну поразила эпидемия сифилиса (гугли по запросам: «эпидемия сифилиса в конце 19 века»; «эпидемия сифилиса на Руси» и т. д.). Причём масштабы эпидемии были столь велики, что, по бытующему мнению, честь нести почётное знамя заслуженного сифилитика Российской Империи выпала даже Ильичу.

Столь печальная развязка едва ли кого-то сможет удивить, если почитать очерки современников о былой морально-нравственной жизни, которую мы, к счастью, потеряли. Знаменитый этнограф Ольга Семёнова-Тян-Шанская (дочь того самого географа, первооткрывателя Тянь-Шаня — не путать с советской шахматисткой с точно такими же инициалами — она уже его внучка) так описывала свои наблюдения за брачными играми в одном из сёл Рязанской губернии:

«С воскресенья на “красной горке” девки выходят в первый раз на улицу для песен и кругов, и с этого дня вплоть до зимы бывает по всем праздникам и даже иногда по будням на деревне “улица”. Водят круги, в которых “ходят малые”, выбирая девушек и целуя их, пляшут под звуки “жалейки” и гармоники. Танцуют иногда “по-дамски”, то есть “кадрель”, и, наконец, когда все старшие уже улягутся спать, кто хочет уходит в “конопи”, в кусты, за риги, в солому, и там уж дело доходит до связей. Приблизительно то же самое и на вечеринках: можно уйти в ригу, в сарай».

Проституции на селе, конечно, не было, но, как известно, дьявол таится в мелочах: «не было» её лишь потому, что секс за вязанку хрустящих баранок или сдача дочери внаём считались лишь житейской необходимостью.

«Профессионального разврата не существует, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подарком. Одна баба очень наивно признавалась: “Прижила себе на горе сына и всего-то за пустяк, за десяток яблоков!”

Бабы и девки очень любят ходить за яблоками в сады к съёмщикам. Яблоки покупаются или, лучше сказать, меняются на яйца, а иногда на самоё себя… Нынешним летом был такой случай, что двадцатилетний караульный яблоневого сада изнасиловал тринадцатилетнюю девочку — и мать этой девочки (очень, правда, бедная) помирилась с обидчиком за три рубля.

Иногда весною, до рабочей поры, несколько баб и девок из одной деревни “подымаются” идти на богомолье в Воронеж или к “Сергию-Троице”. Родители и мужья очень хорошо знают, что такое это богомолье, но несколько сговорившихся между собою баб и девок представляют собою силу, против которой трудно бороться. Идут, заночёвывая Христовым именем по разным деревням, и чего, чего тут ни бывает. Один деревенский житель очень справедливо окрестил это богомолье “служением чернобогу”».

— Ольга Семёнова-Тянь-Шанская. «Жизнь “Ивана”. Очерки из быта крестьян одной из чернозёмных губерний». СПб., 1914.

И кто там говорит, что нынешние девушки — не то, что раньше? Недостаточно нравственны, видите ли. Пойди сегодня, найди ту, что за десяток яблок тебе даст. То-то и оно! Впрочем, учитывая внешность и гигиену прекрасных тургеневских девушек, 10 яблок даже как-то дорого.

Нечто подобное мы увидим если почитаем труды другого исследователя — Энгергальдта Александра Николаевича:

«У бабы же на первом плане — деньги. За деньги баба продаст любую девку в деревне, сестру, даже и дочь, о самой же и говорить нечего. "Это не мыло, не смылится", "это не лужа, останется и мужу", — рассуждает баба. Проданная раз девка продаст, лучше сказать, подведёт, даже даром, всех девок из деревни для того, чтобы всех поровнять. Охотники до деревенской клубнички очень хорошо это знают и всегда этим пользуются. Нравы деревенских баб и девок до невероятности просты: деньги, какой-нибудь платок, при известных обстоятельствах, лишь бы только никто не знал, лишь бы шито-крыто, так делают все».

— Энгельгардт А. Н. Из деревни. «Письмо седьмое. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в.», 1887

На самом деле винить женщин в лёгкой доступности за три рубля (вот откуда пошло «Маша — три рубля и наша») не совсем уместно, ибо там, где велик голод, велик и соблазн заработать единственным, что тебе досталось в наследство от родителей. Это в частности касается и мужиков, просто им никто не платит, вот и корчат из себя морализаторов. Поскольку статьи посвящены именно крестьянству, мы, к сожалению, умолчим о том, как среди вчерашних мужчин-крестьян (в особенности среди молодёжи) в Петербурге была распространена педерастическая проституция с дворянами.

«На севере России хозяин, отдавая внаём квартиру, предлагает жильцу свою супругу или дочь, увеличивая, разумеется, при этом квартирную плату. В ряде сёл Болховского уезда Орловской губернии существовал обычай почётным гостям (старшине, волостному писарю, судьям, заезжим купцам) предлагать для плотских утех своих жён или невесток, если сын находился в отлучке. При этом прагматичные крестьяне не забывали брать плату за оказанные услуги. В сёлах Мешкове и Конёвке того же уезда бедные крестьяне без смущения посылали своих жён к приказчику, или к какому–либо состоятельном лицу за деньгами на табак или на хлеб, заставляя их расплачиваться своим телом»

— Серафим Шашков, «Очерк русской женщины», 1879

Нужно признать, что и сам крестьянский быт создавал все возможные условия для сексуальной распущенности. Ведь половые отношения в семейной повседневности были лишены любых проявлений интимности. Откуда взяться сакрализации/романтизации интима, если в крестьянской избе все спали вместе: и стар и млад, и мужчины и женщины? Скученность быта приводила к тому, что крестьянские дети постоянно становились невольными свидетелями соитий своих родителей. Земский врач А. А. Жуковский по этому поводу писал:

«Днём и ночью, во время работы и отдыха, сна и развлечений они (т. е. женщины) постоянно находятся в самых близких отношениях с мужчинами, подобно им грубыми, не умеющим обуздать своих страстей и не привыкшими уважать права женщин. Ни в одном слое общества не бывает такого большого числа изнасилований незрелыми мальчиками малолетних девочек, как в простом народе».

Неспособны были мужчины обуздать свои страсти не только в отношении женщин:

«Противоестественные пороки распространены ужасно. Педерастия свирепствует не только на Кавказе и других азиатских местностях, но и в Петербурге, и везде, даже в деревнях. Она распространена в войсках и, особенно, в закрытых учебных заведениях…»

— Шашков С. С. Очерк русской женщины. СПб., 1879

А как же… тогда же не было педерастии этой западной… Как они вообще о ней узнали, если агенты Госдепа ещё не вели своей тлетворной пропаганды… Или вели? Не понимаю! А на деле всё очень просто: слабая разборчивость в половых связях очень тесно коррелирует с сексуальными же девиациями. Неразборчивому человеку, по сути, неважно, куда и что совать — ему главное засунуть. Бытует мнение, что педерастия — порок, наиболее распространённый среди городских жителей, но это, конечно, миф. Миф, придуманный деревенщиной. Именно в социальных низах, где взаимоотношения между людьми поражают невзыскательностью нрава, сексуальные перверсии и девиации наиболее распространены, будь то инцест или педофилия. К городу просто приковано больше общественного внимания — там все на виду, в то время как мало кто увидит, что происходит ночью за амбарным замком иного деревенского очага. А за этим замком, между прочим, могут рождаться на ничего не подозревающий свет совсем уж странные любовные отношения:

«Скотоложество распространено, кажется, ещё больше, чем педерастия. В некоторых местностях, например, в северо-восточных губерниях оно имеет полные права гражданства, и крестьяне здесь пользуются им даже как медицинским средством, будто бы избавляющим от лихорадки…»

— Шашков С. С. «Очерк русской женщины». СПб., 1879

По наблюдениям Николая Кострова, исследовавшего юридические обычаи населения Томской губернии, скотоложество в селе также явление не редкое. Среди некоторых крестьян оно совершалось из суеверия, т. к. считалось единственным средством от продолжительной лихорадки. Свои наблюдения он изложил в книге «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876».

Французскую булку крестьяне предпочитали заедать падшими лошадьми (1912 г.) Вообще, если порыться по этнографической литературе, то можно немало лулзов словить по этой теме. Я особо проорал с истории про взаимоотношения отдельных крестьян с курами:

«Мужики д. Козлово Ростовского уезда Ярославской губернии жаловались земскому начальнику на своего односельчанина, за то, что он «портит их кур», от чего у тех выходит наружу вся внутренность. В одном из селений Симской волости той же губернии крестьянин вступил в половую связь с овцой. Крестьяне овцу эту убили, потому что, по их мнению, такая овца принесёт зверя — наполовину человека, а наполовину скота. Информатор этнографического бюро, жительница Орловского уезда той же губернии, А. Михеева сообщала: “В народе распространён порок скотоложства, этот порок тщательно скрывается, только поговаривают тогда, когда спрашивают у кого-нибудь, где отмолить этот грех и как”».

— Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева.

То, что факты скотоложества имели место в сельской среде, подтверждается и материалами полицейского ведомства. В рапортах уездных исправников Тамбовской губернии за 1908 г. отмечено два таких эпизода. Пристав 5-го стана Тамбовского уезда рапортом от 7 июня 1908 г. доносил о том, что крестьянин с. Шадровка Курдюковской волости Яков Еремеевич Казьмин, 50 лет от роду, совершил скотоложство с лошадью крестьянина с. Пановых Кустов Прохора Тихоновича Попова. Преступник был задержан и вместе с дознанием сопровождён в распоряжение судебного следователя. В рапорте от 14 сентября 1908 г. тамбовский уездный исправник сообщал, что в имении землевладельца Ивана Хренникова Лавровской волости конторщик Иван Иванович Аверьянов 30 августа с. г. был застигнут на скотном дворе, совершающим плотское совокупление с

экономической (т.е. служебной) собакой — самкой по прозвищу «Тигра». Обвиняемый Аверьянов от роду 41 год, семейный, имеет жену и детей.

Два случая за год в одной губернии — это много или мало? Если учесть, что достоянием общественности становятся лишь единичные случаи (кто же станет ебать кобылу на виду у всех?), то даже по двум случаям можно сделать далеко идущие выводы о распространённости на селе такого порока. Впрочем, нам нет никакой нужды жить в то время и держать свечку, чтобы сложить своё мнение о происходящем на основе лишь науки социологии. Чем ниже в обществе сексуальная и бытовая культура, тем больше в нём того, что нами считается диким — от инцеста до зоофилии. Чем ниже в обществе санитарных норм, тем ниже в нём и порог брезгливости. Неприемлемость нашими современниками зоофилии есть прямое следствие не морали, а банальной брезгливости. Если б вы жрали руками с пола и жили в избе вместе со своим же скотом, там же разделывали туши и там же спали, вы бы и к зоофилии относились куда проще. Люди, живущие с природой душа в душу, извините меня, живут с ней по-настоящему, принимая её плоды до последнего остатка.

Очевидно, что секс с животными практиковался не ввиду самой страсти к ним, а ввиду отсутствия женщины под рукой в тот момент, когда приспичило. Понятно, что мужик, имеющий жену и невесток своего сына, едва ли искусится дырой свиноматки в сарае. Но если обстоятельства сложились иначе, то, как сказал дворник из «Двенадцати стульев», «кому и кобыла невеста». По этой причине данный порок был наиболее широко распространён среди пастухов Кавказа — они на много дней уходили на выпас скота далеко от дома. А там людей нет, и баб — тоже. Тишь, да благодать, и лишь беззвучно гуляющий в поле ветерок напоминает о твоей принадлежности к царству природы. Впрочем, отголоски той красивой эпохи до сих пор сидят в общественном подсознании, только сегодня зоофилия приобрела сугубо латентные формы. Наиболее яркий пример мы можем обнаружить в пристрастии молодых девчонок к коневодству и верховой езде. А между тем, по мнению исследователей, данная страсть к коням среди молодых девочек — настоящая латентная зоофилия, т. к. девчонка видит в коне то самое мужское начало, страсть к которой в неё заложила сама природа. И дело здесь не только в статности данного животного, но и в дополняющем эту статность огромном члене. По мнению всё тех же похотливых исследователей, практически все девочки-конефанатки так или иначе трогали гениталии коней, оставаясь с ними (с конями) наедине. В общем, как мы видим, казалось бы совершенно противоестественный порок, на деле-то не так уж и противоестественен.

При этом, надо отметить, что грех скотоложества (как и педерастии) населением на селе всячески бичевался. Однако это неприятие было обусловлено не столько представлениями о морали, сколько тем, что всякий такой факт, ставший достоянием гласности, подрывал репутацию общины в целом. Примитивное общество, живущее единой общиной, как правило, несёт за провинности каждого отдельного члена общества коллективную ответственность. В условиях блокады злых языков соседних деревень, выявленный факт иного непотребства бросает тень и на всю деревню. Например, жителей с. Семьяны Нижегородской губернии обитатели соседних деревень называли «кобылятниками», что происходило отнюдь не от изобилия в деревне наделов для выпаса лошадей. Причиной тому стал крестьянин, который был пойман в противоестественном совокуплении «с кобылой». Таким образом, в русском селе (как, впрочем, и в нерусском) сила общественного порицания являлась более действенным средством, чем закон.

Эту систему коллективной ответственности и вытекающей из неё зависимости от общественного мнения сегодня мы можем наблюдать на том же Кавказе. Важно понимать, что мораль примитивного общества носит исключительно декоративную форму, как защита от злых, но не духов, а языков. Когда на Кавказе трепетно относятся к женской чести и чуть ли не убивают согрешившую девушку, это обусловлено отнюдь не заботой о нравственности, а бесконечной враждой между тейпами и кланами. Просто если об этом прознает вражеский род (а они там все друг друга ненавидели испокон веков), то обязательно использует это для информационной атаки. Обратите внимание на то, как принято на Кавказе говорить о такой женщине: «Ты опозорила НАС, весь НАШ

РОД». Не себя, нет, а отца и братьев. И правда, с чего бы им заботиться о чести женщины, если она там считается за домашний скот?

Аналогичные неблаговидные причины кроются и за всеми их «красивыми» традициями. Сопровождение женщины мужчиной на улице обусловлено лишь тем, что их общество настолько дико, что покажись она одна на улице — её сразу же утащат и выебут целым аулом. Да если б просто выебали — это ещё ладно. Так ведь растрезвонят всем — вот где беда. А родня опороченной девушки теряет не столько её честь, сколько ценный ресурс — она для них не более, чем способ поднятия личного благостостояния. Ведь за невесту жених им должен выплатить КАЛЫМ! Вот и ходили с девушкой братья, чтоб её за бесплатно не отымели. Так что весь этот свод красивых традиций и обычаев, а также религиозный свод правил — самое банальное желание скрыть неприглядное положение вещей.

На Кавказе всегда жили бедно, потому там не могло не быть и проституции — она не просто была там всегда, но и активно существует поныне даже в таких тоталитарных республиках как Чечня. Просто проституция там... как бы это сказать... халяльная! Поскольку с одной стороны сынам Аллаха нельзя ходить к проституткам, а с другой — девушка должна блюсти честь, проблема справления половых нужд очень просто решилась введением норм «временного брака». Так у входа в дом наслаждений (квартиру, комнату, сарай, палатку) обычно сидит мулла и совершает над сыном Аллаха и жрицей любви обряд бракосочетания. Когда довольный сын Аллаха покидает свою даму (как и положено уплатив за невесту калым), то мулла совершает обряд развода. И это не шутка. Воистину, «всё гениальное просто»! Причём, поскольку общество это особо высокоморальное, то девушку находят, как правило, по связям, т. е. её сами родители/братья и сдают в аренду точно так же, как в дореволюционной Руси сдавали приложением к жилью за отдельную плату. Иногда, конечно, как на Кавказе, так и в прочих исламских странах, устраивают показательные казни жриц любви, но это происходит исключительно в тех случаях, когда о нелёгкой профессии девушки стало известно публично — надо же показать, как мы нравственны, и публично наказать. Недаром же говорят, что самые ярые морализаторы — бывшие проститутки. Совесть проебли — одна мораль осталась. В той же Чечне проституция сегодня вполне себе развита, а чтоб во внешнем мире никто не узнал — девочек находят по знакомствам. И если учесть, что там каждый кому-то брат-сват и прочий родственник, то проблем в поисках нет никакой.

Кто-то может удивиться тому, откуда у крестьян были деньги на фотографии, ведь по тем временам это была невиданная роскошь. Всё просто — крестьяне никогда и не видели фотографий с собой, а снимали их исследователи и путешественники, точно также, как сегодня блогеры ездят поснимать дикарей в Африку. Беспорядочные половые связи на высоконравственной Руси вполне закономерно приводили и к нежелательным беременностям. И тут начинается самая лютая жесть. То, что для предотвращения беременности в деревне некоторые девицы глотали ртуть и пили разведённый в воде порох — это так, детские шалости. То, что широко использовали менструальные выделения, которые смешивали с мочой и пили (такое вот образованное общество было. Что интересно в диких племенах Африки существуют точно такие же обряды) — тоже. Куда более зловеще выглядит методология по непосредственному вызыванию выкидыша. По сообщениям корреспондентов Этнографического бюро, чтобы «выжать» ребёнка, в деревне перетягивали живот полотенцем, верёвками, поперечниками, клали тяжести. С этой же целью девушки умышленно поднимали непосильные тяжести, прыгали с высоты и даже били по животу тяжёлыми орудиями. Помимо приёмов механического воздействия для вытравливания плода в деревне употребляли (часто с риском для жизни) различные химикаты.

«Изгнание плода практиковалось часто, — признавал в корреспонденции В. Т. Перьков, информатор из Болховского уезда Орловской губернии, — к нему прибегали девицы и солдатки, обращаясь для этого к старухам-ворожейкам. Пили спорынь, настой на фосфорных спичках, порох, селитру, керосин, сулему, киноварь, мышьяк. В

сёлах Калужской губернии самым распространённым способом считался раствор охотничьего пороха с сулемой.»

— «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Калужская губерния».

В начале XX в. всё тот же страх перед осуждением со стороны толкал сельских баб и на криминальный аборт. По статистике, в середине 1920-х гг. каждый четвёртый аборт в деревне делался нелегально. В книге о нравах сельской молодёжи, изданной в 1926 г., автор писал:

«Аборты в деревне стали обычным явлением. Этим делом занимаются женщины без всякого медицинского образования, но с богатой практикой по этой части. Аборт производится самым примитивным способом: путём прокалывания матки или употребления хины».

— Мурин В., Быт и нравы деревенской молодёжи, 1926

Поражает в этом то, что СССР стал первой страной в мире, в которой узаконили аборты, и более того — сделали бесплатными. И при этом из-за мракобесных предрассудков, вроде «а щё о нас люди скажут?» ещё длительное время на селе были в ходу подпольные аборты. Все мы, конечно же, понимаем, какого качества была советская медицина, особенно на заре становления режима, но всё же она была очевидно качественнее, чем прокалывание спицей в грязном хлеву бабкой-повитухой, а также советы ебанутых ворожей, призывающих пить менструальные выделения. Что интересно, в той же книге автор призывает партию усилить на сельскую общину давление через репрессивный аппарат — пересажать всех бабок, оказывающих подобные услуги, а также тех, кто способствует формированию на селе атмосферы, в которой женщина вынуждена идти на подпольный аборт, боясь порицания. И, знаете… скажите, а в чем он неправ? Так вот, если детально разобраться — не все репрессии были одинаково ужасны. Уж кто-кто, а женщины как раз очень сильно выиграли от революции.

С целью же предотвращения повторной беременности обычно затягивали период грудного вскармливания. Подобное продление лактации широко практиковалось в ряде сёл до 1920-х гг. «Если последующая беременность долго не наступает, отмечалось в одной инструкции 1920-х гг., кормят, пока ребёнок не застыдится до 3, 4, 7 лет».

Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новых беременностей, т. к., по данным русских врачей, около 80% женщин не имели менструации при кормлении грудью.

Если же долгожданное дитя всё-таки появлялось на этот свет, то, учитывая его дальнейший быт, — само виновато!

«У богатых повивальная бабка пребывает иногда дня по три, по четыре после родов, кормясь за их столом. А у бедных ребёнок уже с перваго дня совсем предоставляется матери и ея уходу. Попадает в грязную люльку, где подстилкой ему служит материнская старая грязная понёва. Более опрятныя матери подкладывают в люльку соломку, которую меняют через день или два. Это однако бывает реже: “Хорошо, — и на понёве полежит, не лучше других. Небось другие не подохли — выросли”. Когда молока у матери не хватает, или когда оставляют ребёнка одного, дают ему соску. Мать, сестра или бабка нажуют или картошки, или чёрнаго хлеба, или баранку, выплюнут в реденькую тряпку, завяжут ниткой — и соска готова. Иногда одна и та же тряпица долго употребляется, не прополаскиваясь, причём приобретает противный кислый запах»

— Ольга Семёнова-Тянь-Шанская. «Жизнь “Ивана”». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914.

Судя по всему, первое слово, которое произносил ребёнок на селе, было — «нахуя?!!»

«Таскала иногда с трудом на руках, причём часто роняла его: “Ах, батюшки, да как же я это упустила”. Ребёнок по часу и больше ползал в грязи, запачканный, мокрый, кричал, плакал. Чтобы он замолчал, ему иногда давалась в руки печёная картошка, сырое яблоко, огурец и т. п. Иногда он пытался переползти высокий порог избы, падал, ушибался, ссаживал всё лицо и т. п. Свою печёную картошку или огурец он, разумеется, вываливал в грязи и навозе и уже в таком виде ел их, иногда пополам с тем, что текло у него из носу и т. д. Ел отбросы из корыта для свиньи, пил из этого корыта, хватал руками что попало, “нагадит — да рукой и хвать”. Иногда набивал себе землёю рот, глотал землю.

Матери на третий, и на четвёртый день после родов встают и принимаются за домашнюю работу, иногда даже за тяжёлую. Иногда на другой день после родов родильница уже затапливает печь сама. При таких условиях бабе, конечно, долго “не можется” и уход за ребёнком самый плохой: он преет в грязной люльке, в мокрой пелёнке, надрывается от голоднаго крику, пупок у него пухнет и болит — “грызь” (грыжа), как говорят бабы. Родильница, разумеется, питается всё время обычной крестьянской пищей. Прежде, в крепостныя времена ходили в поле через 3 дня после родов, а теперь обыкновенно через 5-7 дней. От тяжёлой работы, непосредственно вслед за родами, у редкой бабы не бывает в большей или меньшей степени опущения матки. Иногда такия опущения матки принимают очень тяжёлую форму, а в лёгкой, по мнению бабки, это даже “совсем” ничего. Бывают опущения матки даже у девушек от непосильной работы (“живот сорвала”).

Бабка правит живот, накидывая на него “махотку”, т. е. горшок глиняный. Положит бабу на спину, помажет ей живот гущей, опрокинет на него горшок и под ним быстро зажжёт охлопок “прядева”. Живот, вследствие этого, втягивается в горшок. Чем горшок меньше, “тем лучше”. Считается, что вследствие этого матка вправляется на своё место, и живот перестаёт болеть. “Живот” бабка ещё так “правит”: помылит руки, вправит выпавшую матку на своё место, затем вдвинет во влагалище очищенную картошку, а живот (низ его) крепко перевяжет платком. Иная баба целый месяц ходит к бабке, и та повторяет ей эту операцию, пока не получится “облегчение”.

Правят живот и так: поставят женщину головой вниз, и бабка при помощи мужа больной встряхивает её несколько раз за ноги, “чтобы живот поднялся”. После этого живот опять-таки перебинтовывается. По мнению бабок, нет ни одной женщины, у которой не было бы испорченного живота. Одна бабка говорила, что это страдание развивается у некоторых женщин особенно сильно, вследствие пьянства мужей: “иной напьётся пьян, да всю ночь и лежит на жене, не выпущает её из под себя. А ей-то бедной больно ведь, иная кричит просто, а он её отдует, бока намнёт — ну и должна его слушаться. А каково под пьяным да под тяжёлым лежать: у иной бабы всё наружу выйдет — ни стать, ни сесть ей”. Многия бабы мучились таким образом, и несмотря на это, носят и родят детей…»

— Ольга Семёнова-Тянь-Шанская. «Жизнь “Ивана”. Очерки из быта крестьян одной из чернозёмных губерний». СПб., 1914.

Бывший земский начальник из Тамбовской губернии А. Новиков, хорошо знавший крестьянский быт и положение в нём женщины, также в своих воспоминаниях с досадой сетовал по этому поводу:

«Ни болезни, ни роды — ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать снопы. Можно ли после этого удивляться, что все они больны женскими болезнями».

Для предупреждения выпадения матки, как говорили в деревне, «золотника», бабки засовывали больным во влагалище картофелины, свёклу, репу, иногда деревянные шары. На состояние женского здравия влияла и демографическая ситуация в деревне, если нарушалось традиционное соотношение мужского и женского труда. Например, женским занятием в селе считалась вымочка конопли. Во время этих работ — обычно начало-середина октября — крестьянки часами простаивали по колено в студёной воде. Следствием простуды ног и живота был эндометрит или, как говорили в деревне, «застудилась». Определённую роль в возникновении гинекологических заболеваний играли и венерические болезни. Причём большинство заболеваний половой сферы являлось в первую очередь следствием несоблюдение женщинами гигиены половых органов. В тесных избах мужчины и женщины проводили большую часть времени вместе, и бабы, опять же, не имели возможности приводить себя в надлежащий порядок. Да и само состояние крестьянского жилища создавало благоприятную атмосферу для развития различных патогенов. Например, крестьянки порой просто не замечали выделений по причине… грязного платья. Следует ли при всем этом удивляться широкой распространённости на Руси и такого глубоко морального явления как детоубийство?

«Случаи убийства незаконнорожденных младенцев очень нередки. Родит баба или девка где-нибудь в клети одна, затем придушит маленького руками и бросит либо в воду с камнем на шее, либо в густой конопле, или где-нибудь в свином катухе зароет. В Мураевне почти каждый год находят одного, а то и двух мёртвых младенцев. Но редко дознаются, чьи они. Нынче свиньи выкопали у погоста посиневшего мёртвого новорождённого: видно было, что ребёнок только что закопан в землю. Дело осталось “без последствий”. Крестьяне не любят дознаний, а если что и знают, то помалкивают: “Случился грех, а с кем — Бог его знает, мало ли их, девок, гуляют…”.

Надо принимать во внимание незаконных детей и солдаток, и просто замужних женщин. Незаконность таких детей часто известна только семье, и в её недрах легко могут происходить такие убийства детей, которые невозможно вывести на чистую воду. Например, легко нарочно задушить маленького ребёнка, навалившись на него якобы во сне.

В одной деревне был такой случай: выдали замуж беременную девушку, чтобы скрыть грех. Сам муж был смирный и не попрекал жену, но родные не давали ей проходу и в конце концов заявили: «Чтобы выблядка твоего не было. Умори его». Бедную женщину бил её свёкор, свекровь тоже не давала ей свободно вздохнуть. Наконец молодуха исполнила требование: наскребла спичечных головок в соску и ребёнок умер. Она попала под суд, но была оправдана.

Старухи очень безжалостно и хладнокровно относятся к убийству незаконного “щенка”, а молодые с усилием и надрывом убивают своих детей. Мужчины, если и догадываются о таких убийствах, то изображают собою “моя изба с краю, я ничего не знаю; бабы там чего-то путают, ну да бог с ними — мне-то что…”»

— Ольга Семёнова-Тянь-Шанская. «Жизнь “Ивана”. Очерки из быта крестьян одной из чернозёмных губерний». СПб., 1914.

По данным доктора медицины В. Линдерберга из числа женщин, обвинённых в детоубийстве в конце XIX века, на долю крестьянок приходилось 96%. Таким образом, это преступление было «женским» по признаку субъекта и преимущественно «сельским» по месту его совершения. При этом следует учитывать то, что львиная доля таких убийств не получала огласки и нигде не фиксировалась, а ещё одна, не менее львиная, списывалась на несчастные случаи. В тексте Тян-Шанской выше упоминается нарочитая практика наваливания на ребёнка во сне с целью его удушения. И практика эта была столь распространена, что у явления имелся и официальный термин — «присыпление». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит специфический термин, обозначающий нечаянное убийство ребёнка, — «приспать». «Приспать или

заспать младенца — положить с собою, навалиться на него в беспамятном сне и задушить».

Делалось это сознательно или нечаянно — судить трудно, но руководствуясь тем, что в городе матери каким-то образом, спя с младенцем в одной кровати, умудрялись на него не наваливаться так, чтоб он аж душу богу отдал, можно предположить, что основная часть таких смертей младенцев являлась результатом умышленных действий, жертвами которых становились, как правило, нежеланные дети. Да и сами крестьяне говорили, что «зазорные всё больше умирают, потому, как матери затискивают их».

Это подтверждается и данными статистики. Смертность внебрачных детей была в 2,7 раза выше, чем у законнорожденных младенцев. И такие факты «случайных» смертей никогда не становились предметом судебного разбирательства, а требовали лишь церковного покаяния. Обычно всё ограничивалось наложением на такую мать священником тяжёлой епитимьи: до 4000 земных поклонов и до 6 недель поста. И именно боязнь общественного мнения в подавляющем большинстве случаев доминировала в мотивах совершения детоубийства.

Ввиду незамысловатости фантазии, чаще всего труп новорождённого пытались скрыть на месте или вблизи места, где произошли тайные роды. Как правило, это хлев, сарай, двор. Из материалов следственных дел прокурора Тамбовского окружного суда следует, что местные крестьянки избавлялись от внебрачных детей, бросая их в реку, кучи навоза, на улице, в общем клозете. Река Карай Кирсановского уезда этой же губернии была традиционным местом, где женщины оставляли новорождённых.

Для документальности описываемой картины мы сейчас приведём сведения лишь по одной Курской губернии и только за один месяц — декабрь 1917 года:

«12 декабря в селе Линове крестьянка Анна Исаева, родив ребёнка, закопала его в солому; в селе Верхней Сагаровке 17 декабря крестьянская девица Анастасия Коломийцева родила ребёнка и закопала его в землю; 21 декабря в хуторе Казацко-Рученском крестьянка Евдокия Круговая, 19 лет, родив ребёнка, закопала его в сарае»

— Соловьева Н. А. «Методика расследования детоубийств.»

Это только то, что дошло до следствия. К этому следует прибавить неучтённые случаи, когда трупы так и сгнили никем не обнаруженными на дне реки, или же «несчастные» случаи вроде того же присыпания.

Ну, а под занавес этой части приведу ещё один фрагмент из интересной, но, увы, мало кому известной книги Тян-Шанской. На этот раз посвящённый интересной воспитательной методике детей в крестьянской семье, что и формировало благостный образ «традиционных семейных ценностей», которые, как вы знаете, нам неминуемо надлежит возрождать!

«Научился им (прим.: бранным словам) Иван от старших братьев и сестёр очень рано, когда ещё не умел произносить связных фраз. “Сукой” стал называть мать, когда она ему в чем-нибудь отказывала — к потехе всей семьи и даже самой матери, поощрявших его в таких случаях: “Продувной-то какой, ишь шельма”; “Так её, так её (мать), зачем тебя не слушает”. Матери очень наивно иногда хвастаются способностями своих совсем малолетних детей: “И какой атаман — ведь сукой уже меня называет”; “атаманить” значит буянить, затевать какие-нибудь проказы, руководить ими.

Мать он иногда бил по переднику какой-нибудь хворостинкой — тоже к немалому удовольствию старших. Драться с другими детьми тоже начал, как только стал на ноги. К этому его тоже поощряли, особенно если он одолевал другого младенца. Что касается до бранных слов, то дети, начиная с самых маленьких, знакомы почти со всем репертуаром крестьянских бранных слов.

Взрослые не стесняются всё говорить при ребятах, напиваться и драться при них. Испытывая уже с малых лет голод, ребёнок рано научается понимать ценность

вещей. Он прекрасно понимает, что это значит, когда отец тащит деньги в кабак и как это на нём (ребёнке) отзовётся. Нередко ребёнок попрекает своего отца или мать, и если не всегда это делает, то только из боязни быть побитым. Видя, что грубая сила постоянно торжествует, он сам уже очень рано начинает признавать эту силу (как право). Если отец бьёт мать, то он, разумеется, жалеет мать, но не с той точки зрения, что отец не прав, а мать права. Жалеет он мать либо безотчётно, либо потому, что "того и гляди убьёт её батя". А лишиться матери — самое ужасное несчастье для ребёнка».

Вас не должно удивлять утверждение о том, что утрата матери для ребёнка тех лет — большое несчастье, даже невзирая на то, что в наши дни такую мать с подобным подходом к воспитанию и уходом за ребёнком лишили бы родительских прав. Просто после смерти матери жизнь ребёнка превращалась в совсем уж кромешный ад, поскольку в лучшем случае отцу на него было абсолютно похуй (отец куда более интересным досугом находил пропивание денег в кабаках), а в худшем — появится мачеха, которая всеми силами будет стараться извести лишний рот.

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 3

«Трудно сейчас себе и представить, что в первой четверти XX века мы жили так за пятьдесят вёрст от станции, без электричества, без телефона. Радио тогда и в помине не было, автомобиля в тех местах никто не видывал, а когда появились первые велосипедисты от нас и от Юрьевых, то по деревням бабы от них шарахались и крестились, мальчишки кидали в них каменьями, собаки гнались за ними с бешеным лаем, стараясь разорвать их, и называли по деревням велосипеды "чёртов конь" и "чёртово колесо". »

— Татьяна Щепкина-Куперник, «Дни моей жизни».

Бабушкины соленья, варенья, копченья, борщи, да и вообще «маленький домик, русская печка… » — в общем, всё то, что сегодня устойчиво ассоциируется с исконно русской деревней, на деле в ней массово появилось лишь в 50-е годы советской эпохи (а в повседневный быт и вовсе вошло лишь ближе к 70-м). В такие моменты как никогда осознаёшь, сколь коротка человеческая память: ведь даже многие сельские старожилы с готовностью готовы подтвердить, что «так, как сегодня, было всегда». На деле же русская деревня до 50-х годов XX века и после — две совершенно разные деревни. А быт деревни дореволюционной и вовсе куда уместнее сравнивать с бытом всяких африканских тумбо-юмб, нежели с европейским.

Я, может, и не Нострадамус, но точно знаю, что как только речь коснулась деревни, разум читателя был бессовестно порабощён думами о жареной картошечке да с маринованным огурчиком. А ведь как первое, так и второе в большинстве регионов дореволюционной Руси было настоящей экзотикой. Что касается огурцов — главным бичом дореволюционного крестьянства являлось малоземелье, а огурец — лишь вода, облачённая в продолговатую форму. Кто ж, имея клочок земли столь малый, что над ним уместно насмехаться даже гульке из известной поговорки, будет сей ценный ресурс расходовать на возделывание некалорийного овоща (попробуйте мне найти на дореволюционных фото хоть один парничок или хоть одного крестьянина, хрустящего огурцом)? Да и как огурчики-то засаливать, если единственный солёный продукт в изысканной крестьянской кулинарии — хуй самого крестьянина? В то время как с настоящей солью на Руси была прямо-таки настоящая катастрофа. Помните рассказ о том, как мать после похорон сына хлебала щи, а после того, как её попрекнули, мол, как ты можешь есть, когда у тебя сын умер, то она ответила «так щи-то солёные… »? И этот ироничный диалог родился отнюдь не на ровном месте. Просто в высокотехнологичной романовской Руси, славящейся протяжённостью железных дорог, соль добывали ручным способом, который был не просто крайне тяжёл, но ещё и малопроизводителен. Более того, до 1881 года соль облагалась государственным акцизом, что способствовало увеличению цены на товар, и без того бывший на вес золота. Это в свою очередь иногда приводило к т. н. «соляным бунтам».

Больше всего от недостатка соли, конечно, страдало крестьянство, не имевшее денег даже на хлеб, не говоря уж о «белом золоте». В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов очень хорошо отразил эту народную нужду в соли:

…Не ест, не пьёт
Меньшой сынок.
Гляди — умрёт!
Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
...А на кусок
Слеза рекой!..
Поел сынок!
Хвалилась мать:
— Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!

Соль до революции была страшнейшим дефицитом, который могла себе позволить преимущественно дворянская знать, в то время как крестьяне, если и потребляли соль, то преимущественно неочищенную — т. н. лизунец, предназначенный для скота и стоивший в несколько десятков раз дешевле пищевой.

«Кому не известно, как бережно обращается наш сельский люд с солью? Как ревниво хранится у него соль — в тряпках и кубышках? Как скупо выдаётся хозяйкой на кухню и на стол? Соление мяса и овощей — роскошь в доме простолюдина»

— газета Поволжья «Восток», 1866 г.

С картошечкой тоже не всё так просто. Все помнят, с каким трудом сей корнеплод приживался в среде, свято чтящей традиции (в т. ч. и кулинарные) «настоящего» крестьянства. Чужеродного корнеплода крестьяне боялись даже с куда большей прытью, нежели сегодняшние поборники консервативных ценностей боятся ГМО, прививок и телефонных вышек. А попытки властей заставить крестьян жрать этот ценный и питательный продукт приводили разве что к картофельным бунтам (например, в середине 1840-х).

И если кто-то думает, что после картофельных бунтов властям удалось изменить отношение селюков к «чёртовому яблоку», то он, конечно же, заблуждается. Картофель хоть и стал постепенно распространяться в крестьянской среде, однако же большая часть общины продолжала слепо следовать священной традиции пожирания репы с брюквой вплоть до начала XX века. Впрочем, отношение к картофелю от губернии к губернии разнилось: например, в Тамбове корнеплод к началу революции всё-таки вытеснил репу, но в целом картофель в русской деревне до 17 года имел слабое распространение.

Про помидоры и говорить нечего — их крестьяне Черноземья впервые в жизни увидели лишь в 30-х годах XX века, уже во времена колхозов. Причём это касается даже Москвы с Ленинградом: агроном С. М. Рытов в статье «Томаты. Их культура, консервирование и переработка» (1926 г.) приводил данные, согласно которым в 1913 году в тогда ещё полуторамиллионную Москву было привезено лишь 50 вагонов с помидорами. За год. На полтора миллиона человек. Что уж говорить о деревне? В 1926 году, по его же данным, москали получили уже 268 вагонов, что по-прежнему очень мало. В целом же помидор как полноправная сельскохозяйственная культура прижилась в деревенском огороде уже лишь с 60-70-х годов.

Подсластить излишне горькую жизнь сладким вареньем крестьянам тоже не удавалось по целым двум причинам. Первая заключалась в том, что сахар был такой же недозволительной роскошью, как и соль, а вторая — в том, что фрукты и ягоды были такой же недозволительной роскошью, как сахар. Ладно, не такой же, конечно, однако не от хорошей жизни девки ходили в помещичьи сады менять на яблоки «яйца, а иногда и самоя себя», а порой и «приживали сына за десяток яблоков» (что мы подробно рассматривали в прошлых частях). Где ж ты на крестьянском малоземелье насобираешь много ягод и фруктов, позвольте узнать? Для садов нужно место, а места-то как раз и не было. Русские деревни вообще выглядели голо: почти не видно было фруктовых деревьев (лишь в южных губерниях они появлялись чаще), не было палисадников, понятное дело,

не было и цветочных клумб, почти отсутствовали нефруктовые деревья на улицах и во дворах.

Фрукты и ягоды, а также орехи и грибы собирали в лесах, если таковые имелись и были доступны. Но чаще они были как раз недоступны из-за хитрого раздела земель после отмены крепостного права (хитрые помещики отрезали крестьян от лесов и рек своими угодьями, но об этом позже). Огородного выращивания ягод (малина, клубника, смородина, крыжовник) в русской деревне почти не было — лишь помещичьи усадьбы знали грядки и кусты. Не было у крестьян и парников, однако русское дворянство широко использовало парники, включая городские усадьбы Петербурга и Москвы: выращивались ананасы, персики, цитрусовые. Но всё это не носило коммерческого характера и употреблялось за домашним столом. Даже зажиточные семьи северных губерний России, не имевшие своих земельных участков, не знали, что такое южные скоропортящиеся фрукты: виноград, абрикосы, персики… Например, даже барон А. И. Дельвиг впервые в жизни отведал черешни, лишь оказавшись в Крыму.

Понятное дело, что при таких раскладах ни о каких хвалёных бабушкиных пирожках и котлетках также не могло быть и речи. А если учесть, что крестьянский хлеб делался из чего попало и зачастую по внешним характеристикам (и по вкусовым, видимо, тоже) скорее напоминал коровьи лепёхи, нежели известный нам сегодня хлеб, то боюсь представить, какие бы там получались пирожки.

Мясо также на столе крестьянской избы появлялось не чаще, чем лезвие бритвы в подмышках танцовщицы хип-хопа. Это в 80-е картина, на которой старая бабка ведёт на выпас три коровы, являлась вполне себе обыденной. Тогда же дай бог, если находилась одна полудохлая и выжатая, как трусы на балконе хрущёвки, корова на несколько дворов. Ведь для того, чтобы корова давала мясо и молоко, ей в свою очередь надо давать луга и сено. А где это всё взять на малоземелье? По рассказам публициста Николая Бржевского (1860-1910) «Молоко, коровье масло, творог, мясо, все продукты, богатые белковыми веществами, появляются на крестьянском столе в исключительных случаях — на свадьбах, в престольные праздники. Хроническое недоедание — обычное явление в крестьянской семье».

— Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!
— Где ж коровка наша?
— Увели, мой свет.
Барин для приплоду
Взял её домой!
Славно жить народу
На Руси святой!
«Где же наши куры?»
— Девочки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял ещё подводу
Да сулил постой…»
Славно жить народу
На Руси святой!

— Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», 1863—1877 г.

Другой редкостью на крестьянском столе был пшеничный хлеб. В «Статистическом очерке хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний» от 1902 года исследователь М. Кашкаров отмечал, что «пшеничная мука никогда не встречается в обиходе крестьянина, разве лишь в привозимых из города гостинцах, в виде булок. На все вопросы о культуре пшеницы я не раз слышал в ответ поговорку: “Белый хлеб — для белого тела”».

Вот так вот, вредного сахара с солью крестьяне не знали, вредных белых булок — и подавно, канцерогенного мяса не ели, а потому здоровые все были и жили по 666 лет. Не то, что сейчас: жрём мясо, заедаем солью и сахаром разом, вот от диабетов с раками да инсультами и мрём, как мухи. Эхх, как нам не хватает естественной и здоровой русской пищи, как раньше!

«А что же они тогда вообще ели?», — может задаться вопросом иной читатель. Да пожалуйста: разнообразие крестьянского рациона буквально поражало своей изысканностью любое, даже самое искушённое воображение: ржаной хлеб, капусту, репу и, в ряде регионов (например, в Тамбовской губернии), картофель. И это, как бы сказать помягче... всё. Мясо — сугубо по праздникам, морковь же, свёклу и прочие корнеплоды практически не выращивали, засаживая любой свободный уголок куда более приоритетной репой. Лишь в дворянских усадьбах выращивались редис, шпинат, салат: крестьяне не знали этих «изысков». Ага, практически все корнеплоды, без которых сегодня немыслим крестьянский стол, появились лишь при Советской власти. Так что известная поговорка «Щи да каша — пища наша», как никакая иная, точно отражала обыденное содержание еды жителей деревни. И тут надо учитывать, что как первое, так и второе кардинальным образом отличались от своих современных кулинарных потомков. Щи, учитывая их непрезентабельный вид, традиционно именовали варевом. Варево состояло из одной капусты на воде, причём столь изысканный рецепт щей носил доминирующий характер и длительное время после революции. Как минимум, об этом говорят свидетельства сельской учительницы Хлебниковой, работавшей в конце 20-х годов сельским учителем в с. Сурава Тамбовского уезда: «Ели щи из одной капусты и суп из одной картошки. Пироги и блины пекли один-два раза в год по большим праздника ...». При этом надо отметить то, что Тамбовская Губерния была одной из самых передовых в РИ. Впрочем, свидетельства Хлебниковой уже относятся к периоду красного террора и продразвёрстки, потому щи из одной капусты уже скорее следствие голода, устроенного коммунистами, нежели Романовыми.

Из круп, употребляемых крестьянами в пищу, наиболее распространено было просо. Из него варили кашу кулеш — на воде и без сахара (эта очень старинная белая каша была у предков ещё до того, как они ушли на Дунай: Кали — богиня Луны на санскрите). Для жирности в кашу добавляли свиное сало. И никаких тебе сладостно растекающихся по утренним желудкам авокадо. Также в перечне здоровой и питательной пищи крестьян имелось такое изысканное блюдо как «мура», из одного лишь названия которого можно сделать определённые выводы:

«Мура обычно готовилась таким образом: в нежнейшем жиру индонезийской куропатки обжаривались омары и раки, затем всё это приправлялось молоком откормленной на лучших лугах губернии коровы и тушились с трюфелями и шампиньонами до полной готовности. Подавалось к крестьянскому столу, как правило, в мезозойских раковинах головоногих моллюсков, найденных скифами при палеонтологических раскопках в Крыму».

Именно так бы это блюдо описали сегодняшние ымперцы, хотя оно было самую малость попроще: толчёный с водой и свиным жиром хлеб. Такой же редкостью, как и мясо, закономерно являлись хвалёные русские пельмени, которые на самом деле и не русские вовсе. В поп-источниках часто можно прочитать, что пельмени — блюдо финское, но и это не так. На деле женские руки впервые слепили из теста и мяса нечто, по форме напоминающее человеческое ухо, и назвали его «пельнянь» в Перми, а авторами являлись народности коми и удмуртов. Блюдо назвали «пельнянь», что в переводе на русский с языка удмуртов и Коми означает ушко («пель» — ухо) из хлеба («нянь» — хлеб). Славяне к этому блюду не имеют никакого отношения. До революции пельмени также часто назывались «пермени», что происходило от слова «Пермь».

А сколь изысканны блюда, столь аристократичны и манеры их потребления. Так что пищу в крестьянских семьях, как правило, употребляли из общей посуды, в то время как столовых приборов практически не знали, из кружек же пили по очереди. После приёма

пищи посуду, конечно же, не мыли, а только ополаскивали её в холодной воде и ставили на место. Настоящим же образом посуда мылась не более одного-двух раз в год, когда тарелки от наросших пищевых окаменелостей становилось трудно обхватить руками.

«Русские крестьяне были весьма непритязательными в домашнем обиходе. Постороннего человека, прежде всего, поражал аскетизм внутреннего убранства. Крестьянская изба конца XIX века мало, чем отличалась от сельского жилища века предыдущего. Большую часть комнаты занимала печь, служащая, как для обогрева, так и для приготовления пищи. Большинство крестьянских изб топились "по-чёрному". В 1892 году в селе Кобельке Богоявленской волости Тамбовской губернии из 533 дворов 442 отапливались "по-чёрному" и 91 "по-белому". В зимнее время воздух в избах переполнен миазмами и чрезвычайно сильно нагрет».

— Корнилов А. А., «Семь месяцев среди голодающих крестьян», 1893.

По-чёрному — это когда вся копоть валит не на улицу из трубы, а прямо вовнутрь помещения, из-за чего стены крестьянских изб традиционно были черными, как современные жители Франции.

Семинарист А. Соболев, выходец из Тотемского уезда Вологодской губернии, в своём отчёте в Этнографический фонд за 1898 г. так описывал состояние жилища местных крестьян:

«Изба служит и кухней, и спальней, и скотней, где живут куры, часто телята и ягнята иногда даже коровы, особенно больные, а пол моется раз в год. … В избе постоянно такой запах, который свежего человека может легко довести до тошноты и впредь не позволит зайти в крестьянскую избу».

Схожее суждение о санитарном состоянии крестьянского жилища содержится в исследовании А. И. Орглерта:

«В хатах зимой помещаются молодые телята, приплод от овец и поросят, которые пропитывают земляной пол мочой и извержениями, делая атмосферу крестьянского жилища ниже всякой критики».

Крестьянский сральник в средней полосе и на юге обычно строился во дворе, а в северных деревнях предусмотрительно возводился в хлеву, соединённом с избой одной крышей — это спасало крестьянские жопы от покрывания инеем в морозное время, а также защищало как от вьюги, так и от прочих природных катаклизмов. При этом «строился» — слишком громко сказано: обычно это была лёгкая отгородка от глаз домашних, а иногда и таковой не было. Отхожие продукты впоследствии бросались лопатой в навоз (потом всё шло на удобрения), после чего место освобождалось для последующих актов круговорота пищи в природе. Конечно, не было не только туалетной, но и вообще никакой бумаги: использовались сено, солома, травка, иногда даже палочки от плетня. А в ряде сёл и уборных не было. Так, в воронежских сёлах отхожих мест не устраивали, а «человеческие экскременты были рассеяны по полям, на дворах, задворках и пожирались свиньями, собаками, курами» (Шингарёв А. И. «Вымирающая деревня», 1907 г.).

Санитарное состояние крестьянского жилища зависело прежде всего от характера полового покрытия. Если пол имел деревянное покрытие, то и в избе было значительно чище. В домах же с земляными полами их застилали соломой, которая служила универсальным покрытием для пола в крестьянской избе. На неё дети и больные члены семьи отправляли свои естественные надобности или же, выражаясь менее толерантно, срали и ссали, а учитывая царящую вокруг антисанитарию, тогдашние дети срали-то не в пример сегодняшним. Справедливости ради, солому по мере загрязнения периодически меняли.

Нашему современнику может быть непонятно, в чем проблема сделать деревянные полы, или нарубить дров на баньку. А проблема в том, что кто ж пустит крестьянина в помещичьи леса? К тому же Центральная Россия была гуще населена, и имеющейся древесины на всех элементарно не хватало. В общем, рядовые крестьяне не могли себе позволить такую роскошь, как доски на пол/сортир/баньку. Не могли себе позволить и нормальных сараев-хлевов, ввиду чего молодняк домашнего скота зимой содержался прямиком в избах, что не добавляло пущей опрятности антуражу деревенской избы.

По сведениям А. Шингарёва («Вымирающая деревня», 1907 г.), в начале XX века бань в селе Моховатке имелось всего две на 36 семейств, а в соседнем Ново-Животинном — одна на 10 семейств. Большинство крестьян мылись раз-два в месяц в избе, в лотках или просто на соломе. Иногда прямиком в печи. И традиция мытья в печи сохранялась в деревне вплоть до Великой Отечественной войны. Орловская крестьянка, жительница села Ильинское М. Сёмкина (1919 г. р.), вспоминала: «Раньше купались дома, из ведёрки, никакой бани не было. А старики в печку залезали. Мать выметет печь, соломку туда настелет, старики залезают, косточки греют».

Мыла крестьяне практически не знали, предпочитая лучшему соратнику Мойдодыра щёлок. Его изготавливали следующим образом: в чугун клали золу и заливали водой, затем раскаливали камни на огне и опускали их в сосуд, который накрывали крышкой. После того, как раствор остывал и отстаивался, его (щёлок) использовали для мытья тела и волос. Кстати, у Лядова на канале недавно вышел выпуск, посвящённый жителям одного из племён Южного Судана. Там они точно так же мылись золой.

Не было и необходимой чистоты носильных вещей. Из Пошехонского уезда Ярославской губернии корреспондент делился своими наблюдениями: «Бельё меняется весьма редко вследствие экономии. Простирывается бельё крайне плохо и неумело». По информации из Мещовского уезда Калужской губернии, крестьяне «рубахи меняют очень редко; иногда чуть ли не два месяца носят одну рубаху и портки; вымоют в холодной воде, поколотят вальком и опять наденут». Нижнего белья (трусов, лифчиков) крестьяне также не знали. («Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы». Материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева).

«Избы крестьян полны всякого рода насекомых, как-то: тараканами, клопами и блохами; на самих же крестьянах бывают и бельевые вши. Головная вошь — обычный спутник всего населения; особенно их много водится на детях. Бабы в свободное время ищут друг у друга в голове. Мать, лаская своего ребёнка, непременно поищет в его волосах паразитов.

В летнюю пору крестьян одолевают блохи, даже Петров пост мужики называли блошиным постом. В это период в вологодских деревнях можно было наблюдать такую картину: в избе сидели мужик и баба, совершенно голые, и занимались ловлей блох, нимало не стесняясь, — так принято и ничего здесь нет предосудительного».

— «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева».

Конечно, многие из исследователей-этнографов (от Тянь-Шанской до Тенишева) были обладателями голубых кровей, а потому их восприятие крестьянской жизни могло подаваться сквозь русофобскую призму видения жизни «зажратых москалей», и единственная причина, по которой современные патриоты не упрекают их в жидопособнической русофобии, кроется в том, что патриоты книжек таких не читают, а ведают лишь красивые «велесовы» книги. Однако ниже мы приведём свидетельство человека, которого упрекнуть в нерусскости невозможно по определению. Это звезда мировой литературы — Лев Толстой. И вот как он описывал свою поездку по нескольким десяткам деревень разных уездов в самом конце XIX века:

«Во всех этих деревнях хотя и нет подмеси к хлебу, как это было в 1891-м году, но хлеба, хотя и чистого, дают не вволю. Приварка — пшена, капусты, картофеля, даже у большинства, нет никакого. Пища состоит из травяных щей, забеленных, если есть

корова, и незабеленных, если её нет, — и только хлеба. Во всех этих деревнях у большинства продано и заложено всё, что можно продать и заложить.

Из Гущина я поехал в деревню Гневышево, из которой дня два тому назад приходили крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоит, так же как и Губаревка, из 10 дворов. На десять дворов здесь четыре лошади и четыре коровы; овец почти нет; все дома так стары и плохи, что едва стоят. Все бедны, и все умоляют помочь им. "Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали", — говорят бабы. — "А то просят хлеба, а дать нечего, так и заснёт не ужинаючи"...

Я попросил разменять мне три рубля. Во всей деревне не нашлось и рубля денег... Точно так же у богатых, составляющих везде около 20%, много овса, но кроме того в этой деревне живут безземельные солдатские дети. Целая слободка этих жителей не имеет земли и всегда бедствует, теперь же находится при дорогом хлебе и при скупой подаче милостыни в страшной, ужасающей нищете...

Из избушки, около которой мы остановились, вышла оборванная грязная женщина и подошла к кучке чего-то, лежащего на выгоне и покрытого разорванным и просетившимся везде кафтаном. Это один из её 5-х детей. Трёхлетняя девочка больна в сильнейшем жару чем-то в роде инфлуэнцы. Не то что об лечении нет речи, но нет другой пищи, кроме корок хлеба, которые мать принесла вчера, бросив детей и сбегав с сумкой за побором... Муж этой женщины ушёл с весны и не воротился. Таковы приблизительно многие из этих семей...

Нам, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно, казалось бы, понять, откуда голод народа. Прежде всего он — и это знает всякий мужик — он 1) от малоземелья, оттого, что половина земли у помещиков и купцов, которые торгуют и землями и хлебом. 2) от фабрик и заводов с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий. 3) от водки, которая составляет главный доход государства и к которой приучили народ веками. 4) от солдатчины, отбирающей от него лучших людей в лучшую пору и развращающей их. 5) от чиновников, угнетающих народ. 6) от податей. 7) от невежества, в котором его сознательно поддерживают правительственные и церковные школы.

Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зелёная. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наесться натощак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют».

Другой известный писатель В. Г. Короленко, много лет проживший в деревне конца XIX века, оставил не менее красноречивые свидетельства быта той эпохи:

«Вы свежий человек, натыкаетесь на деревню с десятками тифозных больных, видите как больная мать склоняется над колыбелью больного ребёнка, чтобы покормить его, теряет сознание и лежит над ним, а помочь некому, потому что муж на полу бормочет в пьяном бессвязном бреду. И вы приходите в ужас. А "старый служака" привык. Он уже пережил это, он уже ужаснулся двадцать лет назад, переболел, перекипел, успокоился... Тиф? Да ведь это у нас всегда! Лебеда? Да у нас это каждый год!..».

Следует ли удивляться тому, что при таком, чисто Африканском образе жизни у населения была также не только чисто африканская рождаемость, но и не менее чисто африканская смертность?

Если Имперская Россия в чем-то и была лидером, то разве что по смертности от оспы, по которой превосходила ту же Венгрию в 50 раз, а Норвегию... в общем, посчитайте сами. Я не знаю данных по странам Африки, но отчего-то мне кажется, что они не сильно отличаются от этих. Перечень же наиболее распространённых заболеваний на Руси, согласно статистическому сборнику России от 1914 г., выглядел так:

На 1 месте находилась чесотка с количеством больных, оцениваемым в 4.735.490 чел. или 23,22% от числа всех болеющих. Ну а по-другому никак! Антисанитария проклятая! На всех воды не хватает (в пустыне же все жили, наверное). А если вы думаете, что такой процент давали в основном среднеазиатские владения Российской империи, то вы сильно ошибаетесь, ведь в тех краях вообще никаких учётов не было и в помине. Так что основной процент учтённых «чесоточников» — это европейская часть России — 4.269.485 чел. Сибирь дала значительно скромнее «результат» — 173.089 чел (в Сибири вообще меньше болезней было благодаря суровому климату), а вот Средняя Азия подкачала — 84.998 чел. (но, опять-таки, даже по средней полосе России данные можно назвать весьма условными, что уж говорить об Азии).

На 2 месте, как и подобает Африке, — малярия, коей на прогрессивный 1914 год болело 3.537.060 чел. или 17,37% от числа всех болеющих. Основной процент «малярийщиков» по той же причине сосредоточен европейской части России.

На 3 месте скромный и «обаятельный» грипп — 3.440.282 чел. или 16,87% от числа всех болеющих, на 4 — дифтерит с почётными семью процентами, а на пятом… — его величество сифилис — 1.241.822 чел. или 6,09% от числа всех болеющих.

А теперь самая жесть. При столь пандемийных масштабах всеразличной заразы в прогрессивной романовской хрустобулочной на 10.000 населения приходилось… 1,3 врача и 1,7 фельдшеров.

Теперь то, что касается средней продолжительности жизни. В работе П. И. Куркина «Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы» приведены данные, полученные на основании материалов переписи 1897 г. и данных об умерших за 1896-1897 гг. Средняя продолжительность жизни в европейской части России составляла для мужчин — 29,3 года, для женщин — 31,6.

На Украине: для мужчин — 35,3; для женщин — 36,2.

В Белоруссии: для мужчин — 37,0; для женщин — 37,9.

Наибольший вклад в короткую продолжительность жизни вносила, конечно же, детская и младенческая смертность, которая играла роль стихийного регулятора воспроизводства сельского населения. По данным исследований 1887-1896 гг. удельный вес умерших детей до пяти лет в среднем по России составлял 43,2%, а в ряде губерний — свыше 50%. Наибольшее число младенцев, примерно каждый четвёртый, умирало в летние месяцы. Причиной тому служили кишечные инфекции, характерные для этого времени года. От поноса в 90-е гг., по данным доктора медицины Г. И. Попова, гибло от 17 до 30% грудных детей. Мало ситуация изменилась и в начале XX века. По данным «Врачебно-санитарных хроник» за 1908-1909 гг. младенческая смертность в Тамбовской губернии составляла до 27,3% (прим. Тамбовская Губерния всегда являлась наиболее благополучной и там смертность никогда не превышала 30%, закономерно была ниже и сама рождаемость).

«По подсчётам демографов, русская крестьянка этого периода (рубеж XIX — XX веков — прим.) рожала в среднем 7–9 раз. Среднее число родов у крестьянок в Тамбовской губернии составляло — 6,8 раза, а максимум 17. Вот, некоторые выписки из отчёта гинекологического отделения тамбовской губернской земской больницы за 1897, 1901 гг. :

«Евдокия Мошакова, крестьянка, 40 лет, замужем 27 лет, рожала 14 раз; Акулина Манухина, крестьянка, 45 лет, замужем 25 лет, рожала 16 раз. В условиях отсутствия искусственного регулирования рождаемости количество детей в семье зависело исключительно от репродуктивных возможностей женщины».

— В. Б. Безгин, «Крестьянская повседневность. Традиции конца 19 — начала 20 века».

«… в 1905 г. из каждой 1000 умерших обеих полов в 50 губерниях Европейской России приходилось на детей до 5 лет 606,5 покойников, т. е. почти две трети. Из каждой 1000 покойников мужчин приходилось в этом же году на детей до 5 лет 625,9, из каждой 1000 умерших женщин — на девочек до 5 лет — 585,4. Другими словами, у нас в России умирает ежегодно громадный процент детей, не достигших даже 5-летнего

возраста, — страшный факт, который не может не заставить нас задуматься над тем, в каких же тяжёлых условиях живёт российское население, если столь значительный процент покойников приходится на детей до 5 лет».

— Н. А. Рубакин, «Россия в цифрах» (С-Петербург, издание 1912 года).

К смерти младенцев в деревне относились спокойно, говоря «Бог дал — Бог взял».

«Как ртов много, а хлебушка мало, тут поневоле скажешь: "Лучше бы не родился, а если умрёт, то и, слава Богу, что прибрал, а то всё равно голодать бы пришлось". Появление лишнего рта, особенно в маломощных семьях, воспринималось с плохо скрываемым раздражением со стороны домочадцев. При появлении очередного ребёнка свекровь в сердцах упрекала сноху: "Ишь ты, плодливая, обласкалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подохли твои щенки". В воронежских сёлах бабы о смерти младенцев говорили так: "Да кабы дети не мёрли, что с ними делать, так и самим есть нечего, скоро и избы новой негде будет поставить". Осуждая аборт, рассматривая его как преступление перед Богом, деревенские бабы не считали большим грехом молиться о смерти нежелательного ребёнка».

— В. Б. Безгин, «Крестьянская повседневность. Традиции конца 19 — начала 20 века».

Александр Энгельгардт в своих «Письмах из деревни», сообщал следующее:

«Дети питаются хуже, чем телята у хозяина, имеющего хороший скот. Смертность детей куда больше, чем смертность телят, и если бы у хозяина, имеющего хороший скот, смертность телят была так же велика, как смертность детей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотим конкурировать с американцами, когда нашим детям нет белого хлеба даже в соску? Если бы матери питались лучше, если бы наша пшеница, которую ест немец, оставалась дома, то и дети росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирепствовали бы все эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая немцу нашу пшеницу, мы продаём кровь нашу, то есть мужицких детей».

Конечно же, такой уровень нищеты, культуры и образования не мог не порождать и мракобесных суеверий, которые ухудшали и без того плачевное положение крестьянства. Например, крестьяне иной деревни в ожидании спрогнозированного очередными «нострадамусами» конца света могли остановить всю работу и забить весь скот, тем самым обрекая себя на страшный голод зимой. Один из таких случаев отмечал И. Х. Озеров в книге «Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX в. » (1905 г.).

И, в это совсем уж трудно поверить, но на рубеже веков, когда прадеды некоторых из нас уже качались в грязной крестьянской колыбели, в селе ещё можно было столкнуться с сожжением ведьм, или… жертвоприношениями. Впрочем, отчего ж трудно поверить, учитывая африканский уровень русской деревни? Ещё как правдоподобно.

Наиболее известным является случай сожжения ведьмы Игнатьевой в Новгородской губернии в 1879 году («Врачевское дело», по названию села, в котором разыгралась трагедия). Перед сожжением женщине удалось пожить некоторое время в Санкт-Петербурге, где она на свою беду и нахваталась новомодных прогрессивных фишек, которыми и перепугала до одури односельчан. С собой она привезла столичные лекарства, которыми хвасталась перед односельчанами, опознавшими в них колдовские зелья. Ситуация усугублялась и тем, что её приезд совпал со вспышкой какой-то болезни, унесшей жизнь многих крестьян (эка невидаль-то для русской деревни). Как и было веками принято в таких случаях, по красивой народной традиции Игнатьеву обвинили в колдовстве и, собравшись всей деревней (300 человек), сожгли в собственной избе. Чтобы драматичность сложившейся в РИ обстановки была более наглядна, следует отметить, что

суд присяжных оправдал участвовавших в расправе крестьян, и лишь трое поджигателей были приговорены к… церковному покаянию.

Вот как эту красивую народную забаву в высокоиндустриальной романовской России описывал Яков Конторович в книге «Средневековые процессы о ведьмах» (1899 г.):

«13 октября 1879 г. временное присутствие Новгородского окружного суда в г, Тихвине, с участием присяжных заседателей, разбирало дело о сожжении солдатки Игнатьевой, слывшей за колдунью. Обстоятельства этого дела заключались в следующем: 4-го февраля 1879 г. в деревне Врачеве Деревской волости Тихвинского уезда была сожжена в своей избе солдатская вдова Аграфена Игнатьева, 50 лет, слывшая среди местного населения ещё со времени своей молодости за колдунью, обладавшую способностью «портить» людей. По выходе замуж Игнатьева около 12 лет жила в Петербурге и года за два до своей смерти возвратилась на родину…

В воскресенье 4 февраля в деревне Врачеве происходил в доме крестьян Гараниных семейный раздел и к Гараниным после обеда собралось много гостей. Один из крестьян Никифоров обратился к собравшимся с просьбой защитить его жену от Игнатьевой, которая будто бы собирается её испортить, как об это выкликала больная Екатерина Иванова. Тогда Иван Андреев-Коншин вызвал Ивана Никифорова в сени и о чем-то советовался с ним и затем, возвратившись в избу, стал убеждать крестьян в необходимости, до разрешение жалобы, поданной уряднику на Игнатьеву, обыскать её, заколотить в избе и караулить, чтобы она никуда не выходила и не бродила в народе. Все бывшие у Гараниных крестьяне, убеждённые, что Игнатьева колдунья, согласились на предложение Коншина, и для исполнения этого решения Иван Никифоров отправился домой и принёс гвозди и кроме того несколько лучин. Затем все крестьяне в числе 14 человек отправились к избе Игнатьевой. Войдя в избу, они объявили Игнатьевой, что она «неладно живёт», что они пришли обыскать её и запечатать, и потребовали от Игнатьевой ключи от клети. Когда пришли в клеть, то Игнатьева отворила сундук и стала подавать Коншину разные пузырьки и баночки с лекарствами. Эти лекарственные снадобья, найденные в сундуке Игнатьевой, окончательно убедили крестьян, что она действительно колдунья. Ей велели идти в избу, и когда она туда направилась, то все крестьяне в один голос заговорили: «надо покончить с нею, чтобы не шлялась по белу свету, а то выпустим — и она всех нас перепортит». Решили её сжечь вместе с избой, заколотив окна и двери. Никифоров взял доску, накрепко заколотил большое окно, выходившее к деревне. После этого Коншин захлопнул дверь и зажжённой лучиной зажёг солому, стоявшую у стены клети, другие крестьяне зажгли висевшие тут веники, и огонь сразу вспыхнул. Услышав треск загоревшейся соломы, Игнатьева стала ломиться в дверь, но её сначала придерживали, а потом подпёрли жердями и заколотили. Дым от горевшей избы был замечен в окрестных деревнях, и на пожар стало стекаться много народу, которого собралось человек триста. Крестьяне не только не старались потушить огонь, но, напротив, говорили: "Пусть горит, долго мы промаялись с Грушкой!"

Так как дым и огонь ветром относило на реку, в сторону от избы, на крыше которой лежал толстый слой снега, то крестьяне решили спихнуть крышу; несколько крестьян принялись за это, и один из них разворотил жердью бревна на потолке, чтобы жар скорее проник в избу. После этого огонь охватил всю избу, потолок провалился, и исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву. Пожар продолжался всю ночь, и на следующий день на пожарище была только развалившаяся печь и яма с испепелившимися остатками костей Игнатьевой.

К ответственности были привлечены 17 человек. На суде подтвердились все обстоятельства дела; подсудимые и свидетели чистосердечно рассказали все подробности дела. Суд приговорил троих к церковному покаянию, а остальных оправдал».

В 1893 году в городе Мышкине Ярославской губернии случилась во многом похожая история. Там жители сразу нескольких сёл собрались и линчевали некую Марью Маркову,

обвинённую в наведении порчи. Причиной тому стало внезапно наступившее сумасшествие (удивительно, конечно, что от такой жизни люди иногда сходили с ума) другой крестьянки Ольги Брюхановой, на которую Маркова якобы и навела порчу. Дальнейшее, согласно всё той же книге, происходило следующим образом:

«… наконец, Виноградов предложил затащить Маркову в погреб, чтобы она откопала 100 р., в которых была «порча», и с этой целью принёс верёвку, надел старухе на шею и потащил её к погребу, куда вместе с Грязновыми и втолкнул её, после чего дали ей в руки косарь, требуя, чтобы она откопала "порчу". Наконец, когда Маркова совершенно ослабела, её оставили в покое. К этому времени стал собираться народ из соседней деревни Петрушино, где уже от мальчишек узнали, что в Синицах "бьют колдунью". Из вновь пришедших кто-то посоветовал Петру Брюханову накалить железный засов, чтобы прижечь ведьме пятки. Пётр разложил на дворе костёр, но в это время Марья Маркова упала с завалинки, на которой сидела, и скончалась. Ольга Брюханова, находясь всё время в сильном истерическом припадке, плясала, хлопала в ладоши и кричала: "Сейчас разделают, разделают!" (снимут порчу).»

Благо, на этот раз главные обвиняемые получили годы каторги. Причём подобные масштабы мракобесия касались не только деревни, но и вполне себе города. Лишь немногим позже аналогичный инцидент произошёл прямо в самом центре Москвы на Никольской улице у часовни святого Пантелеймона в 1895 году. Туда привезли чудотворную икону. Чтобы приложиться к ней, из подмосковного села прибыла крестьянка Наталья Новикова. В толпе ходил нищий мальчик, которого она решила угостить яблоком. На её беду, аккурат в тот момент, когда ребёнок его укусил, с ним случился эпилептический припадок. А дальше вершилось ровно то, что обычно и происходит в передовых державах, кормящих всю Европу хлебом. Вот как иронично это описывалось в газете «Новое время»:

«И в ту же минуту Новикова была сбита с ног и десятки рук принялись молотить по ней кулаками… Молотили с яростью, слепо, не жалея, насмерть… И, не случись на Никольской в ту пору опоздавшегося прохожего, чиновника Людвига Б. Неймана, Новиковой не подняться бы живой из-под града ударов.

Нейман бросился в толпу: — Что вы делаете? С ума сошли? — Бей колдунью! — Этот — что тут ещё?! — Вишь, этот заступается… — Заступается? Видно, сам из таких… бей и его! — Уйди, барин! Не место тебе здесь… Наше дело, не господское… — Бей! Бей! Бей!..

Нейман, обороняясь тростью, как мог, всё ж протискался к Китайскому проезду, где подоспел к нему городовой, чтобы принять полуживую Новикову: она оказалась обезображенною, да и защитника её тоже, выражаясь московским жаргоном, отделали под орех…

И над сценой этой средневековой расправы ярко сиял электрический фонарь великолепной аптеки Феррейна, и повезли изувеченную Новикову в больницу мимо Политехнического музея, в аудитории которого еженедельно возвещается почтеннейшей публике то о новом способе управлять воздухоплаванием, то о таинствах гипнотизма, то о последних чудесах эдиссоновой электротехники.

И, когда привезли Новикову в больницу, то, вероятно, по телефону, этому чудесному изобретению конца XIX века, дали знать в дом обер-полицеймейстера, что вот-де в приёмном покое такого-то полицейского дома лежит женщина, избитая в конце века XIX по всем правилам начала века XVI…»

Иногда причиной казни могла стать засуха, а поскольку следствие на селе не сильно поражало своей дедукцией, то главным доказательством твоей вины традиционно становилась твоя же «инаковость».

Не такой, как все? Или придурковатый? Или, наоборот, шибко умный? Виновен — хуль тут расследовать-то? Качество сельского следствия в полной мере смогли на себе прочувствовать три бабы деревни Пересадовка Херсонской губернии, которых в 1885 году обвинили в том, что они… украли дождь:

«В 1885 г. летом в деревне Пересадовке Херсонской губернии был случай расправы крестьян с тремя бабами, которых они сочли за колдуний, задерживающих дождь и производящих засуху. Женщин этих насильно топили в реке, чтобы они указали разъярившимся крестьянам место, где будто бы они спрятали дождь…»

— из той же книги.

Похожая история произошла в Новогрудском уезде в селе Окопович, на территории современной Белоруссии, где летом 1855 года случилась засуха:

«В той местности царило поверье, что вызвать дождь можно, если закопать живьём старуху. В один из дней в Окоповиче хоронили детей, и собравшаяся толпа затолкала к внукам в могилу их бабушку. Совершившие это преступление получили по 12 лет каторги».

— из той же книги.

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 4

Стоит уделить более пристальное внимание отдельным деталям, которые и формировали нелицеприятный облик русской деревни. Некоторые из них мы вскользь упоминали в прошлых частях, и сегодня остановимся на них более детально, проследив их эволюцию до последних дней СССР. Что наиболее сильно бросается в глаза при просмотре пейзажей на большинстве фотографий дореволюционной деревни? Наверное, то, что ныне богатая растительностью деревня ещё совсем недавно напоминала безжизненную пустыню, на щедрой земле которой трудно найти и корешок, не говоря уже о плодово-ягодных деревьях и кустарниках. Давайте посмотрим с более ёмких ракурсов на фотографиях, взятых в музее антропологии и этнографии РАН.

Как вообще в России, на родине Николая Расторгуева и Сергея Безрукова, так отчаянно воспевавших нашу православную берёзку с рябиной, от Волги до Енисея могут раскидываться такие пейзажи? По естественным причинам, конечно же, не могут. Дело в том, что в стране-мировом лидере по экспорту зерна не просто не было хлеба; в стране, славящейся богатством своих лесов и рек, был ещё и страшнейший дефицит древесины, поэтому любое деревце, имевшее неосторожность вырасти в сельском поселении, молниеносно отправлялось на дрова, любой же росточек, на свою беду пробившийся там же из случайно обронённого зёрнышка, отправлялся на корм скоту. Но и это мелочи на фоне следующего: в стране, славящейся бескрайностью своих лугов, был страшнейший дефицит… травы. Каждая, даже самая скромная травинка, всплакнув утренней росой, не менее беспощадно отправлялась в пасть вечно голодных жвачных парнокопытных. Так богатая земля Черноземья стараниями Романовых напоминала пустыню. Оставшись без травяного покрытия, голая земля быстро вытаптывалась, превращаясь в сплошное грязевое месиво. Потому-то русская деревня и выглядела как гигантский островок грязи с понатыканными в него домами. И если дефицит соли или там сахара был следствием технологической отсталости «бурно развивающейся и неуклонно догонявшей запад» Российской Империи, то дефицит травы с древесиной был создан исключительно искусственно, т. е. был преступным по определению. Ведь после отмены крепостного права помещики намеренно отгородили деревни от лесов, лугов и водоёмов своими усадьбами, лишив крестьян не только доступа к лесу, но и к лугам. Цель у столь интересно проведённой земельной реформы была прозаична: загнать вчерашних крепостных в тотальную, ещё более страшную, чем крепостничество, зависимость. Отсюда и отсутствие

бань, которыми так «славилась» святая Русь, и земляные полы в избах. Причём дефицит той же травы был настолько масштабен, что на корм скоту порой уходили даже крыши изб, традиционно изготавливаемые из соломы.

Как вы видите, советский анекдот про пустыню Сахара, в которой через день после провозглашения коммунизма случится дефицит песка, рассказывает об Истинной России, а вовсе не о том, до чего её довели коммунисты. Его в полной мере можно спроецировать и на самодержавие. Облагораживание же деревни путём зелёных и плодово-ягодных насаждений началось только при большевиках. Причём, поскольку из Сахары за два дня оазиса не сделаешь, то и этот процесс, естественно, затянулся на долгие десятилетия. И гражданская война, всеразличные продразвёрстки с коллективизациями да Вторая Мировая отнюдь не способствовали ускорению процесса. Так что деревни, подобные дореволюционным в середине XX века, всё ещё можно было лицезреть довольно-таки часто. Очевидно, что деревенская жизнь являла собой малозавидную участь что в РИ, что в СССР, и всяк возможности имеющий бежал от села, как жид от печки. Но всё же качество жизни в деревне медленно, но верно улучшалось. Появилось электричество — неведомая роскошь для дореволюционного периода. Колхозники были не чумазые, лица не измождённые, даже невзирая на то, что колхозный труд был сколь тяжёл, столь и малооплачиваем.

В 1929 году новая власть отправила в путешествие по деревням Переславль-Залесского научную экспедицию, цель которой была посмотреть на темпы изменения облика русской деревни и выдать свои рекомендации по улучшению обстановки. Результаты были опубликованы в книге «Курные избы Переславль-Залесского уезда. Санитарная оценка крестьянских жилищ в селе Нагорье и деревне Черницкой» за авторством Н. Губина и Г. Карташевского в 1930 году. К указанным в этой книге данным мы ещё неоднократно будем возвращаться. Понятное дело, что в других деревнях картина могла несколько отличаться, но общая суть более-менее ясна, особенно если учесть, что Переславль считается жемчужиной «Золотого кольца», т. е. это вам не глухосрань какая, а самое сердце исконно-посконной России, регион с хорошим климатом и хорошими транспортными связями. При этом палисадники к 30 году в нём были только у 44% селюков, из них (уже с вычетом тех, у кого палисадников нет) яблоня есть лишь у 1,66%, а вишня и того меньше. Ни одной сливы исследователям найти не удалось. Т. е. даже к 30 годам аж в самой сердцевине России фруктовые деревья и ягодные кустарники были колоссальной редкостью. Что уж говорить о регионах с более суровым климатом? Потрясает не только безжизненный антураж, но и жуткая ветхость большинства жилищ, построенных ещё, очевидно, в дореволюционный период. На крышах большинства домов всё ещё покоится солома. Но к убранству и качеству самих домов мы ещё вернёмся. Так что ни о каком бабушкином компоте из яблочек или вишенок со сливами всего каких-то 50-60 лет назад не приходилось и думать.

В общем, как полноправные хозяева сельского антуража, зелёные насаждения пришли в деревню уже лишь к 60-м годам (хотя всё зависит, конечно же, от региона: на юге раньше, на севере — позже, а в редких зажиточных сёлах были и изначально), окончательно закрепившись ко временам формирования дач и садоводств со знаменитыми шестью сотками. Активное облагораживание деревень и формирование садоводств было обусловлено тем, что коммунисты не могли в полной мере обеспечить население фруктами и овощами. С появлением всего этого изобилия селюки начали осваивать и примитивные формы капитализма, таща всё выращенное не столько на стол, сколько на продажу — это в свою очередь привело к печально известному налогу на плодовые деревья в СССР во времена Хрущёва. Да, об этом уж никто и не вспомнит, но с одной стороны коммунисты привили русской деревне культуру садоводства, а с другой — обложили всё это оброком. Впрочем, и это было лучше, чем в РИ. Ибо тогда оброк был, а садоводства — не было. Что ещё бросается в глаза при осмотре деревенских интерьеров дореволюционной поры, так это практически полное отсутствие на домах дымовых труб. И тут нас ждёт очередное удивительное открытие: современная печь с трубой, являющая собой инь и янь русской деревни, точно так же в широкий обиход вошла уже лишь в советский период. До революции такую роскошь могли себе позволить разве что

немногие зажиточные крестьяне и городская знать. Как мы уже кратко писали в прошлой части, причиной сему красивая деревенская традиция топки «по-чёрному», когда дым не выходит в трубу, а остаётся в помещении, покрывая всё на своём пути (включая красивые крестьянские лица) слоем сажи. Такой метод отапливания помещения использовался всё из-за того же острейшего дефицита сырья: для растопки такой печи требовалось меньше материала. Вы также не могли не заметить и излишней чумазости крестьян на большинстве дореволюционных фотографий — причиной тому не столько плохие отношения с мылом, сколько хорошая дружба с топкой по-чёрному.

Вообще, никакой «Русской печи» отродясь не существовало. Эти «фантазии» сродни современным картинкам былинных богатырей X-XII веков. До XVIII века печь представляла собой крайне примитивное сооружение, ничем не отличавшееся от примитивных печей других народностей. А тот артефакт, который сегодня и ассоциируется с великой русской печью — с лежаком, на котором дни и ночи напролёт греет жопу красавица Прасковья, роняя слюни на кирпич печной горячий; да ещё и с красивой трубой — это чисто европейское орудие, которое в Россию, вместе с печёной картошечкой, было привезено лишь Петром Первым. Существенный сдвиг в печном деле и произошёл как раз во время Петровской эпохи — в 1718 г., когда указом Петра I было запрещено строительство в Петербурге домов с курными печами и деревянными трубами, а в 1722 г. этот указ распространился и на Москву. В результате к XVIII веку русские печки обзавелись трубами и постепенно приобрели тот вид, который известен сейчас — белая, из шести стен (квадратная, разделённая внутри на четыре комнаты двумя пересекающимися крестом стенами). Можно считать, что точное время появления классической русской печи — это начало XVIII века. Но это относилось лишь к богатым городским семьям, а вот в деревне допотопные курные печи были повсеместны (где-то больше, где-то меньше) до XX века!

Однако есть немало отзывов и о том, насколько полезными и удобными для жизни были эти «курные» избы. Изрядная часть современной квазиисторической литературы просто переполнена такими мыслями: мол, когда дым шёл в избу, он и воздух обеззараживал, и ветчину коптил под потолком, и одежду сушил… И дым там уходил сразу вверх, не оставляя копоти на стенах (несмотря на многочисленные свидетельства современников). Судя по этим, несомненно, очень патриотическим текстам, жизнь в курной избе была курортом по сравнению с жизнью «немытой» Европы, страдающей от всех возможных болезней из-за отсутствия Истинно Русской Печки. Помимо экономии на сырьё для растопки, пристрастие крестьян к курным печам было обусловлено острейшим дефицитом кирпича на трубу, а также тонкими стенами изб из-за всё того же дефицита древесины. Так что по-чёрному топить было не просто выгодно, это был единственный надёжный способ защитить семью от его величества Мороза. Тонкий знаток русского быта А. С. Пушкин отмечал эту нужду крестьян по нормальной печи в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

Пришёл он ко своей землянке,
А землянки нет уже следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою…

К слову, истории про Илью Муромца, хоть и уходят корнями в мрачную глубину веков, но те её части, в которых говорится про 33 года лежания на печи, появились лишь на стыке XIX-XX веков. Эх, вот раньше-то вот, раньше-то вот, Илюша-богатырь был совсем другим.

Изведение со света белого курных изб после революции стало одним из основных приоритетов большевиков. Потому-то после революции на фотографиях вы уже почти не увидите чумазоидов. Забота о крестьянском здоровье (какую-никакую, а медицину большевики в деревню принесли), как и всё в этом мире, была обусловлена практичными соображениями: в отличие от Романовых, коммунисты понимали, что здоровый крестьянин сможет гораздо дольше, эффективней и качественней работать на благо

социализма. Понятное дело, жизнь колхозная и на протяжении всей советской эпохи была до смешного неприхотлива, до страшного незавидна, но с этой задачей коммуняки справились. Благо, многого и не требовалось: обеспечить крестьян и рабочих хотя бы минимально необходимыми для существования пайком, медициной и образованием, и будет тебе индустриализация.

Конечно же, качество как жилья, так и дворов коренным образом зависело от новизны деревни. В советское время первой половины XX века было отстроено огромное количество новых деревень и поселков, и, очевидно, выглядели они не в пример лучше дореволюционных. Во-первых, потому что в них заселяли совершенно новых людей, во-вторых, потому что они были гораздо лучше обеспечены социальной инфраструктурой (ибо в них производилось куда более ценное сырьё, нежели сугубо животноводческое, как в старой деревне), в-третьих, создавать с нуля легче, чем переделывать под корень старое, настоявшееся веками. Добрая половина селений той же Тульской области появилась лишь в 40-х годах, когда из-за захвата немцами Донбасса пришлось добычу угля переносить в Тулу, где кстати обнаружили угольный бассейн. Тогда были вырублены колоссальные объёмы леса, на пустоши которых образовались тысячи новых деревень и сёл. А поскольку шахтёры занимались куда более тяжёлым и значимым трудом, чем колхозники других областей, то и всеобщее озеленение в Тулу пришло куда раньше — семьи шахтёров, как никакие, нуждались в витаминах, и поскольку власть фруктами народ обеспечить не могла, то на облагораживание тульских деревень уходили более значимые силы.

Всеобщая печизация деревни пришлась лишь на 1920-1930 годы, тогда же власти регулярно проводили различные масштабные конкурсы на лучшую конструкцию печки, ибо для того, чтобы крестьяне могли дать хоть какой-то надой, необходимо решить их первоначальные бытовые потребности, пусть и на таком уровне — человек, всё же, скотина неприхотливая. Правда, дров для растопки крестьяне всё равно на своём веку не увидели, поскольку крестьян много, чего нельзя сказать о природе. Так что до 70-х годов XX века традиционным сырьём для растопки печи оставался кизяк или, проще говоря, сушёное коровье говно.

Тут можно задаться вопросом: «Если до революции печь топили говном, то зачем использовались курные печи для экономии сырья? Неужели в РИ даже говна на всех не хватало?». Это может показаться странным, но да, в прогрессивной Российской Империи в дефиците было даже говно. И это неудивительно: для широкого производства говна нужно много коровьих жоп, для коровьих желудков нужно много травы, а полей и лугов у крестьян не было. Так что единственная на полсела истощённая коровья жопа едва ли могла обеспечить крестьян ценным суррогатом. А вот при советской власти чего-чего, а говна стало хватать решительно всем — в этом плане коммунисты преуспели, как никто. Так и перешли колхозники на нормальные печи. Вот как красивую традицию сбора говна для печи применительно к 60-м годам описывал Борис Лембик в рассказе «Мои хутора»: «Бывало так, что бригада женщин направлялась утром на работу в поле или на плантацию, а впереди уже прошло стадо. Если на пути попадались коровьи “лепёшки”, то на них ставили метку. Одна кричит, — Мои два пальца. Другая, — А мои четыре. — А моя ладошка. Соответственно в находку втыкались два или четыре пальца, или же вжималась ладошка. В обеденный перерыв, проходя мимо, каждая проверяла свой кизяк, и если он к тому времени немного подсыхал, то его переворачивали. Ну а вечером, возвращаясь с поля, собрали высохшие или подсохшие «лепёшки» в фартук, который был тогда обязательным предметом в рабочей женской одежде. Так что домой возвращались не с пустыми руками».

Теперь стало понятнее, почему в русской деревне не прижилась красивая традиция целования ухажёром руки прекрасной дамы. Странно, что девчонкам не приходило в голову делать отметки хотя бы палочкой. Видимо, это уже издержки лучшего в мире советского образования. Исчезать же как вид печка стала с начала 70-х годов, с развитием газовых отопительных систем наподобие АГВ, причём основной пик переустройства интерьера под АГВ пришёлся на вторую половину 80-х. К 90-м печки были уже относительно редки, и встретить их можно было преимущественно в домах совсем уж

опизденевшей быдлоты. Я из всех домов, в которых бывал в деревенском детстве 90-х, видел лишь один с печкой — в нём проживала очень древняя и слегка безумная старуха неисчислимого количества лет, которая, подобно монашке, всегда ходила в чёрном одеянии и чёрной же плотной косынке. Дом представлял из себя типичную мазанку, находящуюся в крайней степени разрухи, в которой с ней ютился здоровый сын-алкоголик, в те же 90-е допившийся до белой горячки и повесившийся.

Вообще придурковатая романтизация деревенского дома с печкой — это либо удел крайней нищеты, которая в своей жизни больше ничего и не видела, либо наоборот, тех, кто с реальным интерьером деревенского жилья знаком лишь по песням из мультфильма «Летучий корабль». На деле, если отсеять современные богатые дома, где выебонистая печь используется в качестве роскошного элемента декора, то типичные деревенские дома с печным отоплением всегда производили крайне удручающее впечатление. Ни о какой красоте печи во всех домах, где мне приходилось так или иначе бывать, не могло быть и речи — печь всегда представляла собой крайне грубый, бугристый выкидыш архитектурной мысли. При том, что это вечно голодное до кизяка и поленьев уёбище традиционно занимало до половины жилья, которое представляло собой убогую лепнину из мазанки. В таких домах всегда были маленькие окошки, низкие двери и стоял очень сильный запах плесени и сырости. В совокупности всё это создавало очень мрачную атмосферу, и постоянное проживание в таком доме выглядело скорее как повинность, нежели благодать. Когда мы в детстве к сыну той бабки ходили в гости, то всякий раз охуевали с того, как они живут в такой вонючей, жуткой конуре. Даже кирпичная русская печь никогда не представляла собой чего-то романтичного, наоборот, будучи крайне неудобным в использовании устройством, являлась символом нищеты и убожества. Именно поэтому при первой же возможности, при первом же появлении лишней копеечки любой колхозник всеми правдами и неправдами старался избавиться от неё, добиваясь установления АГВ, или же просто переходил на газовые баллоны. Красивая и уютная русская печь существовала лишь в мультфильмах, патриотических песнях и на страницах старорусских былин… а ещё у выживших из ума дачников, бывших когда-то сотрудниками НИИ и решивших на старости лет пожить «бахато».

Теперь будет уместно перейти от печи к непосредственно самим интерьерам деревенского дома. Как мы писали в прошлых частях, главной изюминкой любого дореволюционного деревенского дома являлось немыслимое изобилие обитающих в нём животных. Я не про крестьян, а про их излюбленных домашних питомцев — вшей, клопов, блох, тараканов и прочих членистоногих. По этой причине крестьяне всегда спали в одежде. Ибо мало приятного, когда по голому телу кованой поступью третьего рейха марширует Русь-природа богатством всей своей фауны беспозвоночных. Также вы не могли не обратить внимания и на то, что на всех дореволюционных фото работающих в поле крестьян абсолютно всегда все в рубашках с длинным рукавом. Никогда вам не встретить голого по пояс крестьянина. На этом основании я даже встречал абсурдную конспирологическую теорию, согласно которой в те времена климат был гораздо холоднее. И доказательством приводилось как раз нелюбовь крестьян к раздеванию. На деле же всё гораздо проще — длинные рубахи служили защитой от насекомых не только во время сна, но и во время работы — учитывая чисто африканский уровень гигиены и антисанитарии, по пятам крестьян преследовала целая армия кровожадных мух и слепней, подобно тем, что сегодня роем жужжат над коровами. Одежда же являлась естественной защитой от их укусов. Вот и не вылезали крестьяне из своих тулупов даже в самую знойную жару. Всё говно с крестьянского двора также невозможно было вымести большевистской метлой за несколько дней. Процесс привития крестьянству даже самых базовых норм гигиены и культуры поддержания быта, как и всё остальное, растянулся на долгие десятилетия.

Относительно качественно (насколько данное существительное применительно к советской эпохе) средний интерьер деревенского дома изменился лишь после 50-х годов. К тому времени уже почти каждый дом обзавёлся перегородками, разделяющими жильё на комнаты. Как правило, дом стал состоять из гостиной (горницы) и спальни, где задача первой состояла в произведении впечатления на гостей, а во второй всё оставалось по

старинке. Сегодня так не каждый опустившийся алкоголик живёт, как жил колхозник на стыке 50-х и 60-х годов. К слову, пенсии колхозникам стали платить только после 1964 года, так что все старушки, которых вы увидите на фотографиях того времени, находились на полном самообеспечении. Естественно, у них не было возможности хоть как-то поддерживать своё жильё.

Неудивительно, что в словаре одно из определений слова «горница» звучит так: «Чистая половина крестьянской избы». Ещё обратите внимание на миниатюрность большинства жилищ, в которых нашему современнику даже среднего роста уместно почувствовать себя настоящим Гулливером — крайне уёбищное помещение, к которому куда уместнее употреблять эпитеты «дыра», «конура», или «нора», нежели громогласное «дом». Маленькие окна и кургузая входная дверь сберегают тепло, низкие потолки — меньший объём воздуха надо прогревать печным отоплением. Да и комнат на деле традиционно было не больше одной, а горница от спальни или кухни просто отделялись перегородками. А ещё… Ни на одной из фотографий вы никогда бы не увидели но одной книги. Такая она и была, самая читающая страна в мире.

Индивидуальность же сельского убранства равнялась нулю. Абсолютно во всех домах кровать была застелена так «торжественно» (с обязательным атрибутом из накрытых тюлем пирамид подушек), будто бы колхозница ожидает в гости визита Жана Марэ, страждущего предложить ей свои руку и сердце. На стене висел обязательный коврик с бахромой и оленями, экран телевизора скрывался за кружевной салфеточкой. Традиция выстраивания подушечных пирамид на торжественно застеленной кровати уходит своими корнями аккурат в постреволюционные времена, когда крестьяне впервые в жизни увидели подушки и постельное бельё (ближе к 30-м годам, нередко позже, в зависимости от региона). Тогда, после уничтожения богатой и прогрессивной империи подушка в глазах крестьян выглядела роскошью, сродни красному спортивному автомобилю, припаркованному под окном. Естественно, это (как и ковёр на стене) сразу стало символом немыслимого благосостояния. Вскоре подушки стали торжественно выставлять на всеобщее обозрение, а чем выше пирамидка из подушек, тем богаче хозяин дома. Впоследствии подушки и постельное бельё перестали быть несусветной роскошью, а привычка осталась.

Хотя дело было не только в привычке. Домашний быт традиционно поддерживала женщина. Существовать в такой вонючей избе, даже в зажиточной, перспектива крайне гнетущая. А женщине хочется хоть какой-то красоты, «богиней быть не на часишко, а на век», но даже спустя и 70 лет единственная доступная колхознице роскошь была представлена ебучими подушками и салфетками с кружавчиками. Вот женщины и создавали свой мир «роскоши и благоденствия» в рамках одной сраной горницы; вот эта традиция на селе и просуществовала чуть ли не до наших дней…

Конечно, на фоне описанного в предыдущих частях качество жизни деревни в СССР разительно улучшилось. Романовы за 60 лет отсутствия крепостного права даже подушками никого обеспечить не смогли. Если до 17 года Россия была чистейшей воды северной Африкой, то после смогла хотя бы преобразиться до уровня стран Латинской Америки. Привычный же сегодня вид деревенский дом приобрёл лишь в 70-е, когда колхозники стали массово тащить стройматериалы для своих домов. Получается, что более менее нормальная Россия начала появляться лишь со второй половины 60-х и активно стала развиваться в 70-е, в хрущёвско-брежневскую эпоху. Тогда появились материалы для обустройства домов и дач, быстрыми темпами пошло строительство доступного жилья, колхозникам дали паспорта и назначили пенсии, городским жителям стали выделять «шесть соток» и гаражные кооперативы, большинство населения впервые дорвалось до бытовой техники вроде холодильников, более-менее стала доступна телефония, и, как-никак, а прошла газификация, благодаря чему в совокупности впервые в истории России у населения появился главный дар жизни — свободное время (что в свою очередь породило и мощнейшее диссидентское движение). Даже главное, чем так гордится любой уважающий себя патриот, — освоение космоса — также явление сугубо хрущёвско-брежневской эпохи.

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 5

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, — час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот.

— пророческие стихи К. Д. Бальмонта, 1907 г.

Начиная с 90-х у нас принято романтизировать романовский век, противопоставляя его сталинской диктатуре, дескать, все были счастливы, питались исключительно перепелами, а потом пришёл злой Ленин, отобрал всех перепелов, сам съел да Надюшу накормил, оставив людям лишь дурнопахнущую отрыжку социализма. О том, насколько такая картина мира соответствует действительности, вы могли прочитать в прошлых частях нашего архипелага.

На деле же хрустобулочная Россия им. Романовых являла собой государство крайне деспотичное, и в этом плане Сталин в него не привнёс ровным счётом ничего нового. При Сталине отправляли на трудоработы в ГУЛАГ всех этих Шаламовых с Солженицыными? А во времена правления Романовых — Пушкины, Лермонтовы, Тургеневы и прочие Достоевские, видимо, сугубо из туристических соображений по ссылкам и каторгам рассекали? Кстати, напомню, что Достоевского гуманный романовский суд изначально приговорил к смертной казни, которую лишь в последний момент заменили на каторгу. Также не лишним будет упомянуть и о страшном преступлении Достоевского, за которое его чуть не повесили: «Достоевский был признан виновным в чтении и распространении письма Белинского Гоголю, высказываниях против цензуры и недонесении на других членов кружка». Совершенно конченый человек, как погляжу. Странно, что отдельным пунктом статьи его не судили за недостаточно обильное слюнотечение при взоре на портрет императора.

«Советская цензура возникла не на пустом месте. Она — наследница русской цензуры, цензуры многовековой самодержавной России с её самовластием и деспотизмом» — так характеризовал преемственность цензуры из поколения в поколение литературовед Павел Рейфман. Все мы смеялись, слушая рассказы советских режиссёров о том, как цензурные ведомства вырезали из фильмов километры ценной плёнки по принципу «Как это дед и бабка били-били — не разбили, а мышка хвостиком махнула и разбила? Нет такого дела, с которым общими усилиями не справилась бы советская ячейка общества! Запретить!». Вот только в царской России было всё то же самое в точности до деталей — там через сито цензуры умудрялись пропесочивать даже детские сказки. Например, в 1855 году был запрещён «Конёк-Горбунок», потому что советск… простите, царские цензоры увидели в нём недостаточно почтительное отношение к власти, нам Господом даденой. К слову, бытует мнение, что автор этой сказки никакой не Ершов, а самый что ни на есть Пушкин, и виной тому как раз её величество цензура (Ершов был крайне посредственным, если не сказать бездарным писателем, и написать такую качественную сказку в 18 лет не мог. Общеизвестно, что сказку редактировал Пушкин, да и написана она чисто его слогом, что порождает определённые сомнения в истинности авторства Ершова). Поскольку у Пушкина было почти такое же большое имя, как у Моргенштерна с Даней Милохиным, он не мог себе позволить публикацию произведения, в котором царь «бах в котёл — и там сварился». Особенно он не мог себе этого позволить после едких эпиграмм на власть, которые Александр Первый назвал «возмутительными». С тех пор каждая строчка, убегающая в народ из-под его пера, нещадно перехватывалась на полпути вооружёнными ластиками цензорами, и Конёк-Горбунок таким образом не имел ни единой возможности проскочить мимо верных стражников царской печати. Совсем другое дело — никому не известный Ершов, к книгам которого вряд ли кто-то проявит

должную скрупулёзность. Отсюда и мнение (причём крайне убедительное), что именно Пушкин написал эту сказку, но, чтобы избежать её цензурирования, передал её своему знакомому Ершову. Что интересно — план сработал: сказку, хоть и запретили, но уже лишь после того, как она широко разошлась в массах.

Чтобы оценить как масштабы, так и абсурдность царской цензуры, следует отметить, что даже выдающийся этнограф, известный своими словарями во всем мире, практически основной столп русского языка и русской культуры В. И. Даль однажды чуть не отъехал под шконарь за издание книги «Русские сказки». Что интересно, в РИ была такая свобода слова и печати, что Даль её публиковал не за своим авторством, а под вымышленным именем луганского казака. Царскую власть до боли возмутил тот факт, что... она была написана простым слогом, доступным для бедноты, и в ней рассказывалось о... проблемах бедноты. Абсурд, кружился в вальсе Глинка, хрустя багетом в до-мажор...

«Наделала у нас шуму книжка, пропущенная цензурою, напечатанная и поступившая в продажу. Заглавие её “Русские сказки казака Луганского”. Книжка напечатана самым простым слогом, вполне приспособленным для низших классов, для купцов, солдат и прислуги. В ней содержатся насмешки над правительством, жалобы на горестное положение солдата и проч. Я принял смелость поднести её его величеству, который приказал арестовать сочинителя и взять его бумаги для рассмотрения».

— из письма адмирала А. Н. Мордвинова шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу.

Уже на следующий день опасный преступник Даль был арестован, а весь тираж его книги уничтожен. От торжества правосудия спасло Даля то же, что в своё время оказывало верную службу и Пушкину — очень громкое имя и, как следствие, знакомства в высших кругах. Даль водил дружбы с другим видным литературоведом Василием Жуковым, который за свои заслуги на языковом поприще удостоился чести быть личным учителем русского языка и литературы у цесаревича Александра Николаевича, он же был автором гимна Российской Империи «Боже, царя храни!». Благодаря его заступничеству Даля освободили из-под ареста, но обязали немедленно покинуть город.

Причём даже наиболее абсурдные из проявлений сегодняшней цензуры, вроде «не взрыв, а хлопок», отнюдь не новы и уходят корнями в ту же эпоху. Например, в царской печати цензурой запрещалось употреблять слово «голод» — его заменяли абстрактным «недород».

«Родина Шарафута — Мензелинский уезд, Уфимской губернии — одна из местностей, сильно пострадавших от голода и эпидемий. Мы этого не знали — ведь подробных сведений о распространении “недорода” и болезней в газетах не печатают. Шарафут слыхал, как об этом говорили в вагоне, но ему и в голову не приходило, что это такое, какое отношение может это иметь к его семье.

Когда со своим заветным сундучком под мышкой Шарафут шагал просёлком в свою деревню, ему стали попадаться навстречу односельчане И каждый из них, как говорит Шарафут, узнавал его, “плакала”. Но говорить никто ничего не говорил — сам, мол, увидишь.

Ну, Шарафут и увидел...

Больше половины деревни вымерло. От голода и тифа. Семья Шарафута сперва продала корову. Потом коня. Купил богатый мужик из соседнего села. Шарафут произносит: “Ба-а-там мужикам!” Купил за гроши. Люди уже шатались от голода, а когда же и наживаться, как не на человеческой беде!

Когда съели то, что выручили за скот, тогда подумали: а на что теперь, — без коня! — нужны плуг, соха, борона? Продали и это. А затем продали и земельный надел, то есть тот клочок земли, которым владели спокон веку: к чему земля, если её нельзя и нечем обрабатывать? Всё скупили “ба-а-там мужикам”... Наконец продали с себя всё до последней тряпки... Есть-то ведь надо! Каждый раз, когда Шарафут повторяет

свой вопрос: “Кушить нада?”, мы всё яснее представляем себе постепенное погружение крестьянской семьи в трясину голода, болезней, смерти.

Когда всё было продано, рассказывает Шарафут, все “помирала”. Ели хлеб из лебеды и желудей. Подбавляя в хлеб землю, даже навоз… Потом заболели, очевидно, голодным тифом.

Когда Шарафут приехал, он застал в живых только младшего братишку — “она ещё живая была”. Запасливый Шарафут вынул из кармана остатки своей дорожной еды — большой кусок хлеба. Братишка схватил хлеб обеими руками, но он уже не мог, не имел силы есть. Мальчик только крепко прижимал хлеб к себе. Так, с куском в руке, и умер.

Шарафут сидел около мёртвого братишки. Вдруг слышит — шорох. Обернулся, а в избу вползает соседская девочка лет десяти-двенадцати. Вставать на ноги девочка уже не могла, передвигалась ползком. На Шарафута она не смотрела, она словно не видела его. Он подумал — слепая. Но нет — она смотрела в одну точку, не отрываясь: на кусок хлеба в мёртвой руке мальчика».

— Александра Бруштейн. «Дорога уходит вдаль. Книга третья»

Итак, это был «недород». Стоит ли удивляться тому, что культ личности также отнюдь не коммунистическое изобретение — он полностью заимствован у Романовых? Просто к сегодняшнему дню эта деталь подзабылась, поскольку после революции большевики посносили бесчисленные памятники и бюсты Романовых, заменив их памятниками Ленину. Что интересно, как и сегодня или в советское время, культ личности во многом формировался стараниями разного рода приспособленцев, которые и тогда, и сейчас любят проводить социальные олимпиады на самое глубокое лизание властных задниц. В царскую эпоху стремление угодить вождю порой доходило до откровенного маразма. Так, однажды Николай Второй проездом тормознул упрягу в такой забытой всем пантеоном богов мухосрани, как Калуга. Дальше цитата о колоссальном вкладе царя в этот город: «В Калуге Николай II отстоял службу в Троицком соборе, прошёл по аллеям парка, полюбовался Окой и правым берегом города». В честь такого знаменательного события местечковые власти на том месте сразу же захуярили в честь него мощнейший памятник. Прямо при жизни. Это в то время, когда каждый второй крестьянский ребёнок не доживал до года от голода, антисанитарии и болезней. Представьте себе, если б сегодня Путину ставили памятники в каждом захолустье, в котором он справил свою электоральную нужду.

Ни о какой свободе собраний и митингов в те годы не могло быть и речи — студенческие шествия разгонялись казаками с нагайками, рабочих же и вовсе без шума и пыли расстреливали целыми стачками. О чем тут вообще говорить, если в такой обители свобод и права, как Российская Империя, одно из самых популярных произведений начиналось со слов «Сижу за решёткой в темнице сырой»? Да и Лермонтов отчего-то не писал «Привет, прекрасная Россия, — страна всеобщего благоденствия».

На это любители имперских ролевых игр возражают цифрами статистики — дескать, при Сталине в тюрьмах сгноили миллионы, а при Романовых расстреливали всего-то по паре тыс. человек в год. Да, но недоработку по расстрелам при Романовых выполняла средняя продолжительность жизни в 30 с гаком лет и шокирующие масштабы детской смертности. И отчего-то мне кажется, что родителям не принципиально важно, от чего умер их ребёнок: от сталинского расстрела по статье о трех колосках или от фирменного романовского тифа.

В общем, невзирая на то, что последнего императора России современники характеризуют как человека приятного и сентиментального, политику, проводимую как им, так и его предшественниками, едва ли можно отнести к подобным определениям. Как сопоставляются его личные «положительные» качества с откровенно людоедской политикой? Скорее всего, царь и вправду не желал никому ни зла, ни насилия, дело было в другом — ему просто на всё было насрать с самого высокого из куполов Спаса-на-Крови. Эдакий Царь-Похуй из страны Насрании. Только этой чертой характера можно хоть как-

то объяснить ряд принятых им откровенно самоубийственных мер при революционной ситуации, о которых мы поговорим позже. Всё, что его интересовало по жизни — записывать в дневники каждую убитую ворону во время прогулок, да, шароёбясь пятёрней под подолом юбки Кшесинской, давать почву для книг Радзинского и фильмов Учителя. К слову, в истории с воронами удивляет не сам факт любви пострелять по ним, а страсть вносить в дневники каждую убитую ворону. Подобная мелочность не может не поражать, и к автору подобных дневников было бы куда более применимо название «большой ребёнок», нежели звание царя.

И, конечно же, крепостное право человеколюбивые Романовы отменили отнюдь не из гуманистических представлений о правах человека — в основе реформ лежали соображения исключительно практичного характера. Просто передовая Российская Империя оказалась последней страной Европы, в которую пришло осознание крайней неэффективности использования рабского труда. Причём осознание это пришло исключительно благодаря поражению в Крымской войне середины 50-х, которое в полной мере раскрыло картину технической и хозяйственной отсталости крепостнического государства, управляемого продажной администрацией и неспособного мобилизовать свои богатейшие ресурсы. Вот так вот, с запозданием в каких-то пару веков в устремлённой к промышленному будущему России внезапно обнаружилось, что крепостное право — мертвящая преграда экономическому и культурному развитию страны, что феодальная эксплуатация крестьян сковывает предприимчивость земледельцев и помещиков, задерживает развитие сельского хозяйства и является основным источником бедности, а местами и полного обнищания крепостной деревни. Крепостничество препятствовало образованию капиталов, не давало трудящемуся возможности свободно распоряжаться своей рабочей силой, а главное — тормозило рост техники в промышленном производстве и на транспорте.

С ещё большим изумлением Романовы сделали совсем уж невероятное открытие — оказывается, на боеспособности армии крепостничество также отражается не самым благостным образом: ведь крепостной солдат всё ещё оставался безграмотным селюком, в то время как методы ведения войны уже требовали определённых знаний. А главное, солдат, у которого из имущества имеется лишь барский хуй в заднице, воюет гораздо хуже (если вообще не дезертирует), чем солдат, обладающий собственным земельным наделом. Например, на селе в те времена была широко распространена одна преинтересная народная забава: молодой крестьянин, узнав, что сельский сход поверстал его в «рекруты», частенько уходил тут же в сарай, брал топор-колун да и отрубал себе указательный палец, а то и безымянный для верности. Вон как крестьяне стремились служить царю и Отечеству, себя не жалея. О большой популярности данной забавы нам поведает хотя бы тот факт, что правительству пришлось даже вводить закон об ответственности за преднамеренное членовредительство, что наказывалось каторгой. Сама же система организации армии была архаичной, а обучение войск рассчитано не на то, что необходимо на войне, а на подготовку к смотрам и плац-парадам. Ведь Российская Империя, как и любая азиатско-африканская диктатура, существовала по старому доброму принципу всех папуасов — «не быть, а казаться», все свои резервы бросая на создание красивой картинки, т. н. показуху. Не стоит забывать о том, что «Потёмкинские деревни» — не советское изобретение.

Но главная беда крепостничества заключалась в уничтожении интеллектуального потенциала государства: десятки миллионов людей, некоторые из которых при нормальном образовании и нормальном качестве жизни могли бы дать успешное потомство в виде деятелей культуры и науки, двигающих прогресс, рождались и умирали совершенно бессмысленно, не привнося в общество никакого сколь-нибудь ценного вклада. Таким образом, Россия, хоть численно и превосходила любую их стран Европы, но вот в вопросах эффективной численности, очевидно, уступала почти всем. Как закономерный итог, к началу Крымской войны доблестная имперская армия оказалась вооружённой устаревшим оружием, совершенно не соответствовавшим уровню европейской техники, а флот даже не имел паровых судов, по старой красивой традиции продолжая плавать под парусами. В хвалёной обители имперской индустриализации

практически отсутствовали железные дороги, что не позволяло в кратчайшие сроки перекидывать резервы из одной части страны в другую. Для сравнения, англичане построили железную дорогу аж в Балаклаве (в чужой стране!), в то время как прожекты русских купцов не смогли элементарно перекинуть в Крым чугун для нужд армии. По итогам войны страна оказалась, как это говорят у БДСМщиков, в положении нижнего: с России сбили фуражку мирового жандарма и шарм нагибателя наполеонов, а до кучи унизили (в том числе и перед больной Турцией), заставив пресмыкаться на Парижском конгрессе. Именно это и приводит к тому, что правительство Российской империи начинает понимать необходимость радикальных перемен вкупе с невозможностью существовать по-старому. Понимает это последним в Европе. И, на беду всех нас, понимает это в каком-то особо извращённом ключе.

Наступило время «великой реформы», которая в действительности, если и была «великой», то лишь для земельной олигархии — крупных помещиков, получивших в своё распоряжение новые изощрённые рычаги установления своей власти над крестьянами. Что касается крепостных крестьян, то реформа 19 февраля не только их не освободила от принудительного прикрепления к земле и от произвола помещиков, но навязала им куда худшую кабалу, чем та, в какой они находились до этого. Именно с этого момента в России началось резкое обнищание и обезземеливание крестьян. С этого же момента начинается и совершенно бешеный темп роста численности населения. Рост, который имперцы ставят в заслугу царю, дескать, «а во времена Романовых жилось так хорошо, что за полвека численность населения чуть ли не удвоилась» (то же самое обычно говорят и сталинисты в отношении периода правления Сталина). Конечно же, как первые, так и вторые не понимают, что на те жуткие условия Великий Русский Народ, попирая все законы биологии, ответил дикой рождаемостью: те, у кого было меньше десяти детей, попросту вымерли (в том числе почти все обладатели третьей и четвёртой группы крови), а оставшихся спасли козы, сожравшие всю растительность на многие километры вокруг.

Да, помещики теперь должны были предоставлять в коллективное пользование сельским обществам полевой надел, размер которого определялся индивидуально для каждого региона. Но, чтобы пользоваться надельной землёй, крестьяне должны были отбывать барщину (принудительно работать на собственника земли) и платить оброк (своеобразную дань помещику продуктами или деньгами). Выкупить же свой надел у помещика крестьянин должен был по цене, намного превышающей рыночную. Откуда крестьяне должны были брать деньги — загадка, не подразумевающая ответа, так что долги эти висели на них до самой смерти, а потом передавались по наследству — у некоторых вплоть до революции!

Ещё одной «лазейкой» реформы, которой поспешили воспользоваться помещики, стало то, что раздел земли проходил на удобных для них условиях. В итоге крестьяне часто оказывались отрезанными помещичьей землёй от водопоя, леса, большой дороги, от своих пашен и лугов. Проще говоря, необразованных крестьян, способных только на сельское хозяйство, не просто освободили без земли, но ещё и обязали пожизненно платить и отрабатывать за это. Что интересно, практически одновременно с этим в США отменили рабство для негров. Только вот негров просто освободили, а русских обложили неподъёмным оброком на несколько поколений вперёд. Т. е. русский крестьянин находился в куда более тяжком положении, чем американский негр, и условия жизни у него были существенно хуже.

Так как всё это обмануло надежды крестьян, они стали роптать: как это — свобода и без земли, без домов и угодий, да ещё годами платить барину? Знаменитый историк XIX века П. А. Зайончковский в своих книгах приводил типичный для сложившейся ситуации случай, который произошёл с одним сельским священником — ему пришлось остановить чтение царского документа, так как крестьяне подняли страшный шум (цитаты): «Да какая же это воля?»; «В два-то года-то все животы наши вымотают»; «Ну, не того мы ждали, не за что и благодарить, нас надули» и т. п. Все эти факторы привели к тому, что крестьяне сперва стали разоряться, затем чернеть, как и подобает африканцам (в прямом смысле слова — чумазые лица на фото тому примером), затем уже и окончательно одичали.

«Крестьяне увидели, что их наделили песком и болотами и какими-то разбросанными клочками земли, на которых невозможно вести хозяйство… когда увидели, что это сделано с соизволения государственной власти, когда увидели, что нет той таинственной статьи закона, которую они предполагали как охраняющую народные интересы… то убедились, что им нечего рассчитывать на государственную власть, что они могут рассчитывать только на самих себя».

— из речи И. Н. Мышкина на процессе «193-х».

И. Н. Мышкин был расстрелян гуманной властью в 1885 г. за… просвещение крестьянства. Немного ниже мы к этой истории ещё вернёмся.

От самих же крестьян остались незабываемые пословицы-поговорки:

- — Нам, татарам — един хуй! Щтё ебать паднасить — щтё ёбанных атнасить!
- — От работы — кони дохнуть!
- — Работа не хуй — пастаит!

В дальнейшем обезземеливание крестьянства продолжится, и это станет одной из главных причин революций 1905 и 1917 годов. А вслед за тем, превращение сельского быдла в городское послужит точкой отсчёта для ещё одного витка Большого Террора, уже в 1937 году.

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 5.2: всё новое — это…

Именно в том же 1861 году на сердце русского мужика впервые и легла хорошо известная нам неутолимая тоска по рабству. Ведь при крепостном праве помещик хотя бы отвечал за крестьянина и кормил его, сейчас же крестьянин был выброшен на верную голодную смерть. Так и нашли своё воплощение в нелёгкую жизнь печально известные мемы «стабильность» и «Царь хороший — бояре плохие». Первое звучало в контексте всё того же крепостничества («Да, было рабство, но всё было как надо! А сейчас не знаешь, как дожить до следующего дня!»), второе обусловлено невозможностью поверить в то, что царь в трезвом здравии мог намудрить такую дичь — наверняка он хотел как лучше, а коварные бояре провели всё не так, как задумывалось. Неудивительно, что сразу после отмены крепостного права страну охватили многочисленные крестьянские восстания, где лозунги одних требовали возвращения крепостного права, лозунги других — земельной реформы по справедливости. Наиболее масштабными стали Бездненские волнения и Кандиевское восстание, произошедшие в апреле 1861 года. И на них следует остановиться немного подробнее.

В селе Бездна (включая два соседних села) Спасского уезда проживало чуть больше 1000 крепостных, радость которых молниеносно сменилась отчаянием, поскольку им выживать на озвученных условиях было попросту невозможно. По сути, власть особо извращенческим путём лишила собравшихся девственности, с той лишь разницей, что им сначала было приятно (когда объявили об отмене крепостного права), и только потом больно (когда озвучили условия освобождения), а не наоборот. Естественно они заподозрили, что местные власти их решили немножечко поднаебать, благо распространению этих дум в обществе способствовал и сам император — избегая ответственности за непопулярную реформу, он постарался всё это выставить так, будто бы все злоупотребления — плод деятельности местечкового чиновничества. Впоследствии он к данной технике будет прибегать ещё неоднократно. Крестьяне заявили, что новому распорядку правил следовать не будут, и вообще, всё это ложь, пиздёж и провокація. А потому собрали сход (на который стянулись и жители окрестных сёл, достигнув отметки в 10.000 человек) и порешили никакой барщины никому не платить, в церковь не ходить, да и вообще избрать свою сельскую справедливую власть. Вскоре подъехала военная конница, которая прекратила восстание единственным известным гуманной царской власти методом — открыла по безоружной толпе шквальный огонь на поражение, в ходе которого был убит 51 человек и ранено 77 (по неофициальным данным число убитых достигало 350 человек). После этого выживших крестьян по красивой царской традиции наказали розгами.

Что интересно, дворянство бурно выражало свой восторг действиями руководящего карательной операцией генерал-майора Апраксина, «мужественно» и «решительно» расправившегося с крестьянами. «…Радости их, — писал в письме адъютант казанского губернатора Половцов, — при получении известия о стрельбе не было конца, — те, которые поумнее, старались скрыть её, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало. Апраксина — дурака, человека без сердца, ни к чему не способного — провозглашают усмирителем и спасителем края». Это к вопросу о том, почему в 17 году вышедшие из крестьян матросы и рабочие так озлобленно рвали в клочья всех и каждого, кто имел хоть какое-то отношение к царизму.

Одновременно с этим в Пензенской губернии произошло Кандиевское восстание с аналогичным итогом. Примечательно оно в первую очередь тем, что в пылу событий именно там впервые символом борьбы за свободу стало красное знамя, которое на многия

лета вперёд станет официальным цветом коммунизма. Мало кто знает, что легендарное красное знамя происходит от обыкновенной женской косынки. Вот как об этом рассказывали очевидцы развернувшейся драмы:

«На высокий шест был привешен красный бабий платок, который выбрали только потому, что его хорошо видно издалека, дабы народ активнее выходил на погромы».

«На высокий шест был привешен красный большой платок, изображавший знамя, шест вставлен в колесо, колесо положено на телегу, и в таком виде этот символ крестьянской неурядицы развозили по селениям. За этим оригинальным поездом шли массы крестьян, баб, детей. Едва они вступили в околицу, как им навстречу с криком "Воля, воля!" выступало из курных изб всё крестьянство от мала до велика. Барщина и хозяйства бросались. Начальство в образе старост, сотенных и десятских более не признавалось».

«Однако вскоре затрещали орудия, выполнявшие роль финишной ленточки для данного шествия, а шествие вперёд сменилось бегством назад. На этом революция и закончилась».

Но ни для кого не секрет, что, невзирая на тяжёлую долю крестьянства, основой революции были не крестьяне с рабочими, а столичная образованная интеллигенция. Вот только как так получилось? Какое вообще может быть дело столичным образованным людям до каких-то там папуасов? Нет, все мы, конечно же, понимаем, что умным и образованным по натуре присуща озабоченность думами о непростой доле простого народа и прочих голодающих неграх. Но дело здесь не только в этом. Формированию этого симбиоза городских мозгов и деревенской мускулатуры, опять-таки, самолично поспособствовала власть. В том же 1861 году она, такая единственная и богом дарованная, умудрилась смачно поднасрать не только дремучим крестьянам, но и продвинутым студентам столичных ВУЗов. Во-первых, ввиду того, что студентота была наиболее прогрессивной и социально активной частью общества, ей запретили любые сходки и собрания, дабы они во время студенческого чаепития ненароком не начали обсуждать грабительскую суть недавней крестьянской реформы или возмущаться недопустимостью подавления крестьян методом массовых расстрелов. Это выглядит весьма странным, но собрания студентов были объявлены вне закона. Во-вторых, ощутимо поднялась стоимость обучения. В-третьих, были отменены практически все квоты на бесплатное обучение — если в 1859 году от оплаты было освобождено аж 65% студентов, то в 1961 это число сократилось до… одного процента. И в-четвёртых (и это наиболее болезненно ударило по дыряво-карманному студенчеству), власть запретила студенческие кассы взаимопомощи.

Кассы взаимопомощи с их беспроцентными кредитами друг другу всегда были «костью в горле» для сросшихся с властью ростовщиков, ибо те же студенты ежемесячно добровольно отчисляли в студенческий общак небольшие суммы, чтобы помогать друг другу при покупке учебных материалов, оплате учёбы, жилья и т. д. Таким образом студенты обходили банковскую систему, оплачивая свои нужды без драконовских процентов за кредит, коллекторов и ещё более драконовских штрафов за каждый день просрочки полученной ссуды. У и без того нищих студентов вполне ожидаемо бомбануло от таких раскладов, да так, что на всю осень в Москве и Питере была парализована вся работа образовательной системы, а университеты пришлось закрыть аж до зимы. В ответ на вспыхнувшее недовольство власть провела широкомасштабные репрессии и аресты. Это, в свою очередь, привело к дикой зарубе с мусарами 12 октября 1861 года, которая вошла в историю, как «Дрезденское сражение» (по названию располагавшейся недалеко от поля битвы гостиницы). Впрочем, зарубы как таковой и не было — вместо неё было одностороннее избиение. Собравшиеся у гостиницы студенты были окружены полицией и жандармами, которые, ничего не говоря, просто напали на них и начали дико месить. Те же, кто пытался спастись бегством, оказывались лёгкой добычей для конной полиции:

их ловили, душили, избивали плетьми, рукоятками палашей и ножнами, топтали копытами лошадей, после чего за волосы волокли за лошадьми в полицейские управы. Также для разъёба митинга власть прибегла к услугам «титушек», которые под видом недовольного народа вышли показать кузькину мать наймитам окаянного запада (эта тактика активно использовалась и в СССР, благополучно дожив до наших дней). Титушки (дети пролетариев) мотивировали нападение на студентов тем, что собравшиеся якобы требовали… вернуть крепостное право.

Вот как происходящее описывал работавший в тот период в одном из ВУЗов основатель таблицы Менделеева, собстна, Менделеев:

«Выводят студентов, окружённых огромным количеством солдат… Стоящие вблизи студенты прощай кричат, машут платками. Те отвечают тем же. В это время, о срам и мерзость, ведь и с преступниками позволено прощаться — наскакивает сперва один взвод, потом другой взвод жандармов — топчет, давит, рубит, окружает. Это дело двух секунд. Недоставало крови — теперь она на них лежит пятном, которого не смоют… Отчаяние берёт. Режут, топчут — сила физическая велика их, наша ничтожна… России грозит опять надолго темень, а свет, казалось, стал сиять… Скверное время, низкое время — всё чахлое какое-то, кроме молодёжи. Цветите вы, цветите».

Аналогичная карательная акция в тот же день произошла и в Москве на Тверской. В обоих случаях прибегать к разгону митингов излюбленной царской залповой очередью не стали, и на том спасибо. Впрочем, не стали не по доброте душевной, а лишь потому, что массовые расстрелы в центре Питера и Москвы были бы слишком уж заметны. Да и некрасиво перед гуляющими вокруг иностранцами. После разыгравшейся драмы произошли массовые отчисления из ВУЗов, и значительная часть активной молодёжи оказалась выброшенной из жизни — исключённые студенты не могли ни устроиться на нормальную работу по причине «неблагонадёжности» (что интересно — в СССР подобная практика также цвела буйным цветом), ни продолжать учёбу где-либо. Оказавшаяся в жесточайшей опале, столичная студентота, вестимо, затаила неудержимую обиду на царскую власть и, обкладывая её всеми возможными из хуёв всего мира, удумала неладное — власть надо менять! Так под фундамент престола была заложена очередная мина замедленного действия. И в который раз лично волосатой рукой власти.

Проблема интеллигентных студентов была в том, что в основной массе они были представлены хрупкого сложения ботанами. За счёт прокаченных мозгов можно мутить революцию, но твоя революция лишь пшик без боевой пехоты. А боевая пехота — это всегда неграмотная чернь. Тут-то студенты и вспомнили про изнывающих от царского гнёта крестьян и, решив, что неплохо бы воспользоваться их мускулами (насколько понятие мускулатуры, конечно, применимо к костлявым крестьянам), сформировали новое явление в истории России — «Хождение в народ» («Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. Сказать вам куда?.. В народ! К народу! — вот ваше место, изгнанники науки» — Герцен, 1861). Поскольку терять им было нечего, заняться после отчисления нечем, а все перспективы в жизни были накрыты медным тазом Романовской недальновидности, то этому хождению они и посвятили весь свой быт. Так скелет революции начал обрастать мышечной тканью. По сути «Хождение в народ» было ровно тем же самым, чем при помощи ЖЖ и Ютьюба занимался Навальный — просвещением масс на предмет того, что власть охуела! Но поскольку в те времена ютьюба не было, а читать крестьяне обучены не были, приходилось своими ножками делать обходы крестьянских сёл, что уравнивает хождение в народ с типичной избирательной кампанией. Среди прочего во время хождений в народ активно велась и пропаганда атеизма. Власть на это отвечала мощнейшими репрессиями, что привело в т. ч. и к «Процессу 193-х», в ходе которого был расстрелян И. Н. Мышкин, посмевший говорить крестьянам о том, что царь, дескать, у нас мудак. И хождение, и репрессии носили столь масштабный характер, что не могли не найти отражения и в искусстве:

Картина Репина "Арест пропагандиста"

После жестокого и бескомпромиссного подавления студенческого и крестьянского недовольства всем стало окончательно ясно: диалог с властью невозможен даже в зачатках, с ней можно общаться исключительно с позиций силы. Уже в следующем 1862 году на свет божий появилась первая на Руси антиправительственная прокламация, откровенно культивирующая методы терроризма. Причём терроризма крайне жёсткого. Написана она была вчерашним студентом-медалистом с физмата Петром Заичневским (выходец из дворян, между прочим), который к тому времени находился в ссылке на каторжных работах, куда его отправили за подпольное распространение книг Герцена. Прочувствовав на своей тушке все прелести свободы царского режима, оказавшись «в темнице сырой», Заичневский вооружится пером и породит на свет текст, который на десятилетия вперёд станет настольной библией любого революционера; текст, который был больше, чем простая прокламация — как покажет дальнейшая история, он написал не прокламацию, а подписал смертный приговор всей существующей системе:

«Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые следовательно, стоят враждебно одна к другой. Снизу слышится глухой и затаённый ропот народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, — народа, который грабят чиновники и помещики, грабит и царь… Сверху над народом стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых… Между этими двумя партиями издавна идёт спор — спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа…

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся её, хотя и знаем, что прольётся река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы. Мы предвидим всё это и всё-таки приветствуем её наступление. Мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная… Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: “Да здравствует

социальная и демократическая республика России!" — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

Что интересно, Заичневский был одним из студентов, которых замесили менты и титушки во время Дрезденского сражения в 1861 году. А ещё через несколько лет было совершено и первое в истории покушение на императора Александра II. Дмитрий Каракозов (тоже выходец из дворян, владевших аж целым именным селом Каракозовка) выстрелил (и промахнулся) в императора, направлявшегося после прогулки в Летнем саду к своей карете. Изумленный Александр спросил у обезоруженного террориста, одетого, как крестьянин, почему тот хотел убить его, на что Каракозов ответил: «Ты обманул народ: обещал ему землю, да не дал». Что также интересно — Каракозов вновь был одним из отчисленных и отпижженых в 1861 году студентов.

А ещё через несколько лет появится и первая террористическая организация «Народная расправа», а вместе с ней будет составлен и список лиц, подлежащих немедленной ликвидации. Историей этой группировки в те годы даже воодушевила Достоевского на написание романа «Бесы». Как мы видим, все ниточки зачаточного состояния революции вели к разгрому студенческого митинга с проведением грабительской студенческой реформы, а основные мотивы деятельности бузотёров сводились к неприятию разграбления крестьян. Казалось бы, от власти требовалась сущая мелочь — воспрепятствовать помещичьему произволу, вернув крестьянам полагающиеся земли, и не жестить на студенческих митингах, и кто знает, вполне вероятно, что вся дальнейшая история пошла бы совершенно иным путём…

А может, и не пошла бы, ведь в Российской империи был ещё один бич — незыблемый атрибут любой уважающей себя Африки — тотальная, всеобъемлющая и всепоглощающая на своём пути коррупция. Коррупция поистине необъятных масштабов, коррупция такая, что ни СССР, ни России 90-х, не Путинской подъёмосколенной даже не снилось.

А с коррупцией были и её незаменимые спутники — произвол, беспредел, всевластие и неподсудность богатых, бесправность и беззащитность тех, кто победнее, показная роскошь, мёртвые души и потёмкинские деревни. И именно это уже послужит точкой отсчёта для нового витка террора, а затем ещё и ещё…

Архипелаг Африка, или Русь, которую мы просрали. Часть 6

Поворотный, если не сказать ключевой в истории человечества XIX век ознаменовался новым «кембрийским взрывом», приведшим на сей раз к увеличению не биологического, а социального разнообразия. Те части планеты, куда силой взрывной волны забросило дымящиеся осколки науки, культуры и искусства, по весне дали обильный урожай промышленной урбанизации. И плоды её были столь обильны, что самые широкие слои населения впервые за свою историю стали выходить из состояния перманентного голода. Однако некоторые плоды социально-промышленной революции оказались и ядовиты, что миру громогласно аукнется уже в XX веке. Антагонистом библейско-промышленного рая стало сильнейшее социальное расслоение общества. Жить аграрной общиной уже не хотелось, а пользоваться благами светлого будущего ещё не моглось. Человечество, мыслящее аграрно-пещерными стереотипами, — попросту оказалось не готово к свалившейся на него манне небесной, всё ещё демонстрируя средневековую рождаемость, чем до предела обострило как внутривидовую борьбу за ресурсы, так и всеразличные злоупотребления со стороны тех, кому посчастливилось взобраться на самую верхушку пищевой цепи. На выходе мы получили не только братьев Райт, но и пещерного человека, дорвавшегося до кнута высоких технологий.

В свете вышеописанного неудивительно, что в те годы, и даже много позже, старушка-Европа и США изнемогали от расизма; в США чуть ли не до середины XX века активно практиковались суды Линча, а позже — расовая сегрегация; в просвещённой Европе до середины 30-х годов можно было лицезреть негров, сидевших в клетках зоопарков (ликвидация последних таких зоопарков произошла в 1936 году в Турине и Базеле), про трепетные же взаимоотношения немцев с евреями лучше даже не вспоминать.

Естественно, русские европеизированные верхи с превеликой радостью подхватили эту красивую забаву своего более продвинутого западного собрата. Вот только с туземцами в России было туговато. Те, что были, либо находились далеко, и для них российская власть придумала более грамотный способ эксплуатации, обложив ясаком (так в те времена называлась дань или в переводе на современный язык — «крыша»: за право жить в прекрасном мире промышленно-демократической Державы якуты, тунгусы, чукчи и т. д. платили дань вплоть до революции 1917 года), либо за века кровавых войн так и не покорились, как кавказцы, ввиду чего ни дани, ни бесплатного труда с них добиться не удалось.

В общем, своих туземцев в средней полосе не было, чего нельзя сказать о стальных цепях самодержавия. А раз есть цепи, на них непременно кто-то должен сидеть, как в поговорке про ружье на стене, которое выстрелит. К тому же на тот момент держава всего полвека как вынырнула из самого настоящего рабства, толерантно заменяемого эвфемизмом «крепостное право», так что не стоит удивляться тому, что господствующей идеологией верхушки общества стал расизм, но с местным колоритом — социальный. Причём образцом стал даже не англосаксонский — если бы! — а французский сословный идеал. Верхушка роялистской Франции кое-как признавала третье сословие — буржуазию, у которой регулярно брала деньги в долг, на прочий же народ французские дворяне смотрели как на говорящий инвентарь, за что и поплатились в 1789 году. Именно этот взгляд на низы общества переняло русское дворянство — российская элита не воспринимала крестьянина как существо подобное себе — не воспринимала даже на уровне подсознания. Так что мало удивительного в том, что после проведения «Великих реформ» положение крестьянства не только не улучшилось в вопросах собственности, оно не улучшилось и в вопросах банального соблюдения даже не гражданских, а общечеловеческих прав.

По сути в РИ закона как такового и не существовало — его роль играли сословия, под нужды и прихоти которых подстраивались правила игры. Была каста сверхчеловеков (дворяне), общечеловеков (студенты и интеллигенция) и недочеловеков (рабочие, крестьяне). Ну, и царские казаки были, которые вообще самоопределяли себя как

отдельный этнос, настолько западло им было осознавать свою родственность с грязной руснёй. В этом свете совершенно неудивительно то, что белое сопротивление впоследствии очень гармонично интегрировалось в третий рейх под знамёнами РОА — там страсть белых делить общество на сверхчеловеков и недочеловеков пришлась аккурат ко двору. Причём привычка голубокровых булкохрустов к обесчеловечиванию крестьян выражалась не только в культурно-бытовых и экономических аспектах, но даже в анатомических определениях. Например, крестьянское лицо никогда не называли лицом: какое ж это лицо? Это не меньше чем харя (что означает свиное рыло), на худой конец — рожа! А слово «рожа» употребительно к обозначению лица происходит от одноименной болезни. Рожистое заболевание — это воспаление кожи. А поскольку от изнурительной работы под солнцем у селюков традиционно выгорала нижняя часть лица (верхнюю спасали козырьки), то их лица и именовали названием этой болезни.

А чтобы ещё сильнее подчеркнуть расовую неполноценность крестьянина, в угоду тотальному расчеловечиванию его лицо обозначалось и вовсе не более чем отверстием для приёма пищи. Хлебало, шоб щи хлебать. Т. е. это даже не животное, а отверстие для заправки щами. По мере исхода крестьянства к отхожим промыслам и последующей его пролетаризации слово «хлебало» стало терять свою актуальность (рабочие щи уже не потребляли, перебиваясь говном на постном масле: «и по всему бараку разнёсся запах свежеиспечённых сырников!»), но и от слова отказываться голубокровым булкохрустам ой как не хотелось — в нём же, помимо всего прочего, содержался бранный корень, ложившийся сладкой мастикой на сердце дворянина. Так, путём усечения первых двух согласных в слове хлебало, появилось ещё более обидное слово — ебало, которое уже означало не отверстие для приёма пищи, но отверстие для приёма… не пищи. Это слово укоренилось в народе настолько, что до сих пор они называют свои рожи ебальниками:

- «Всё это — следствие пиздорылости вашей!»
- «Вы там таблеточки-то от пиздорылости — не забывайте принимать!»
- «Эх, да кудой нам, пиздорылым… руки-та в жоппи.»

Неудивительно, что сделать с существом обозначаемым отверстием для приёма то пищи, то не пищи, барин мог решительно всё, что позволял полёт его фантазии. Говоря цитатой тогдашнего министра МВД (мы к ней ещё вернёмся) «так было всегда, и так будет впредь!». Что во времена крепостного права барин мог беспрепятственно пройти немудрёный путь от «выебать и высушить» до «расчленить и закопать» (ведь знаменитая Салтычиха — лишь капля в океане крепостного хардкора. Таких Салтычих был вагон и маленькая тележка, и все об этом знали, да и о злодеяниях самой Салтычихи было широко известно задолго до разразившегося скандала, но всем было похуй, пока она, вероятно, не перешла дорогу другому влиятельному клану булкохрустов). «У кого деньги, тот и прав», — так гласило негласное имя закона Российской Империи. А вот стоило «черни» даже просто косо посмотреть на уважаемого человека, тут уж закон включался на полную катушку. Ярчайший тому пример — расправа над студентом, не снявшим шапку перед чиновником Трёповым. А ведь закон на тот момент запрещал подобное, но… когда на Руси закон был писан для богатых?

В той или иной мере всё это можно было наблюдать в любой точке планеты, но у России традиционно был свой особенный путь. О том, как проблему исходящего в город крестьянства (с последующей вспышкой хулиганизации общества) решили в той же Великобритании, хорошо известно: вдоль дорог поставили виселицы. То же было и во Франции во времена Франсуа Вийона. Но именно в России, находящейся на перекрёстке цивилизаций западных и азиатских, всё это смешалось в наиболее ядовитую смесь. Именно в России эксплуатация слабых приобрела наиболее радикальные и изощрённые формы (недаром же революция произошла у нас, а не где-то там), в нормативах которых к русскому простолюдину относились даже хуже, чем к американскому негру (напомню, негры после освобождения от рабства хотя бы не платили пожизненную дань, в отличие от русских), а сам он бил жён и детей, сжигал колдунов и ведьм и так далее, не забывая при этом бить земные поклоны Господу Богу.

О том, что Бог не помогал, остались следующие пословицы и поговорки:

- «А ныне существують сии три: Иысус, Хуисос и двенадцать Опездолов.»
- «А самая большая заслуга вашего Бога — в том, что он сумел всех убедить, что Иысус Хуисос — его сын, а не дьявола.»
- «ЕСИ БЕСИ НА НЕБЕСИ!»

Всем уже было насрать на рассеюшку, прямо как сейчас. Но чем бедственнее было положение крестьян и рабочих в РИ, тем яростнее терзали своими шпилями небесный покров дворцы Романовых и их друзей, раскинувшись бесконечной россыпью от Петербурга до самого Крыма. Пока крестьяне устанавливали мировые рекорды по детской смертности, Романовы и их приближенные устанавливали рекорды высоты позолоченных шпилей своих особняков, строили, дарили и передаривали друг другу по поводу и без роскошные даже по сегодняшним временам имения, и масштабы сего были таковы, что застроены ими оказались целые села — Петергоф, Пушкин, Стрельна и т. д. и т. п, не говоря уже о частично застроенных городах, вроде Павловска или побережья Крыма. Никаким мажорам с Рублёвки (при том, что сегодня Россия стократ богаче) такой размах даже не снился. «Подержи-ка мою дохлую ворону», — как сказал бы Николай Второй Путину при взоре на его дворец в Геленджике. Что интересно, практически все особняки и дворцы Романовской эпохи возводились силами западных специалистов — откуда своим-то кадрам взяться, если в «промышленной сверхдержаве» 80% населения было землепашцами?

Между прочим, это типично африканско-азиатская картина обустройства, на которой очередной чернокожий диктатор посреди эпидемии тифа выстраивает себе и всем своим друзьям потрясающие роскошью и слепящие глаз позолотой дворцы. И золото в дизайнерском интерьере России XIX века — отдельная грустная песнь эпохи: ведь главная цель почти любого строительства в России что тогда, что сейчас — демонстрация богатства и своего положения в иерархии. Храмы Русской Православной Церкви были призваны демонстрировать не власть бога, но власть элит, потому как церковь являлась главным ростовщиком дома Романовых. Отсюда и культ золотых куполов. Отсюда и расхождения в обычаях с теми же католиками даже в мелочах (например, если у католиков в церкви принято сидеть на скамейках, то у православных — только стоять, ибо не заслужила сидеть в уважаемых заведениях челядь всякая). В отдельных же залах Зимнего неподготовленный посетитель мог и вовсе получить ожог роговицы глаза, так слепили они своим дорого-бахатым убранством. От такого, думается, прихуел бы даже злой раджа из мультфильма про золотую антилопу. Сторонники того же Николая Второго в его защиту приводят аргумент, дескать, непосредственно ему почти ничего и не принадлежало: «много ли дворцов построили лично для него?». Что интересно, те же аргументы приводят и сторонники Сталина в подтверждение «аскетичности» уже своего кумира. На самом же деле эти аргументы не выдерживают никакой критики: что Сталин, что Николай Второй находились в том положении абсолютных и неоспоримых повелителей земель русских, что никакие дворцы им и не нужны были — зачем, если они по определению владеют решительно всем, включая жителей контролируемых территорий? Чтобы открылась реальная картина их благосостояния, надо смотреть не на них, а на их ближайшее окружение и родственников. Например, пока большинство населения выживало в землянках и бараках, Ленинград и Москва масштабно застраивались легендарными сталинками, вот только предназначались они не для любимых сталинских стахановцев, а для его близкого окружения. Под чутким руководством старичка Джугашвили был воздвигнут самый крутой и дорогой жилой дом планеты (по меркам тех времён), известный как «Дом на набережной». Естественно, жильцами этого дома оказались сплошь лучшие друзья и коллеги Сталина, а также его родственники (сын Сталина одним из первых получил квартиру в «лучшем доме планеты»). Точно такая же ситуация была и с «не строящим личных дворцов» Николаем Вторым. Во многом все эти блага были прямым следствием обкрадывания и эксплуатации населения, и в особенности — коррупции. Коррупции, которая в те годы,

как и подобает африканскому государству, являлась основной государство-образующей скрепой. А основным материалом для растопки коррупционной печи самодержавия, являлось кумовство в самом его неприглядном виде.

До революционных событий 1917 года властная «вертикаль» в России формировалась по принципам, характерным для стран Востока, ввиду чего бюрократия имперского аппарата была насквозь пронизана родственными связями. Врач С. Я. Елиатьевский так описывал это явление:

«Чувствовалась особая интимность и подразумевалась связанность, близкое знакомство, когда петербургских чиновников часто называли по имени-отчеству. И была полная осведомлённость. Знали, кто на ком женат, кто за кого держится. У каждого чиновника, связанного с Петербургом, были там дядюшки и тётушки, кузины и кузены, товарищи по корпусу, по полку, по департаменту, покровители и покровительницы, и письма из Петербурга были поводом к экстренным визитам и интимным вечерам… И жизнь этого круга была сколком с Петербурга».

Свояческая ситуация, характерная для того времени, была прекрасно описана и в русской литературной классике. Как говорил тот же Фамусов у Грибоедова в «Горе от ума»: «При мне служащие чужие очень редки — всё больше сестрины, свояченицы детки…». Коррупцией, основанной на кумовстве и фаворитизме, была поражена даже самая верхушка государственной власти. Наиболее красочным примером этой ситуации может послужить тот же Распутин, который, пользуясь неограниченным доверием царской семьи, сколотил неплохой капитал на народных подношениях. Сама история как жизни, так и смерти Распутина мутна, как Нева, в которой Гришка Распутин даже успел напоследок искупаться. Но это лишь на страницах поп-истории как российского, так и западного розлива (загадки-интриги-расследования, поданные в романтическом ключе, интереснее читать, чем скучную правду жизни). На деле же никаких загадок в жизни Распутина нет и не было. Как нам всем известно, похотливый старец обладал каким-то особенно мистическим притяжением, в особенности для женщин. Это так, но ни мистика, ни якобы гигантских размеров хуй не имели к этому никакого отношения. Отношение к этому имела исключительно близость «таинственного» старца к престолу. И в РИ всем было хорошо известно: если кто-то близок к власти, стало быть, жизнь у него — как ощущения школьницы при верховой езде. А поскольку вся властная вертикаль насквозь была пронизана кумовством, то Распутина все воспринимали как бородатый лифт по карьерной лестнице. Каждый, кто твёрдо и чётко чеканил в ногу марш с властью, вскоре наводнял чиновничий аппарат ордой своих родственников и знакомых, ровно то же самое делал и Распутин. По этой причине он пользовался огромной популярностью у женщин — положение любовницы такого человека сулило огромные преференции. И это относилось не только к Распутину, но и практически к любому государственному человеку тех лет. Да и сегодня в этом плане мало чего изменилось: скажи всем, что ты друг даже не Путина, а любого человека из его отдалённо-приближённых — на тебя дамы станут смотреть так же, как смотрели на Распутина.

В пьянках и оргиях Распутина (включая, предположительно, педерастические) также нет ничего шокирующе-невероятного — к тому времени власть и люди, приближённые к ней, постигли наивысший дзен не только профессионального, но и морального разложения, так что дичайшие оргии знати являлись вполне обыденным явлением. Я в прошлых частях писал о популярности бытовой проституции среди крестьян — этот вид подработки пользовался большим спросом явно не от высоких моральных принципов дворян. Про то, что существенная часть доходных домов являлась обыкновенными борделями, и говорить не стоит. И в конце концов, даже задолго до этого помещики устраивали себе целые гаремы из крепостных крестьянок (иногда в гаремах находились даже мужчины и дети) — это отчего-то никого не удивляет. А то, что то же самое тогда делал и Распутин — шок, сенсация и мистицизм. Про размер члена Распутина также достоверно ничего не известно (по большей части этот предположительно миф порождён любовью к нему женщин), а тот член, что сегодня выставлен в заспиртованном виде в

одном из частных питерских музеев — замануха для туристов, и совершенно однозначно к Распутину не имеет ни малейшего отношения.

Вырождение правящих элит помимо оргий привело и к повсеместному умственному разложению, что обусловило в этих кругах огромный спрос на всякие оккультные практики и создания обществ соответствующего толка: в те времена гремели общества «Юдифи», «Голубые маски», «Голубая звезда», «Кружок Бадмаева», «Тайное общество Гурджиева» и многие другие, — отсюда и спрос на деревенского колдуна Распутина с последующим сведением любых его качеств к мистицизму (включая якобы тотальную его неубиваемость, ну-ну). И ещё, есть известный и неоспоримый закон социологии: любое общество, находящееся в упадке, очень склонно к мистицизму, что и выталкивает наружу целую армию шарлатанов-мистиков, т. к. все даже на подсознательном уровне понимают, что «спасти нас может только чудо». На исходе РИ это Распутин, Бадмаев а также бесчисленные секты скопцов, хлыстов, назареев, молокан, субботников, духоборов и т. д. (пик активности оккультно-религиозных воззрений как среди черни, так и среди знати достиг своего апогея аккурат в период властвования Николая II), на исходе СССР — Кашпировский, Чумак и ещё чёрт знает кто. Это правило равно для всех государств — в той же Германии в период упадка были многочисленны всякие общества Туле, Аненербе и т. д., которые сейчас бы точно так же заряжали воду перед телевизорами.

И конечно же, в смерти Распутина нет никаких загадок и, тем более, мистицизма. В любом крайне коррумпированном государстве, богатом теневыми капиталами; в государстве, где блага (чины, награды, должности) распределяют не в соответствии с профессиональными навыками, а в соответствии с родственным отношением, между элитами ведутся ожесточённые бои за доступ к кормушке с вытекающими отсюда убийствами. Элиты в те годы нередко использовали революционеров для устранения политических конкурентов (где революционеры по сути отыгрывали роль обыкновенных наёмных киллеров). Ярчайшим тому примером может послужить убийство Столыпина, которого устранили предположительно по заказу его же верных коллег и товарищей. Вот и не в меру жадный Распутин пал жертвой той войны, как сегодня бы сказали, «в связи с переделом сфер влияния».

Здесь же можно вспомнить и фаворитку балерину Кшесинскую (которая также особой целомудренностью не отличалась, своей кабриолью перескакав чуть ли не по всем кроватям Дома Романовых) и великого князя Алексея Михайловича, которые на пару за огромные взятки помогали фабрикантам получать военные заказы во время Первой мировой войны. Эти трагические примеры в немалой степени способствовали потере авторитета власти монарха и в итоге падению российской короны.

По официальным данным доля коррупции в оборотах капитала была в те годы совсем невелика, правда едва ли в данном случае официальные данные можно перенести на реальную картину мира. Скорее дело в том, что коррупция была столь обыденна, что и не фиксировалась вовсе, а того и за коррупцию не считалась. Чтобы познать истинную суть вещей, нам нет никакой нужды скрупулёзно рыться в официальных документах — куда лучше любой бумажки «за подписью князя Хованского» настроения эпохи отражаются в творчестве её же детей — «... прозаиков, поэтов, драматургов». Какой должна быть коррупция, чтобы толстой нитью скреплять между собой практически все более-менее значимые строки периода? «Мёртвые души» и «Ревизор» Гоголя тому не тлеющий пример. Только вдумайтесь: у всех более-менее значимых чиновников уездного городка в «Ревизоре» морды не просто в пушку — они в настоящей гусиной перине. Но главная ирония описываемой ситуации в том, что ревизор, пред которым все герои повести так трепещут, и сам прибыл в город с той же целью, с которой чиновники пробивались на свои жирные места. Уездный безымянный городок в мире Гоголя становится обобщением всей России, а персонажи являются обобщёнными образами всей чиновничьей России XIX века, где взяточничество, казнокрадство, доносы считались нормой жизни. «Брать по чину» — именно такова первая заповедь чиновного сословия по Гоголю. Иван Хлестаков в Саратове собрал взятки буквально со всех начальников бюджетных учреждений и бюрократов, блестяще исполнив роль, в переводе на современный язык, представителя Следственного комитета. Эта ситуация призвана показать истинные масштабы коррупции

в РИ; коррупции, которая приобрела столь чудовищные формы, что это уже не столько страшно, сколько смешно ввиду полной абсурдности происходящего. Павел же Чичиков, прежде чем заняться скупкой мёртвых душ (что уже само по себе феерично), чем зарабатывал? Правильно, взятками на таможне! А когда все его аферы раскрылись, благодаря чему он избежал суда? Правильно, благодаря взятке судьям. Между прочим, обе истории не являются аллюзиями на царившее в стране положение вещей — они списаны с реально произошедших событий. Во всяком случае литературоведы утверждают, что Пушкин лично был свидетелем историй, описанных как в «Ревизоре», так и в «Мёртвых душах», которые он и пересказал Гоголю. В литературе тех лет также отмечается и хитрая система хранения коррупционных денег. Например, в «Пошехонских рассказах» Салтыкова-Щедрина городничий в городе Добромыслове взятки не копил, а сразу, как получит, тратил на произведения искусства — картины, вазы, хрусталь: извечный актив любого уважающего себя вора. Островский пошёл дальше и в «Доходном месте» изобразил мир, где взяточничество является совершенно нормальным. Ряд произведений русских классиков, обличавших взяточничество и мздоимство, продолжает и «Горе от ума» Грибоедова. Строки из этого произведения увековечились в памяти многих поколений:

При мне служащие чужие очень редки,
Всё больше сестрины, свояченицы детки…
Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!

Ну и, конечно же, какой движ без «нашего всего»? Лермонтов возмущался в прозе тем, что «… у барыни же все суды подкуплены нашим же оброком», а Пушкинский Троекуров именно с помощью взяток отсудил у отца Дубровского имение. Причём в его строках Троекуров носил скорее собирательный образ, нежели индивидуальный, чем автор показывал, что беда не в самом помещике, а в социальном устройстве русского мира. О чем тут говорить, если даже детская литература была насквозь пропитана остросоциальной повесточкой, будь то «Конёк-Горбунок», под завязку набитый отсылками (из-за чего Пушкин, предположительно, опасался его публиковать отдав Ершову), или же какие-нибудь басни Крылова, породившие на свет легендарное «рыльце в пушку». И выражение это стало культовым не на ровном месте — всяк, читающий его лисицу и сурка, переносил описываемую ситуацию на политическую обстановку в стране, поэтому население столь жадно и растащило Крылова на цитаты. Так что эзопов язык сформировался задолго до советской цензуры, а крылатая фраза Пушкина «Сказка ложь, да в ней намёк…» была адресована отнюдь не детям. Ну и главное — отчего-то мне кажется, что на планете Земля нет ни одного человека, который не смог бы закончить фразу Карамзина: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: …». И в конце концов, отнюдь не от верховенствующего положения закона великий и могучий русский язык обогатился пословицами вроде:

- «Не подмажешь — не поедешь»,
- «Дело в шляпе» (в шляпу чиновнику совали взятку, после чего дело решалось),
- «Закон — что дышло: куда повернёшь, туда и вышло»,
- «Закон — что жопа: куда повернул, туда и опа»,
- «Судьям то и полезно, что в карман полезло»,
- «Всяк подьячий любит калач горячий»,
- «В суд ногой — в карман рукой»,
- «Земля любит навоз, лошадь овёс, а воевода принос»,
- «Перед судом все равны: все без окупа (выкупа) виноваты»,
- «Быть было беде, да случились деньги при бедре»,
- «Эта вина стоит полведра вина»,
- «Пчёлка и та взятку берет», — и т. д. и т. п.

Русский человек, на протяжении своей жизни неоднократно сталкиваясь с беззаконием и мздоимством, непременно сатирически описывал эти явления, увековечив в истории эвфемизмы «барашек в бумажке», «рекомендательное письмо за подписью князя Хованского» и др. В самом же начале XX века появились такие обороты как «дать на лапу», «подмазать», или «сунуть».

«На каждом перегоне мои ямщики, по крайней мере, раз двадцать крестились, проезжая мимо часовен, и столько же усиленно раскланивались со всеми встречными возницами, а их было немало. И выполнив столь пунктуально эти формальности, искусные, богобоязненные и вежливые плуты неизменно похищали у нас что-либо. Каждый раз мы не досчитывались то кожаного мешка, то ремня, то чехла от чемодана. Словом, ямщик никогда не возвращался домой с пустыми руками. Как бы ни был этот народ жаден до денег, но не смеет жаловаться, когда его обсчитывают. От этого часто приходилось терпеть моим ямщикам, потому что фельдъегерь, которому я вручил нужную сумму для расчётов с ними, регулярно удерживал часть прогонных денег в свою пользу. Впрочем, можно ли удивляться отсутствию нравственного чувства у простого народа в стране, где знать смотрит на самые элементарные правила честности, как на законы, годные для плебеев, но не касающиеся людей голубой крови? Не подумайте, что я преувеличиваю. Отвратительной аристократической спесью, диаметрально противоположной истинной чести, проникнуто большинство самых влиятельных дворянских родов в России.

Хотя каждая башенка, каждая отдельная деталь Кремля имеют свою индивидуальность, все они говорят об одном и том же: о страхе, вооружённом до зубов. Жить в Кремле, это значит не жить, но обороняться. Гнёт порождает возмущение, возмущение вызывает меры предосторожности, последнее, в свою очередь, увеличивает опасность восстания. Из этой длинной цепи причин и следствий возникло чудовище — деспотизм, который построил для себя в центре Москвы логовище — Кремль!

Самый ничтожный человек, если он сумеет понравится государю, завтра же может стать первым в государстве. Милость земного божества является здесь надёжной приманкой, заставляющей честолюбцев проделывать чудеса. С этой целью становишься самым низким льстецом. Каким талантом наблюдательности должны были обладать русские царедворцы, чтобы открыть способ понравится царю, прогуливаясь зимой по улицам в одном мундире, без шинели. Эта геройская лесть, обращённая непосредственно к климату и косвенно к государю, стоила жизни уже многим честолюбцам. Как легко попасть в этой стране в немилость, если для того, чтобы понравится, приходится прибегать к подобным средствам. В России в день падения какого-либо министра его друзья должны стать немыми и слепыми. Человек считается погребённым тотчас, как только он кажется попавшим в немилость».

— Маркиз де Кюстин.

Что интересно, на Западе одно время даже существовала журналистская забава — писать разоблачительные статьи о немыслимых богатствах Романовых. Ниже пример такой статьи, опубликованной в The Washington Herald 17 октября 1915 года. В ней высказывается предположение о том, что Николай Второй — самый богатый человек планеты, и его состояние в 4 раза превышает состояние Рокфеллера. Несколько цитат из статьи (перевод Егора Сенникова):

«Возможно, это не парадокс, что самая бедная страна в мире — это страна самого богатого человека в мире. Казалось бы, всё сходится. В самом деле, социалисты, реформаторы и другие неугодные люди могут позволить во всеуслышание говорить,

что Россия обескровлена Романовыми, поскольку царь России, несомненно, без какой-либо серьёзной конкуренции, является самым богатым человеком на земле.

Большая часть доходов царя извлекается из его земельных владений, которых у него почти 150 миллионов акров, три четверти из которых — это богатые лесные угодья, приносящие большую прибыль, а другая четверть — это шахты и копи. Самая богатая из шахт Сибири принадлежит царю. Его доход от одной лишь железной руды невозможно оценить, но он исчисляется девятизначными суммами. Кроме того у него есть огромное количество ювелирных изделий, произведений искусства и реликвий, которые вместе стоят около миллиарда долларов. Они, конечно, не приносят дохода, но могут считаться практически за наличные деньги. Императорские владения занимают 21 320 000 акров, что превышает площадь всей Ирландии. Около двух третей этой площади составляют леса, продажа которых приносит неплохой доход: лес, вывозимый из Архангельска, известен во всём мире, а усадьба в Беловежье с великолепным лесом, в котором до сих пор сохранились стада зубров, ежегодно даёт на продажу 2 000 000 кубических футов древесины.

Императорские владения изначально были церковными землями. В средние века церковь в России была не только хранилищем всех знаний о земле, но и главным банкиром и ростовщиком, а богатство, накопленное за века, было огромным. Русская церковь сейчас не бедствует, но большая часть её обширных владений столетие назад перешла к дому Романовых.

У Николая ровно 115 дворцов и замков, но чаще всего он посещает Зимний дворец в Петрограде, Петергоф в пригороде того же города, который скопирован с Версаля, и Ливадию в Крыму. 10 000 000 долларов «жалованья» царя и 7 000 000 долларов «расходных денег» императорской семьи от государства не позволили бы содержать эти три места, не говоря уже о других 112 резиденциях. Даже при такой низкой заработной плате, как в России, расходы на содержание и питание 30 000 слуг, эксплуатацию и ремонт 230 автомобилей, кормление и уход 5 000 лошадей и содержание «телохранителей» из 100 000 солдат, полиции и детективов обходятся дорого. Даже доход в размере 10 миллионов долларов или 12 миллионов долларов, которые царь получает от имперских владений, не позволил бы покрыть дефицит. Таким образом, Николаю необходимо в значительной степени использовать доходы от своих частных владений, чтобы поддерживать пышность государства на приемлемом уровне.

Ибо богатство Романовых невероятно, находится за гранью мечтаний миллионеров, богатство, которое ни один Мидас не мог бы создать с помощью волшебного прикосновения, ни один Крез не накопил бы и за век, богатство, которое возвышается над семейными накоплениями Ротшильдов на протяжении веков и делает скудными состояния Рокфеллеров, Морганов и Карнеги.

Доход царя Николая составляет приблизительно 550 000 долларов в день, и никогда не был превзойдён в истории, и, несомненно, никогда не будет превзойдён, пока не будет основано прибыльное учреждение, которое сведёт значимость нефтяных или сталелитейных трестов до финансового положения киоска с попкорном.»

Ну а излюбленным поводом для западных насмешек традиционно являлась присущая любой голожопой папуасии показуха, увековечившая Русь Святую на многия века вперёд кратким эвфемизмом «Потёмкинские деревни». Сама история про Потёмкинские деревни — не более чем городская легенда, порождённая одним немецким писателем после посещения России. Однако, как и писалось выше, «Сказка ложь, да в ней...», и в Потёмкинских деревнях намёка было куда больше, чем сказки.

Бутафория — одна из основных отличительных чёрт любого коррумпированного государства. Ведь когда страна отстала и грязна, то дело амбиций — показать блеск и величие. Заставить ветхие бараки красивыми картонными фасадами во время проезда важной делегации, для неё же специально сделать дорогу, которая развалится на следующий же день после её отбытия — особенность России, успешно дожившая и до наших дней. Очевидно, что эту особенность хорошо примечали все проезжающие Россию

туристы, которые по возвращении домой начинали травить друг другу байки, зачастую преувеличенные, из крупиц которых в Европе и сформировалась легенда о целых бутафорских деревнях. Уже спустя полвека после зарождения легенды французский писатель и путешественник Маркиз де Кюстин назовёт РИ «империей фасадов» и даже сделает один неутешительный (и при том пророческий) вывод: «…Не пройдёт и 50 лет как в этой стране произойдёт революция намного страшнее, чем во Франции». Вот, как Кюстин характеризовал непосредственно бутафорскую показуху:

«Знаете ли вы, что значит путешествовать по России? Для поверхностного ума это значит питаться иллюзиями. Но для человека мало-мальски наблюдательного и обладающего к тому же независимым характером, это тяжёлый, упорный и неблагодарный труд. Ибо такой путешественник с величайшими усилиями различает на каждом шагу две нации, борющиеся друг с другом: одна из этих наций — Россия, какова она есть на самом деле, другая — Россия, какою её хотели бы показать Европе.

В Петербурге всё выглядит богато, пышно, великолепно, но если судить о действительной жизни по этой видимой внешности, то можно впасть в жестокое заблуждение. Обыкновенно первым результатом цивилизации является то, что она облегчает материальные условия жизни, здесь же они чрезвычайно тяжелы.»

При столь бедственных масштабах коррупции, ясное дело, ни о каком промышленном взрыве говорить даже не приходилось. В доказательство существования этого взрыва традиционно приводятся темпы роста некоторых (не всех) отраслей промышленности. В самом этом подходе заложено определённое лукавство: ведь темпы роста в первую очередь зависят от исходных показателей. Если они изначально малы, то темпы могут быть высокими, а конечные результаты — очень скромными. Этим же впоследствии любили грешить и в СССР. Если в диких краях на момент становления советской власти обладателей высшего образования было человек 10, то за 70 лет их количество может увеличиться и в 100 раз — аж до 1 000.

Важнейшим показателем промышленного развития в начале XX века, связанного с передовыми технологиями, является добыча нефти. В 1901 году Россия занимала по этому показателю первое место в мире (681 миллион пудов или 50,6% всего мирового производства). Соединённые Штаты в 1901 году добывали 555 миллионов пудов или 41,2%. В 1911 году добыча Соединённых Штатов увеличилась втрое — до 1 794 миллионов пудов (63,1% мировой добычи), а России снизилась до 559 миллионов пудов (19,6%). Как видим, добыча «процветающей» Российской империи за десять лет упала не только в относительном, но и в абсолютном исчислении. По-видимому, стремительно богатеющая деревня с керосиновых ламп перешла на электролампочки — иначе как объяснить столь сильный спад?

Или другой малозаметный, но значимый показатель: телефон. По данным 1909 года, на каждые 100 жителей приходилось абонентов в Соединённых Штатах 7,6, в Дании — 3,3, в Швеции — 3,1, в Норвегии — 2,3, в Швейцарии — 2, в Германии — 1,5, в Англии — 1,3, а в России — 0,14, то есть ноль целых и хуй десятых! И эта информация взята не из каких-то там антирусских источников, а из изданной к 300-летию дома Романовых книги «Три Века».

Ещё хуже обстояло дело в сельском хозяйстве. По данным переписи 1897 года, в деревне жило 87% населения России («промышленно развитой» страны, ага!). Основу аграрного сектора составляли почти 20 млн мельчайших крестьянских хозяйств, о которых сторонники «потерянной России» говорят с умилённым придыханием как о селянской идиллии. Вот только три четверти этих хозяйств по статистике являлись бедняцкими — большинство их не способны были прокормить даже себя, не то что кормить страну. Их агрокультура была на уровне Киевской Руси: соха, лошадь, трёхполье. Даже плуг, и тот был редкостью. В целом могу рекомендовать к ознакомлению исследование главного эксперта аграрного развития России академика Л. В. Милова под названием «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», там приведено много статистики по с/х Российской империи. Например, если в Европе

средний урожай пшеницы составлял 1 к 15 (посажено и получено), то в России хорошим урожаем считалось соотношение 1 к 3. И из этого «урожая» русский крестьянин ещё и ипотеку выплачивал за ужасную землю, которую он выкупал после отмены крепостного права. В книге наглядно представлено и то, что крестьяне Европы и фермеры США никогда не жили в таких ужасных условиях, как крестьяне российские, и более того, крестьянство России и крестьянство Европы — это абсолютно разные понятия. В Европе тоже случались голодные годы, но в России голод был всегда. А к началу XX века положение крестьянства стало откровенно катастрофическим, и аналогии с Африкой, которые мы тут уже который раз проводим, — отнюдь не преувеличение.

«Ряд официальных исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за 40 лет, истекших со времени освобождения. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54% прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94%, а в неблагоприятной полосе даже до 88–62%. Количество скота упало (с 1870 года) в среднем до 90,7%, а в худших областях до 83–51% прежнего. Недоимки поднялись с 1871 года в среднем в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках большего простора или за дополнительными заработками. Но и цена на рабочие руки в среднем почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала до 64%»

— Валянский С., «Русские горки.»

Но наиболее интересными являются воспоминания известного русского публициста XX века, эмигранта и монархиста Ивана Солоневича — интересными, т. к. впоследствии он был боевиком белого сопротивления, выступавшим против советской власти. Т. е. ярый монархист Солоневич — лицо, заведомо не заинтересованное в «очернении» царской эпохи.

«Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 года народный доход на душу населения составлял: в САСШ 720 рублей (в золотом довоенном исчислении), в Англии — 500, в Германии — 300, в Италии — 230 и в России — 110. Итак, средний русский ещё до Первой мировой войны был почти в семь раз беднее среднего американца и больше чем в два раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб — основное наше богатство — был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия — 27 пудов, а САСШ — целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда — включая во всё это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, как нигде в других странах он не занимал. В богатых странах мира, как САСШ, Англия, Германия и Франция, хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой — в свежем и консервированном виде.»

Таким образом, староэмигрантские песенки о России как о стране, в которой реки из шампанского текли в берегах из паюсной икры, являются кустарно обработанной фальшивкой: да, были и шампанское и икра, но — меньше чем для одного процента населения страны. Основная масса этого населения жила на нищенском уровне. А самое характерное для явление заключается в том, что самым нищим был центр страны.

В конечном счёте заебало это решительно всех, а рейтинг власти так стремительно устремился вниз, что с лихвой мог бы пробить пол самого глубокого винного погреба Зимнего. Особенно очевидно это стало 5 февраля 1878 года, когда некая Вера Засулич записалась на приём к чиновнику Трёпову, после чего в непринуждённой кабинетной атмосфере нашпиговала его жирное пузо полным отчаянья пролетарским свинцом. Как и большинство ключевых лиц революции, Засулич имела благородное происхождение, будучи выходцем из польских обедневших дворян. После смерти отца (когда ей было три

года) её мать с пятью детьми обосновалась в одной из российских деревень, где семья будущей оппозиционной иконы в полной мере смогла ощутить все прелести жизни матери-одиночки с пятью детьми на шее в Священной Романовской Руси.

Феномен Засулич заключался в том, что невзирая на 100% доказательства её вины, она была оправдана судом присяжных. Оправдана вопреки всякой логике. При этом среди присяжных почти не было «черни», наоборот председателем суда, например, был крайне авторитетный и уважаемый юрист Анатолий Федорович Кони. Причём во время следствия на Кони оказывалось беспрецедентное давление со стороны властей — лично Александр Второй требовал от Кони гарантий того, что Засулич больше не сможет улыбнуться утреннему солнцу. По злой иронии, вскоре уже не смог ему улыбнуться сам Александр. Случилось невероятное — царская власть вызывала столь яростное отвращение даже в кругах столичной знати, что суд присяжных и лично Кони признали Засулич чистейшей воды невиновной. Засулич спасли от каторги два блестящих юриста: председатель окружного суда А. Ф. Кони и адвокат П. А. Акимов. Им удалось подать дело так, что присяжные, по сути, рассматривали уже не уголовное преступление, а нравственное противостояние жестокого градоначальника, олицетворявшего всё замшелое и косное, что было в правительственной системе, и молодой женщины, движимой исключительно альтруизмом. Грязная, немытая и совершенно дикая Засулич (например, во время суда она грызла ногти) олицетворяла собой большую часть населения дикой страны Россия, в то время как по другую сторону весов располагался охуевший от вседозволенности, попутавший все существующие берега оголтелый взяточник Трёпов. Тут будет ещё не лишним добавить что после того как Трёпов высек розгами студента Боголюбова (за то что тот перед ним не снял шапку), невзирая на общественный резонанс, его даже не отстранили от должности — в этом и была вся загадочная Россия.

Как итог, от ублюдочной имперской власти всех настолько воротило, что Кони наплевав на просьбы Александра Второго поступился карьерными перспективами и пошёл на принцип, сделав всё возможное для вынесения «Неправильного» приговора. Как ему, так и всем присутствующим в зале стало элементарно жалко оборванную чуханку Засулич, чего нельзя сказать об охуевшем мудаке Трёпове. В зале было ликование. В одночасье Засулич стала народной героиней вне зависимости от социального статуса ликующего. Общественное ликование вознесло её до статуса русской Жанны д'Арк, а её популярность даже затмила известность самого царя. Конечно же Кони сразу попал в опалу, а в судебном делопроизводстве мгновенно закрутили гайки во избежание повторения подобных эксцессов. Но всё, ящик Пандоры был открыт — потенциальные террористы увидели колоссальную общественную поддержку подобных действий среди всех слоёв населения, от рабочих до интеллигенции, чем получили карт-бланш на начало террора, на этот раз настоящего.

Дело Засулич разделило историю на до и после. И после — следовала не самая сладостная история для провластных элит, ведь это уже был мир, в котором не один государственный чиновник не мог чувствовать себя в безопасности. Город (и страну) молниеносно захлестнула волна политических убийств — почти сразу после оправдания Засулич был убит жандармскй офицер Г. Э. Гейкинг, затем агент сыскной полиции А. Г. Никонов, средь бела дня на Михайловской площади в Петербурге был заколот кинжалом шеф жандармов генерал-адъютант Н. В. Мезенцов, убиты генерал-губернатор князь Д. Н. Кропоткин и агент полиции Н. В. Рейнштейн, но наиболее излюбленной народной забавой стали бесчисленные покушения на царя Александра Второго, которые спустя всего несколько лет увенчались успехом.

Позже на престол водрузился Николай Второй, который сгущающиеся над головой тучи объяснял не иначе, как действиями агентов западного влияния. Он тоже так ничего и не понял...

«Давай-ка уёбывай отсюдова подобру-поздорову. Нам тут академики не нужны!»

Злые большевики согнали радостно трудящихся общиной мужиков в колхозы, так?... А вот вам реальная община, а не идиллия в представлении революционеров. Мельников-Печерский, более 12 лет изучавший материал, книга «На горах».

«Сила Петрович сбирал да сбирал бычков, откармливал их бардой, а брал её даром с городской пивоварни. После трёх-четырёх лет продавал раскормленных быков на бойню, либо сам развозил по деревням мясо, продавал бурлакам на суда солонину, а кожи сырьём отвозил на заводы. Навозу было вдоволь, и вскоре надельные его полосы всем соседям стали на зависть и удивленье: никому в голову не приходило, чтобы его богатый дом когда-нибудь мог порушиться.»

Но вот Силантий Петрович помер. А через много много лет в отчий дом вернулся его сын: торговец старинными книгами Герасим, а в доме жил в страшной нищете его брат Абрам с женой и кучей детей.

«На полведра дал Чубалов. Мир остался недоволен... Дал Герасим на ведро. Мир и тем не удовольствовался... ни слова не молвя, дал денег на другое ведро и попросил старосту мир-народ угостить.

Составился вокруг порожнего ведёрка сход, и на том сходе решено было завтра же ехать старосте в волость, объявить там о добровольной явке из бегов пропадавшего без вести крестьянина Герасима Чубалова, внести его в списки и затем взыскать с него переплаченные обществом за него и за семейство его подати и повинности, а по взыскании тех денег, пропить их, не откладывая, в первое же после того взыска воскресенье.»

А ведь его брат Абрам когда-то женился на сироте богатых родителей:

«И по закону, и по заведённому обычаю мир-народ должен был принять сироту на своё попеченье и приставить к наследству надёжного опекуна. В той волости исстари вёлся обычай опекунов к сиротам назначать из посторонних, потому что сродники чересчур уж смело правят именьем малолетних, свои, дескать, люди, после сочтёмся.

Но тут подвернулся двоюродный брат сиротки, что жил у её отца в работниках; он укланял и упоил мир, чтобы ему сдали опеку... Стала молодая требовать родительского именья, а опекун будто не его дело... Жалобу принесла — пошли суд да дело. Много раз сходился мир по этому делу; сначала хотели взыскать с опекуна, потом сиротское именье отдать наследнице сполна, но каждый раз сходка кончалась тем, что ответчика опаивали.»

Герасим помог брату наладить хозяйство:

«Абрам принял родительское тягло, но тех полос, что удобрены были бычками покойника Силы Чубалова, мир возвратить не пожелал, а отрезал воротившемуся в общину тяглецу самые худые полосы из запольных, куда спокон веку ни одной телеги навоза не вывозили. Сколько ни жалобился на то Абрам, мужики и слушать его не хотели. "Что мир порядил, то Бог рассудил", — говорили, а между собой толковали: "Теперь у Чубаловых мошна-то туга, смогут и голый песок доброй пашней сделать, потому и поступиться им допрежними их полосами миру будет за великую обиду." Чубаловы поспорили, поспорили, да так и бросили дело. "Как с миром сладишь... хоть мир и первый в свете разбойник, а суда на него не сыщешь"».

Прошли годы, и началось:

«Только что избыл Герасим одни хлопоты, другие подоспели. И сам он, и братняя семья сосновским мужикам стали отрезанным ломтём. Раз они уж воспользовались на диво удобренной отцом Чубаловым землёю, теперь разгорелись у них зубы и на запольные полосы, что отрезаны были Абраму по возвращенье Герасима и в десять лет из худородных стали самыми лучшими изо всей сосновской окружной межи… пришёл от лица мир-народа к Чубаловым староста и объявил мирское решение: перебирались бы они все на житьё в город, а дом и надельные полосы отдали бы в мир. Сколько ни спорили Чубаловы, мир-народ на своём стоял: "Ступай вон из деревни", да и только…

Пытался было Герасим с Абрамом убедить мужиков, что не дела они требуют, не по правде поступают — толку не вышло. Говорили Чубаловы с тем, с другим мужиком порознь, говорили и с двумя, с тремя зараз, и все соглашались, что хотят из деревни их согнать не по-Божески, что это будет и перед Богом грех, и перед добрыми людьми зазорно, но только что мир-народ в кучу сберётся, иные речи от тех же самых мужиков зачнутся: "Вон из деревни! И дело с концом."

Такова правда в русской общине, такова справедливость у этого мир-народа, что исстари крепкими стопами на ведёрках водки стоит. Сам народ говорит: "Мужик умён, да мир дурак". Никто так не тяготится общинным владением земли и судом мир-народа, как сам же народ.»

Нескончаемые вскукареки о Царе-тряпке заставляют вспомнить благосостояние дворян — тех, которых в 1861 разорили. На самом-то деле реформа ничего не отняла у большинства дворян, т. к. отнимать было нечего: 2/3 имений были в закладе у казны, и долги эти были невозвратны. И это помимо частных долгов. Всё это есть у Крестовского в Петербургских трущобах — сын Морденко, бывшего княжеского управителя, позднее открывшего ломбард и скупившего векселя князей после многих лет сбирания на это денег, сидел в роскошном доме князей с пачкой векселей и думал, что неужто вся эта роскошь — дым и фикция, да неужто он мог бы пустить всех князей по миру и засадить в долговую тюрьму тоненькой пачкой бумажек? А ещё у князей был и казённый заклад.

Проследите в литературе, в описании современников. Схема заклада всем известна по Мёртвым душам. Первые практики описывает Пушкин в Барышне-крестьянке. Там двое соседей: один богатый и хозяйственный, другой знатный и разоряющийся, он и придумал заложить имение в казну, а за ним почти все соседи (породниться с дочерью транжиры богатый сосед решил из-за сына — связи нужны были для карьеры сына в столице).

Дальше заклады и разорения описаны в каждой второй книге — разрушенные шикарные усадьбы с оранжереями специально для ананасов в Приваловских миллионах, забытый дом в столице с бездарно убитыми на него сотнями тысяч у Крестовского, дом ставший сердцем Вяземской лавры (впоследствии — жутких трущоб), Достоевский с его князем Мышкиным, затем Тургенев и Чехов, и их малоизвестные сейчас современники: Мельгунов с модным мистическим очерком, где вскользь описаны бездарно промотавшие в Италиях имения баре, привёзшие оттуда кучу подделок, и следующее поколение, убившее остатки на прогоревшие заводы.

У дворян нечего было отнимать. Отменяя крепостное право, фактически возвращали государственную собственность. Ведь выкупить имения никто из дворян уже не мог. Для промышленности не было коммерческой жилки, земледелие не давало доходов. А расходы были, и ещё какие — от Онегина, чей папа всё промотал (помните: «отец его понять не мог и земли отдавал в залог»?), из-за чего и занемогший небедный дядя Онегина заставил себя уважать, — до бесчисленного множества других.

Но что же промышленники, купцы и старообрядцы? Схема их разорения описана в Хлебе у Мамина-Сибиряка: они растеряли всё, как только появились банки и кредит. Купцы так умело занимались промышленностью, что царь им в итоге это законодательно запретил, чтобы они на паперти не оказались.

Земельные дела — ещё смешнее. Нытья об убыточности земледелия с четверть Анны Карениной было написано.

На факте тотальной долговой кабалы помещиков — класса, на который опиралось самодержавие, — стояла и отмена крепостного права в России. Формально государство было обязано компенсировать помещикам потери от освобождения крестьян (по сути, отчуждения собственности), но по факту, долги помещиков и дворян казне давно уже превышали стоимость отчуждаемой скотоподобной собственности и были невозвратны, поэтому реформа 1861 года обошлась, по сути, без выплат. К тому времени помещики уже были банкротами.

В общины крестьяне объединились самостоятельно.

И разорять и грабить начали тоже самостоятельно и задолго до 1919 и 1937 гг.

Проиграли же в итоге не дворяне и не промышленники. Проиграли обыкновенные труженики: такие же, как Чубаловы, жизни своей без сохи не представлявшие. А через то и вся раися имела незавидную судьбу.

Вообще, если внимательно читать историю России XVIII–XIX веков, нетрудно понять, что до бойни 1917-го и последующих лет страна дотянула-то чудом. Я не устану повторять, что именно убогим образом проведённая реформа 1861 года явилась одним из ключевых факторов, предопределивших и 1905-й, и, впоследствии, 1917-й годы.

Социалистический инкубатор гопоты. Часть 1

Нам с вами выдалось жить в интересное и животрепещущее время, ведь прямо на наших глазах происходит формирование нового религиозного учения со своими святыми и мучениками, со своим сводом моральных норм и типов поведения; со своей системой взглядов и непререкаемых догм. Секта свидетелей СССР, неуклонно ожидающих второго пришествия Джугашвили. Я думаю, что многие из вас хотя бы поверхностно знакомы с библейскими писаниями, и если вы проведёте параллели между верующими в Иисуса и верующими в Сталина, то уверяю, что будете поражены тем, сколь много между ними, как и подобает религиозным течениям, общего. Вначале была не жизнь, а рай — повсюду цвели райские цветы и пели райские птицы, а прямо с веток деревьев можно было срывать сочные фрукты и утолять жажду. Но однажды коварный змей-искуситель обманул доверчивую Еву, уговорив сорвать запретный плод — так в наш мир пришло зло. Если в этой истории заменить сады на ракеты, райские фрукты на пломбир по 30 копеек и колбасу по 2. 50, а змея-искусителя на Горбачёва, то как раз получится современный вариант священного писания Свидетелей СССР: вначале был рай. Повсюду стояли ракеты, прогуливаясь вдоль которых, советский человек ел «тот самый» вкусный пломбир, на ходу закусывая «той самой» колбасой по 2.20. Но однажды коварный Горбачёв обманул доверчивый народ, уговорив сорвать запретный плод империализма — так в наш мир пришло зло: Горбачёв из вредности запретил есть тот самый пломбир и производить ту самую колбасу. С тех пор у нас и производят не тот пломбир с не той колбасой. Но согласно священным писаниям, однажды состоится второе пришествие Сталина, у которого в одной руке будет тот самый пломбир, а в другой — та самая колбаса, и он накормит ими людей, прямо как Иисус в своё время тремя рыбами и семью хлебами «десять тысяч человек накормил». И в тот момент, когда по улицам истомной патокой польётся его сладкая речь «Расстрэлиать!», возродится, подобно Фениксу из пепла, наш родной СССР… А государь должон быть строг! А иначе с нами нельзя! Больше вешать!

Радует лишь то, что пока что шутки над сталинистами не попадают под статью об оскорблении чувств верующих. А шутить, как вы понимаете, есть над чем — благо, слепая вера сектанта всегда оставляет широкий коридор для юмористического манёвра. Поэтому сегодня, вооружившись циничным оскалом капитализма, мы продолжим разбирать один из основных постулатов зарождающегося религиозного учения, удивляющих нас дерзостью формулировок: «Преступности в СССР не было»… Ну, а если и была, то не шла ни в какое сравнение с сегодняшней. В прошлой части мы пришли к убедительному выводу о том, что коррупция при Сталине была, да такая, что Единая Россия, оглядываясь на те времена, может лишь завистливо сглотнуть остаток слюны; бандитские разборки тоже были, просто в кругах чекистов, и назывались борьбой со шпионами. Теперь пришло время поговорить о более низкоранговой преступности, а именно, об улично-уркаганской. Благо, почва для этого имеется благодатная — ведь именно в СССР зародился уродливый мутант воровской субкультуры, и именно в нём разросся до немыслимых масштабов, поглотив почти все сферы общественной деятельности и даже породив целое музыкальное направление, известное как «русский шансон».

В одном из прошлых материалов мы поднимали тему железнодорожных крушений в СССР — дескать, в те годы ездить поездами было во сто крат опаснее, чем сегодня. Но дело здесь не только в зашкаливающей за все нормы аварийности советской железной дороги, а ещё и в её повышенной криминализации. Дедки, вероятно, вспомнят одну пикантную деталь своего детства и молодости: мамки и жёны в те годы, куда-либо отправляя детей/мужей, имели обыкновение заворачивать деньги в носовой платочек, который потом вшивался в карман брюк или даже прямиком в трусы. Столь причудливая процедура была так широко распространена в обществе, что нашла своё отражение в советском же кинематографе. Например, подобную сценку мы можем наблюдать в культовом советском фильме «Любовь и голуби». И отчего-то мне кажется, что

придумана столь хитроумная разработка была отнюдь не из-за витающего в воздухе чувства всеобщей безопасности и защищённости.

Просто на советской железной дороге были очень развиты как разбои (жертву напаивали соседи по плацкарту, как правило, карточные шулеры, полностью её обували, после чего ночью выталкивали из двери тамбура в сугроб на полном ходу поезда), так и просто грабежи: глубокой ночью на промежуточной станции в поезд садился человек (зачастую несколько членов преступной группы), шёл по вагонам, собирая в сумку всё, что плохо лежало, после чего на следующей станции выходил. Наиболее часто в результате таких рейдов пассажиры оставались без обуви и, закаляя свой суровый пролетарский иммунитет не менее суровыми сибирскими морозами, топали по приезде розовыми пятками по жёлтому и местами белому снегу светлого мира победившего социализма. Во-многом притоку маргиналов на железную дорогу способствовала дешевизна билетов в СССР.

Попробуй вспомнить, когда ты в наши дни в последний раз видел, чтобы кому-то в трусы зашивали платочек с деньгами. А причиной тому как раз то, что сегодня воровства и разбоя не в пример меньше. В те годы для того, чтобы лишиться имущества и здоровья, достаточно было просто дать неправильный ответ на вопрос «э, ты с какого района, хлопец?». Столь увлекательная викторина в СССР по рейтингам могла дать фору телепередаче «Что? Где? Когда?», нося пандемийный характер в период 50-80-х годов, после чего к 90-м годам стремительно пошла на убыль (поскольку основное ядро уличных банд в ногу со временем переквалифицировалось на организованную преступность), полностью растворившись в истории окраинных подворотен к первой половине нулевых. Например, я в 90-е время от времени слышал такой вопрос в свой адрес, но это уже было инициативой отдельной гопоты, не представляющей собой сколь-либо серьёзной силы, а сам вопрос уже носил скорее формальный характер, как дань уважения былым временам. Мы с пацанами, например, раза три в 90-х убегали от толпы местной гопоты, которая предъявляла за район, один раз у меня отобрали деньги и ещё несколько раз в ответ на вопрос «ты с какого района?» не знали, что делать дальше, что говорило о стремительном вырождении этой красивой народной традиции.

Помимо исхода управленческого центра молодёжной гопоты в большой криминал, вырождение традиции объясняется и закономерной эволюцией уличного хулиганства: с приходом 90-х в стране буйным цветом зацвели новомодные субкультурные движения, привязанные к стилям в музыке. Так произошло перераспределение принципов уличной преступности с объединений по территориальному признаку на объединения по признаку музыкальному: люберы устраивали побоища с металлистами, трад.скинхеды — с фашнёй, а классическая фраза «ты с какого района» в моду со временем трансформировалась в «поясни за шмот». Скинхедов, кстати говоря, избивали особо тщательно, и в конце концов извели как класс: у них ботинки оказались неправильного цвета. И, как сам помню, появиться в вечернее время на промышленной окраине в майке с названием рок-группы — означало визит к костоправу.

Но, по сути, в 90-е все эти разборки уже носили слишком мелкий, я бы даже сказал, какой-то детский характер. К 90-м произошло тотальное вырождение всех общественных институтов, и хулиганство точно так же стало жалкой пародией на само себя 30-40-летней давности. Иных уж нет, а те далече, как Пушкин некогда сказал. От хулиганов, контролировавших целые города, державших в реальном страхе всю милицию, терроризировавших общество, устраивавших «карательные» пробеги с забиванием насмерть каждого встречного, остались лишь дети, потолок которых ограничивался пояснением «за шмот».

Для того, чтобы понять, сколь сильно разнились масштабы хулиганства в СССР, при Ельцине и при Путине, предлагаю завести нашу виртуальную машину времени на полные обороты и отправиться на 70 лет назад, в 50-е годы, и посмотреть, как с хулиганством дело обстояло тогда. Вот вы когда-нибудь слышали о том, что обыкновенные урки, собравшись толпой в тысячу человек, пошли громить полицейские участки? Я такого не припомню ни при Путине, ни при Ельцине. А вот в СССР такое было часто — уличной шпаны там было столько, что при задержании милицией своего товарища она в

кратчайшие сроки могла мобилизовать свои силы количеством до тысячи человек, после чего в качестве демонстративного акта возмездия пойти громить все окрестные отделения милиции.

Особенностью молодёжного хулиганства в те годы был его групповой, криминально-организованный характер, благодаря которому сплочённые группировки подростков, связанные «блатной» круговой порукой и часто находившиеся под контролем опытных уголовников, способны были стать дрожжами крупных массовых беспорядков. Более того, отдельные советские города промышленного значения (такие как Йошкар-Ола, Кемерово, Магнитогорск, почти весь Донбасс и т. д. и т. п.) периодически полностью контролировались не милицией, а уличными хулиганскими группировками, у которой с милицией порой происходили настоящие войны.

В качестве примера возьмём хулиганский террор и войны с милицией в Магнитогорске 55-56 годов. Челябинская область, где и располагается Магнитогорск — само по себе место крайне неуютное, являющее символ неблагоустроенности даже по тем временам: один из самых жестоких, грязных и вредных для здоровья (во всех смыслах) промышленных городов как СССР, так и России. По этой причине мало кто мог похвастать социалистической мечтой о поездке в Челябинск на строительство светлого будущего. А в Магнитогорск, который даже не был административным центром, ехать въёбывать на заводах желающих не было и подавно. Если в эти районы и попадали нормальные люди, скажем, по распределению, они старались закрепиться в Челябинске (несмотря на воду со ржавчиной), в то время как в Магнитогорске оседали либо маргинальные элементы, либо принудительные переселенцы.

В начале 30-х годов во многие крестьянские дома крестьян Татарстана и Казахстана ворвалась благая весть: они вытянули счастливый билет в увлекательной лотерее регулярно проводимой Иосифом Виссарионовичем Сталиным. «Крутыте барабан» — подозрительно улыбаясь из под усов произнёс Вождь Народов. «Сэктор спэцпоселение на барабане! Собэрайтэ вэщи!». Да, им выпала честь заложить первый социалистический кирпичик в фундамент магнитогорского металлургического завода, чтоб он вырос большой-пребольшой, да заслонил своей статью солнце в небе над загнивающей Америкой. Не успели крестьяне толком осознать всю глубину счастья обрушившегося в одночасье на их сутулые трудовые плечи, как за дверьми их уже поджидал транспорт, да не такси какое, а целый вагон. Иосиф Виссарионович знал толк в строительстве светлого будущего.

Таким образом, помимо уголовников, в Магнитогорск товарными вагонами стали доставлять целые крестьянские семьи из соседних регионов: коммунисты просто брали с фермы в Татарстане крестьянина со всей его семьёй, загружали в товарный вагон и отправляли в Магнитогорск, где он и его семья были вынуждены работать и жить в посёлке, окружённом колючей проволокой. Именно принудительный труд этих так называемых спецпереселенцев сделал возможным рекордно быстрое строительство заводов. Жили такие переселенцы в палатках и ветхих бараках посреди холодной, продуваемой всеми ветрами степи, у подножия зловещей Магнитной горы. Это было такое массивное скопление железной руды, что компасы поблизости от горы показывали совсем не туда, куда предполагалось по их целевому использованию, а птицы предпочитали облетать её за несколько километров. Бараки были с земляным полом, без элементарных удобств, о какой-либо медицинской помощи в городе не приходилось даже говорить. Между горой и неглубокой речкой Урал рабочие возводили жемчужину первой сталинской пятилетки, Магнитогорский металлургический комбинат — один из крупнейших металлургических заводов в мире.

Криминогенный потенциал Магнитогорска усиливался ещё и его географическим расположением — с одной стороны от города располагался Татарстан, с другой — Казахстан и в особенности Кустанай, в который Сталин любил оформлять увлекательные путешествия для целых народов, что способствовало укреплению Кустаная в статусе криминального оплота Казахстана, а Татарстан сам по себе являл оплот понятий и хулиганства во все времена. Мало того, что Магнитогорск был перенасыщен людьми с криминальным прошлым и озлобленными крестьянами, которых принудительно туда

пригнали, так ещё и располагался аккурат посерёдке меж двумя оплотами криминала тех лет, являя собой своеобразный перевалочный пункт, и более того — многие из его жителей находились в тесной связи с казанскими и с кустанайскими, имея корни из этих городов.

Таким образом, у Магнитогорска не было ни шанса не стать одним из центров советской гопоты, и он этим шансом не преминул воспользоваться. Шли годы, у переселенцев 30-х годов в этих условиях подрастали дети, как образовательный, так и культурный уровень которых в большинстве своём оставлял желать лучшего, если не сказать, что отсутствовал вовсе. Ибо рабочим для пахоты за станком образование требовалось лишь в объёме, достаточном для умения обращения со станком. К началу 50-х годов в Магнитогорске было 15 строительных школ, ремесленных и технических училищ, в которых обучалось более 5 тыс. подростков. Все эти учебные заведения, заполненные «трудными подростками», страдали обычными для таких заведений болезнями: низкая дисциплина; плохое преподавание, хулиганство, а по сути, являлись не учебными заведениями, а хулиганскими общаками, объединёнными в одно ядро. Смотрели фильм с Джеймсом Белуши «Директор школы»? Как-то так это и выглядело, только носило куда более масштабный характер, ибо в фильме речь шла об одной школе, там же в общую криминогенную цепочку были объединены все учебные заведения.

Понятия крепли, подобно обороне Советского строя, и к 55 году грянул гром. К этому времени город был чётко разделён на милицейский и подростково-хулиганский. Два этих мира существовали в непересекающихся плоскостях: у хулиганов были свои порядки и территории, у милиции — свои. Никто никого не трогал, и всем было счастье. Милиция, откровенно подссыкающая гопоты, нашла удобный компромисс: она закрывала глаза на постоянные драки и уголовные выходки молодёжи по принципу «делайте, что хотите, в своих районах». Взамен требовала не вторгаться со своими порядками в более образцовые кварталы. Это привело к формированию закрытой криминальной общности целыми районами, живущей по своим законам и правилам; общности, не терпящей никакого вмешательства извне.

Начиная с весны 1955 года, на окраине города была организованна стихийная уличная дискотека, традиционно заканчивающаяся масштабными пьяными побоищами, драками и поножовщиной. Освещённая асфальтированная улица, выбранная под это место хулиганами, выходила за их обозначенную территорию, что приносило немало неудобств как местным жителям, так и социалистической собственности, которую в ходе попоек нещадно громили (фонари, витрины и т. д.). Милиция выразила в связи с этим ноту протеста, и по общей договорённости хулиганам пришлось перебраться на тёмный пустырь рядом с мусорной свалкой.

Уже совсем скоро, 27 апреля 1955 г. во время очередных танцев милицейский патруль, состоявший из двух новичков, не осведомлённых о правилах взаимодействия милиции с хулиганами, вмешался в очередную драку и задержал несколько хулиганов. Обиженная вмешательством в свои «внутренние дела», банда напала на милиционеров и им, вместе с задержанными, пришлось скрыться за дверьми ближайшего общежития. Молодёжь начала ломиться в двери и требовать освобождения товарищей. Выйдя на улицу, один из милиционеров предложил толпе разойтись. В ответ раздалась матерная ругань, затем на стража порядка обрушился град камней и бутылок. Чтобы сдержать разбушевавшихся подростков, сотрудник милиции два раза выстрелил в воздух из пистолета. Едва он вернулся в помещение, как опять начался стук в двери, а в окна снова полетели камни.

Милиция начала стягивать к общежитию свои силы. Подъехало ещё несколько нарядов. Чтобы разрядить обстановку, одного из задержанных отпустили. Двух других повели в отделение милиции. Одна группа милиционеров пошла с задержанными, другая двинулась к пустырю, дабы взять под наблюдение тусующуюся там молодёжь. По дороге на неё напали несколько сот молодых людей и стали забрасывать камнями. Милиция ответила выстрелами в воздух. Обороняясь, милиционеры ранили одного из нападавших в тот момент, когда он готовился бросить камень. Первый раз на этом и закончился, а случай замяли, для того, чтобы спустя 50 лет пьяный ватник тебе доказывал, что в СССР не было преступности, «не то что щас».

Первая битва ментов с гопотой может и закончилась, а вот война с этого инцидента как раз и началась. На протяжении весны-начала лета отношения милиции и хулиганов продолжали обостряться и 13 июня 1955 г. выплеснулись в новые бои. Встретив ночной патруль (около 12 часов ночи), неизвестный гопарь сбил с одного из милиционеров фуражку. Возник конфликт, на который подтянулась большая группа ремесленников (около 100 чел.) и начала забрасывать милиционеров камнями. В ответ раздалось два выстрела. Один учащийся был ранен в ногу.

Услышав выстрелы и узнав о ранении товарища, толпа учащихся ФЗУ (ещё около 300 чел.) бросилась к отделению милиции и потребовала освобождения задержанного. Уговоры сотрудников милиции не помогли. Посыпался град камней. Здание подверглось штурму — в него полетели камни, бутылки, в округе были перебиты все милицейские машины. Почувствовавшая свою силу, гопота, войдя во вкус, уже не требовала выдачи своего товарища — она требовала выдачи для расправы «милиционера в белой гимнастёрке» — одного из участников столкновения. Штурм продолжался, со стороны милиционеров раздалось 12 выстрелов в воздух. Стрелковая подготовка милиции тоже хромала на обе ноги, ввиду чего некоторые милиционеры в воздух не попали. Так появились первые раненые.

Рассеять толпу удалось только силами приехавшей армии, которая пустила предупредительные автоматные очереди. Ремесленники затаили обиду. Милиция готовилась к новым столкновениям. Конфликт перестал быть обезличенным. Но самое главное — хулиганский террор не прекращался, а власти, кажется, не знали, что делать. 12 октября произошло новое столкновение с милицией. Всё на той же танцевальной площадке был задержан ремесленник, подозреваемый в избиении неизвестного прохожего. В ответ толпа учащихся ФЗУ (около 40 чел.) напала на сотрудников милиции с камнями, требуя, по обыкновению, освобождения задержанного. Отбиваясь, милиционеры без колебаний выстрелили вверх. И всё же задержанному удалось уйти от работников милиции. Вместо него в отделение милиции повели одного из участников «освобождения». Тут же собралось около 100 учащихся. Снова требовали освобождения. Снова бросали камни — в окна отделения милиции и в квартиры мирных обывателей. Снова разбили вывеску отделения. В этот раз погром не ограничился лишь одними полицейскими участками. Начали громить всё, что попадалось под руку. К месту пришлось стягивать все милицейские силы города, чтобы спасти сотрудников от линчевания. При усмирении хулиганов было произведено 117 выстрелов.

Масштабы побоищ становились всё грандиознее, и слухи о том, что в Магнитогорске власть в городе перешла в руки хулиганов, вскоре дошли до Москвы. В ходе столичного расследования силами ЦК ВЛКСМ и Прокуратуры СССР было выяснено, что город буквально оккупирован хулиганами. С 1954 по 1956 г. число «хулиганских проявлений» увеличилось почти в два раза. Схожие явления наблюдались в Кемерово, Славянске, Горловке — в общем, в большинстве городов суровой промышленности.

Например, в январе тех же лет произошло побоище между милицией и хулиганами Новороссийска. Толпа из 1000 гопников забросала отделение милиции камнями, ворвалась внутрь и жестоко избила сотрудников, напала на здание Госбанка и, более того, войдя в раж, попыталась захватить почту. В город пришлось вводить армию. Количество жертв неизвестно. Подобные бои (правда, не собиравшие более ста человек) проходили даже в Ленинграде. Именно в этих боях и ковались поколения тех, чьи дети продолжат славное дело отцов в 90-х.

Но и в соседствующих с Магнитогорском регионах дела были не лучше, а порой даже хуже — наиболее людоедские формы хулиганство приняло, например, в Казани, где стала популярной такая забава как «пробеги», когда с целью устрашения города многочисленная толпа хулиганов устраивала по улице пробежки, избивая (а порой и убивая) каждого встречного. Впоследствии сформировавшаяся в Казани аномально жестокая уличная преступность получит название «казанский феномен», дикость которого пытались объяснить многие специалисты. Хоть хулиганизация в СССР и была широко представлена, но игра с подсаживанием на перо первого встречного была чем-то новым и необъяснимым. Если в том же Магнитогорске преступная деятельность гопоты

определялась жаждой наживы и сводилась к банальному гоп-стопу, то в Казани стала преобладать ничем не мотивированная жажда убийства. И да, эта особенность была лишена этнического окраса, потому как татарские боевики действовали бок о бок со славянскими, а если ориентироваться по фоткам тех лет — славянские даже преобладали. Вот как описывал один из таких «пробегов» один из очевидцев:

«Мы вернулись с "Зарницы" на территории танкового училища. Зашли в свою школу, пошли помыть руки. И вдруг видим — женщина забегает и мечется, спрашивает, откуда можно позвонить в скорую. Мы сказали, что телефон только в кабинете директора. Спросили, что случилось. Она сказала, что мужа (или мужчину, мы не совсем поняли) избили какие-то. У неё одежда была в крови. Она подбежала к крану ополоснуть руки и побежала звонить. А мы спокойно ушли домой, не предполагая, что на улице массовое убийство происходит. Вообще, тогда говорили, что танкодромовские ходят с досками, набитыми гвоздями, и бьют, кто навстречу попадётся. И ещё арматурой свиньи-копилки делают. В 79 году с собакой еле ноги унесли — подъехал ПАЗик и оттуда вышли подростки с арматурами и стали искать хоть кого, кто подвернётся и можно будет треснуть по голове, проломив отверстие в черепе. А ещё они 30 апреля искололи ножами и арматурами избили моих соседей, тоже подростков, которые мирно сидели во дворе с девчонками. Девчонок били арматурой. Все попали в больницы. Ножевые раны — у кого в живот, у кого в спину и ниже спины. И ведь сколько людей сейчас, уже повзрослевших, живут с этой болью, боясь даже своих страшных воспоминаний. Девчонок, просто проходящих мимо по улице, утаскивали на «субботники» в подвалы, в толпу гопников.... И никому дела не было. Гопницы душили их и убивали, чтобы отобрать модные тогда мохеровые шарфы. Все про эти ужасы молчат, будто и не было этого. А те гопники и гопницы среди нас... Солидные и нахальные...»

Первый набег произошёл в 1967 году. Тогда арские хулиганы напали на сельхозтехникум в селе Урняк. Подъехали на автобусе и избивали всех, кто попадался под руку. Известно (не из официальных данных, а по рассказам самой гопоты, официально же ничего этого не было), что в нападении принимали участие некие Витя «Пан» Панов и Хакс. Пан в начале 80-х был осуждён за убийство милиционера, после чего его в тюрьме забили насмерть (предположительно сами милиционеры в качестве мести). Хакс также в 80-х погиб, провалившись в открытый люк («подошли какие-то два кента, и ...»).

А началось всё так же, как и в Люберцах — с первой подпольной качалочки. Вернее, качалочка была потом, а сперва был завод «Теплоконтроль», для работы на котором в район привезли рабочих. До приезда рабочих это место уже было обжито уголовниками и рецидивистами — их здесь обустраивали жить после отсидки и «исправления». Очень мудрое решение советской власти — взять всех уголовников и разместить в одном районе. Чтобы они сбились в кучу. Мудрее ничего придумать просто невозможно. К недружелюбным уголовникам скоро привезли рабочих, которые также особой сентиментальностью не отличались, но всё-таки по воровским понятиям не жили. Так произошёл конфликт интересов и мировоззрений, а с ним и битва за место под солнцем. Поскольку гоповская кодла предпочитала жить в своём мире, не терпящем посторонних, разместившимся в районе рабочим был гарантирован тёплый приём. Дети рабочих в буквальном смысле боялись показываться на улице, ибо, невзирая на возраст, их били и грабили, — впрочем, как и всех остальных. И тогда они, сплотившись по социальному признаку, ушли в подвалы, но лишь для того, чтобы через годы вернуться и отомстить.

Чрезмерный прессинг местной антисоциальной гопотой сформировал в детях рабочих (которые, повторюсь, сами были те ещё персонажи) потребность в полном отрицалове воровского уклада жизни, а сами они стали их антиподами: если первые пили, как не в себя, курили и вели абсолютно маргинальный образ жизни, то вторые, наоборот, полностью отказались от спиртного и вредных привычек, провозгласив главной своей ценностью «здоровый образ жизни».

Однажды эти спортивно настроенные ребята из рабочего городка завода «Теплоконтороль» решили сделать спортивный зал в одном из подвалов 5-этажной хрущёвки. Подвалы этих хрущёвок были просто пустотой в фундаменте домов, где прокладывали трубы и канализацию, чтобы любой слесарь мог заменить или отремонтировать трубу. Подвалы были с земляным полом и очень низкими потолками, где человек мог пройти, только согнувшись пополам.

Но ребят это не остановило, и они убрали часть земли и стали углублять подвал, благодаря чему скоро в нём уже можно было стоять в полный рост. В этом месте появилась первая в СССР подпольная качалочка, несколько опередив Люберцы. Из утюгов и прочих металлических приспособлений сделали спортивный инвентарь, а помимо качалки стали практиковать в подвале ещё и занятия боксом. Это были первые шаги явления, которое впоследствии получит название «Казанский феномен».

Социалистический инкубатор гопоты. Часть 2

Создателями первой советской качалки в начале 60-х стали Сергей Антипов, некие братья Новиковы, некто Даньшин, Степнин и Жора Сауленко. Последний, невзирая на многочисленные судимости и почтенный возраст, жив и по сей день.

Антипов, являвшийся первоклассным боксёром, стал для рабочей молодёжи притягивающим центром и образцом для подражания, ведь он умел творить диво дивное: вырубать с одного удара — навык, значимость которого для уличных разборок трудно переоценить. По тем временам бокс для молодёжи из социальных низов являлся совершенно невиданным явлением, а вырубание одним ударом вовсе казалось волшебством. Так что к Антипову потянулись массы обиженной пролетарской молодёжи. Впрочем, принимали в подпольную качалочку не каждого, а лишь самых крепких — каждый новичок проходил обряд посвящения. Обряд был незамысловат, как и весь быт гопоты — тебя били в рыло. Если выстоял — значит наш! Милости прошу к нашему шалашу!

Сбившись в общность на почве интереса к спорту, уже очень скоро ребята окрепли мускулом да навыком ведения уличного боя, и вылезли из подвалов, чтобы показать местным уркам, кто теперь в доме настоящий хозяин; пред кем теперь надобно расступаться, подобно Красному морю перед жидами. На тот период сформировавшаяся группировка представляла собой нечто наподобие боевого комсомольского отряда, призванного навести порядок в районе и очистить его от АУЕшной нечисти (да-да, мы помним: «арестантский уклад един»), а её боевики воспринимались многими как Робин Гуды. Молодым спортсменам не составило большого труда разъебать в пух и прах всю окрестную нечисть. Так этот мир оповестила о своём существовании новая банда с несуразным названием «Тяп-ляп». Невзирая на то, что уже совсем скоро банда прославится в качестве самых главных беспредельщиков и отморозков СССР, и по сей день в тех краях можно встретить немало их поклонников. Чего, впрочем, нельзя сказать о жителях соседствующих районов.

По мере роста членов группировки стало ясно, что микрорайон «Теплоконтроля» стал маловат для такого количества бойцов, желающих применить навыки бокса на своих ровесниках из других концов Казани. И тогда Антип решил подчинить себе весь город. Со временем он подмял под себя молодёжь поселков Калиновка, Мирный, Горки, улиц Тукаевская, Павлюхина, Татарстан и других. К середине 70-х годов большая часть молодёжных групп Приволжского района Казани считалась филиалами «Тяп-Ляпа». Расширение границ происходило, как правило, через присоединение «авторитетных» дворовых компаний. По свидетельству специалистов, потребовалось всего 2-3 месяца, чтобы дворовая компания превратилась в криминальную шайку. Это включение происходило иногда «мирным» путём, но чаще в результате более или менее длительной «войны», когда улицы сходились «стенка на стенку».

Для того, чтобы хулиганы из других районов охотнее переходили под руководство «Тяп-ляпа», как раз и были придуманы «пробеги». «Тяп-ляповцы» врывались в кафе, в рестораны, в магазины, избивали прохожих средь бела дня. Милиция на всё это не реагировала ровным счётом никак. Может быть, потому, что в СССР преступности не было, а может быть... имела в этом свой интерес. По мере роста численности банды ребята быстро смекнули, что можно обкладывать данью граждан, обладавших нетрудовыми доходами. Да, в СССР с этим всё было как раз «тяп ляп», однако на безрыбье и рак рыба. Так появилась первая в СССР ОПГ. Группировка обложила данью всех, кто мог иметь нетрудовые доходы: директоров магазинов, рубщиков мяса на рынке, директоров и официантов кафе, разливальщиков пива, молока и кваса, приёмщиков стеклотары, официантов, фарцовщиков и спекулянтов на рынке, работников кладбищ и пр. Всё перечисленное — обычные виды мелкого предпринимательства, которое в нормальной ситуации государство развивает и собирает налоги. А СССР с феерическим

упрямством и тупостью всё это давил, способствуя созданию теневой экономики, а с ней и питательную среду для криминала.

Система очковтирательства, которая была сильна в то время, могла покрыть любое преступление, если это нужно было для радужного отчёта. И не только правоохранительных органов. Следователь В. Красов рассказывал, что трижды в неделю он бывал в одном высоком кабинете обкома партии. Однажды чуть не лишился своего поста, поскольку его версия не устраивала руководство республики. «У нас нет преступного мира», — говорил ему большой человек из Прокуратуры. Начальству было от чего волноваться: кому же хотелось прославиться на всю страну и лишиться поста? Вскоре вчерашние хулиганы смогли покупать и милиционеров — впрочем, предположительно, не только этим обусловлена удивительная слепота правоохранительных органов. Бытует мнение, будто бы милиция закрывала на всё глаза не только потому, что «преступности в СССР нет», и даже получала с «простых ребят» свою мзду, но и... активно прикармливала пацанов на пути их становления.

8 февраля 1976 года к ДК им. Урицкого подкатили три автобуса ПАЗ, до отказа набитые молодыми людьми. Около 20 человек остались на улице, а около 150 человек ворвались в зал, где проходили танцы. Началось кровавое побоище, «тяп-ляповцы» избивали всех, кто попадался под руку, невзирая на пол жертв. Кто-то пытался покинуть зал через окно, но на улице их ждали. Результат почти двухчасовой «акции»: десятки избитых и искалеченных людей, многие из которых остались инвалидами. После окончания «акции» бандиты спокойно погрузились в автобусы и уехали. По официальной версии, милиция к полю брани так и не добралась, что странно. Конечно же, всем известна вопиющая оперативность милиции («Да где же он? Как мусара: когда они нужны — их всегда нет!»), но чтоб не добраться за два часа?..

Но есть и неофициальная версия, и она ещё интереснее. Согласно ей, милиция таки приехала в тот момент, когда ребята, сделав своё дело, уже погружались в автобусы, и бросилась в погоню. Ну как в погоню... По рассказам очевидцев, милицейские машины просто поехали рядом с автобусами, и процесс сей напоминал больше сопровождение, чем погоню.

И вот так на протяжении десятилетия многочисленные группы молодёжи гоняли по городу на пазиках и всех пиздили, оставаясь совершенно незамеченными? Бытует мнение, что отдельные лидеры группировки были тесно связаны с КГБ, и на первых порах органы им покровительствовали, пока ребята не вышли из-под контроля. Когда у органов связаны руки в отношении какого-либо явления, они часто прибегают к помощи криминалитета, чтобы сделать всю грязную работу чужими руками и при этом не замарать мундир. С самого начала 50-х милиция сгоняла автобусы гопоты для разгона, предположим, диссидентов. Эту схему я подробно расписывал в статье про историю садистских стишков — в ДК проводится какой-нибудь съезд антисоветски настроенных писателей. Милиция не может их разогнать силой, чтобы не выглядеть в лице общественности (в особенности западной — в СССР-то всё скрывалось, а вот на Запад информация поступала с завидной оперативностью) карательным органом. Но это могут сделать гопники, которые под видом народного негодования западной скверной разнесут всё в пух и прах. Этот метод активно применяется и по сей день. Собственно, люберы взращивались под эти цели именно милицией, и именно по заказу милиции они получили своё первое боевое крещение на Пушкинской площади, когда, представившись возмущённым народом, жестоко избили протестующих диссидентов, и именно милиция им организовывала автобусы и всю логистику при передвижении.

«Тяп ляп» формировалось, по сути, по точно такому же принципу, как люберы, и цели у них были аналогичными — поддержание порядка, здоровый образ жизни и т. д. Но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. КГБ не мог не знать о формировании такого нового для СССР явления, ибо накаченная непьющая молодёжь слишком уж сильно в 70-е выделялась из толпы. В то время в целых районах царили сугубо гопнический быт и понятия, и поделать ничего с таким наплывом уголовной лагерщины милиция не могла просто физически. И тут из подвала вылезают патриотически настроенные граждане, которые ещё и своё пристрастие к качалкам

объясняют подготовкой к армейской дисциплине — ну просто образцы для подражания. И вот они своей целью обозначают наведение порядка в районе (что не под силу милиции ввиду разницы методологии) путём использования грубой физической силы. И буквально забивают под шконарь всю воровскую нечисть, да так, что она из под него даже пикнуть боится. Милиция, видя это, идёт к ним на контакт и заключает негласный договор: «мы закрываем глаза на все ваши косяки и разборки, но вы наводите на районе порядок и контролируете его поддержание методом грубого физического выбивания мозгов из уголовно-воровской пьяни». Насчёт Казани — это лишь предположение, но вот в Люберцах дело обстояло именно так, с той лишь разницей, что люберы помогали ментам зачищать не АУЕ, а неформалов с диссидентами.

Параллельно на этой почве происходило сращивание правоохранительных органов с взрослеющими хулиганами, и тогда менты их уже подписывали под свои акции во внутренних войнах или же просто помогали им вершить дела взамен на помощь, поддержку и разного рода услуги. Это вполне объясняет причины, по которым перед побоищами на танцплощадках милиция загадочным образом не видела рассекающие по городу автобусы с сотнями отмороженных боевиков, а после, вместо того, чтобы гнаться за ними, сопровождала их. Первые помогали вторым и покрывали их, а вторые — первым. Отличный симбиоз. Но взращённые КГБ бандиты, почувствовав силу и полнейшую безнаказанность, в конечном счёте выходили из-под контроля и уже начинали диктовать свои условия. Тот случай, когда уродливое дитя пожирает своего создателя. Так было и с люберами, которые, крепко встав на ноги, стали отстреливать взрастивших их ментов, так было и с «Тяп ляпом», когда степень их отмороженности достигла критических отметок откровенного маразма.

Но Казань была уникальна не только в этом. Непонятным образом случилось так, что в криминальном мире Казани, не взирая на её многонациональность, напрочь отсутствовали любые формы национализма. Как в таком котле удалось избежать данного порока является загадкой даже для меня. Более того, у местной гопоты попрекание национальностью считалось зашкваром, а три ключевые фигуры тяп-ляпа, с которых вся движуха и обрела путёвку в жизнь, были представлены сразу тремя национальностями: русский, еврей и татарин. Чего нельзя сказать о других многонациональных регионах страны, где криминогенная обстановка усложнялась ещё и за счёт межнациональных противоречий. Например, Улан Удэ.

Вот что об этом вспоминал участник группировок Улан Удэ Алдар Бадмаев:

«Моя мама, выпускница первого потока ВСТИ, вспоминала, что проживая в общежитии тогда ещё БСХИ на Гагарина, студенты часто становились жертвами разбойных нападений местной шишковской шпаны. Грабежи носили настолько массовый характер, что милиция не могла справиться с их потоком. Тогда власти пошли на крайние меры. Из студентов сформировали группы, которые с одним милиционером устраивали засады в опасных местах. Ловили всех местных молодых людей подряд, зная, что кто попало в таких местах в темноте не ходит. Если при них находили ножи или арматуру, то их этим же оружием наказывали и сдавали в милицию. Если оружия не было, то запугивали и отпускали восвояси.

Постепенно грабежи пошли на спад. Тем не менее, общая криминогенная ситуация сохранялась даже спустя десятилетие после этого. Это я уже хорошо знаю, поскольку мой отец работал в милиции в 60-70-ые годы.

Отдельную проблему составляли нападки на национальной почве. Ежедневно можно было нарваться на оскорбления на почве бытового шовинизма, как от взрослых, так и от детей. Это я уже помню с детского сада, когда одному из моих друзей приходилось порой с кулаками доказывать, что у него штаны не горят: помните, был такой стишок: «Бурят-бурят — штаны горят. Рубаха сохнет, сам он сдохнет!» — так вот, русские с самых малых лет травили их такими стишками.

Улица, которая была нашей средой обитания, были ареной постоянных столкновений между шайками молодёжи, живших по «понятиям» и обычными подростками. Поначалу, в Улан-Удэ всё происходило так же, как везде. Школьников

подкарауливала местная шпана, отбирала деньги. Порой школьников били, с нескрываемым удовольствием. Практически каждый, кто рос в 60-70-ые годы в Улан-Удэ, знает, как это было.

Отчасти виной была различие социальных групп, откуда происходили подростки. Как правило, шпана формировалась из детей рабочих, лиц с невысоким уровнем. Они видели в хорошо одетых ровесниках из центральных школ «выскочек» и стремились уравновесить положение силовыми методами. Блатная культура «синих» (АУЕ) с их противопоставлением Системе им вполне подходила.

Кто-то из подростков просто терпел насилие, кто-то вливался в «синие» банды. Но кое-кто упёрся и начал объединяться в подростковые союзы. Среди бурят, выходцев из села во втором поколении, был популярен спорт — борьба и бокс. Практически все мои ровесники тренировались, плюс ещё подпольное карате. Именно они, физически превосходившие многих сверстников, составили костяк будущих молодёжных группировок Улан-Удэ.

Крупные группировки могли вывести сотни бойцов. При этом отличие их от блатных заключалось в том, что помимо лучшей индивидуальной подготовки бойцов, вся группировка представляла собой некий орден, с чётким порядком и дисциплиной. Если «чавы» могли выставить на одно побоище 200-300 разнородных бойцов, то уже на другой день их ряды могли очень сильно поредеть — и вовсе не из-за ранений! У нас же пропуск по неуважительным причинам был просто невозможен.

Даже в сельской местности знали, что город поделен на зоны влияния и лучше не нарываться на неприятности.»

Непосредственно «Тяп-ляп» нашла свой финал 31 августа 1978 года, когда ребята учудили такой пробег, что милиция уже просто не могла закрывать глаза на происходящее. Разъярённая толпа гопников была замечена в направлении к району Новая Татарская Слобода. Почуяв неладное, милиция перегородила улицы автобусами. Не помогло — автобусы были сметены, милиция затоптана, а озверевшая толпа разлилась по улицам зловещим цунами, поглощая всё живое на своём пути. Были погибшие (например, отморозки до смерти забили 74-ленего ветерана войны), куда больше было раненых и покалеченных, впрочем, их стон не мог пробиться сквозь патриотичный шелест берёзовой листвы в отечественные радиоприёмники. Хотя нет, одна радиостанция всё-таки оказалась менее молчаливой — это был Голос Америки, который используя сей случай в анти-советских пропагандистских целях начал трубить во все трубы шокирующие сводки с боевых действий в Казани. Советской власти поплохело — раз знамя банды стали использовать империалисты для анти-советской пропаганды, стало быть банда-то… ой бля… антисоветская. Драки и грабежи прохожих «руководящая и направляющая сила всех трудящихся мира» КПСС ещё могла простить, но антисоветчину никогда. Для расследования произошедшего в Казани, была спешно сформирована специальная следственная бригада, которая отправилась в Казань.

Впрочем, и тогда милиция толком не смогла разгромить своих детей — в 78 году в рамках этого дела пару человек расстреляли, нескольких приговорили к пожизненному, нескольких к другим срокам заключения — всего 30 человек, но 95% членов группы остались на свободе и, очень быстро перегруппировавшись, создали куда более мощную структуру — «Хади Такташ». Чтобы иметь представление об упрямстве хулиганов, следует отметить, что фразу «Хади Такташ — весь город будет наш» можно было встретить на стенах и в подъездах даже чаще, чем слово «хуй». Именно они в 90-е станут главной причиной не знавшего аналогов расцвета бандитизма. И всё это уходит своими корнями в период расцвета социализма — в 60-е годы. По данным социологической лаборатории Казанского университета за 1988 год, в городе орудовало 96 группировок, объединяющих каждого пятого несовершеннолетнего. Разгромили! Да так, что к середине 80-х гопоте стало мало одной Казани. Заручившись поддержкой Набережночелнинских, Чебоксарских и Йошкар-олинских собратьев пацаны начали гонять на выезды в Москву. В советское время железнодорожные билеты были недорогие, парни надевали на себя

самую плохую одежду, чтобы вернуться назад уже в модных фирменных шмотках, которые они снимут с московских мажоров.

Вот как это описывал некий столичный Саша «Папа Ганс» Гусев:

«Мне не повезло, я живу рядом с тремя вокзалами. В течении нескольких лет район был оккупирован сначала люберами, затем казанскими. Любера оккупировали Новорязанскую, Курский, Казанские вокзалы, круглосуточную пельменную на Лубянке. Появлялись в Сокольниках и на Парке культуры, затем они ушли в криминал, оставшихся лохов потеснили Казань и прочая мордва. Они заняли все вокзалы, оккупировали общежитие Бабаевской фабрики на верхней Красносельской, Новорязанскую улицу. На Новорязанской улице оставляли на ночь троллейбусы, там ночевал всякий сброд, сначала любера, затем Казань. Оказаться ночью между троллейбусами и глухими стенами Новорязанской было смертельно опасно, один раз там серьёзно попал. Получил под дых и мне порезали нос, чудом убежал.

У меня друзья жили на Верхней Красносельской, так вот пока идёшь по Краске, встречаешься с тремя четырьмя бригадами, если любера качались и ходили группами около 10 человек и доёбывались в основном по неформальным причинам, то эти хоть и переняли их широкие штаны и свитера, заправленные в штаны, были обсосы. Но у них был упор на холодное оружие, мы носили с собой отвёртки, остальное отбирали менты, и на Красносельской во дворах были схроны с ножами, на случай стычек, которые возникали порой по несколько раз в день.»

Ему вторит один из бывших участников Такташа:

«Я ездил в 88-м году, там были с технаря пацаны, я уже с Хади Такташа ушёл. Там Зоргевский был Яшка, покойный уже, с Квартала были пацаны, это мы так солянкой, нас трое-четверо поехало. Приехали в Москву, в то время кафе «Метелица» на Арбате было, сейчас это фешенебельное заведение, тогда это кафешка обычная была, казанские там собирались. Собрались, посидели: “Айда пошли гулять туда”, я помню люберов искали все, отпиздить их хотели потому что по тем временам они Москву на уши ставили. Ну как так, мы казанские вроде, а тут какие-то любера, давай на них посмотрим что за любера ибанные. Нашли, подрались, погнали их, а потом нас милиция погнала, а потом в той же “Метелице” встретились. Бухали с люберами, был такой момент. В основном искали подростков более менее хорошо одетых, заходили за спину, оглушали, за шиворот тащили куда-нибудь во двор, избивали, раздевали. Весь интерес был отнять одежду, деньги, погулять и обратно в Казань уехать.»

Люберы же, вопреки устоявшемуся мнению о том, что появились в 80-х, появились гораздо раньше. Невзирая на схожий изначальный путь, люберы являли собой другую эволюционную ветвь преступного мира, за счёт чего и прославились. Я вам даже назову точное место появления первого в СССР любера: г. Люберцы, ул. Мира 7А. Именно там в 1968 году открылась первая в СССР качалочка, которая называлась «Атлетический центр». В этой «качалке», в отличие от большинства советских секций, не навязывали травмоопасную тяжёлую атлетику, а давали возможность заниматься развитием мускулатуры. Очень скоро окрестная гопота прослышала о том, что есть чудо-место, в котором при помощи нехитрых упражнений можно придать своему телу устрашительный вид, что имело не последнее значение в деморализации соперника во время уличных стрелок. Так «Атлетический центр» молниеносно стал блат-хатой всех окрестных гопарей, и криминального мира в целом. Если во всех городах (включая Казань) районы были поделены между хулиганствующими группировками, нещадно воюющими друг с другом не столько за барыш, сколько за хуй собачий, то в «Атлетическом центре» тусовалась вся люберецкая гопота, там они и перезнакомились, что привело к первой в СССР общегородской группировке хулиганов в 70-х.

Так, сошедшись на ниве спорта, люберецкие гопники перестали делить территорию и устраивать групповые драки. Всё это способствовало возникновению общей сущности —

«братва люберецкая». Пока их ровесники чинили разборки между районами (кстати, так же, как и футбольное фанатьё в Англии и во Франции), в Люберцах формировалась цельная группировка, контролирующая весь город, и это единство в кратчайшие сроки сделало люберецких наиболее значимой силой в мире уличного криминала. Россия и здесь пошла своим, особым путём: хулиганы не были привязаны к территории.

У любого скинхеда кровь стынет в жилах: они не были привязаны к территории — у них ничего не было. «Псы городских окраин, есть такая порода…»

Напомню, на дворе были 60-е и 70-е годы. Не 90-е, нет, 60-е, не перепутайте. Очень скоро эту мощь отметила и милиция, которая по достоинству оценила в люберах такую положительную для власти черту: тупые, безыдейные, т. е. легко подверженные квасному патриотизму. Да, хулиганят иногда, но для власти опасности не представляют — наоборот, могут приносить пользу. Так начался советский эксперимент по направлению молодёжной агрессии в выгодное для государства русло. Во-первых, пусть лучше качаются, чем пьют, во-вторых, им похуй, кому бить ёбла, так пусть бьют ёбла врагам советского строя. Во всяком случае, бытует мнение, что эта первая качалочка в СССР не просто так появилась, и как она могла функционировать аж с 60-х годов, когда советской властью каралась такая деятельность — тоже загадка. Тот факт, что люберы работали в одной связке с милицией, эти подозрения лишь усиливает.

Как полноценную государственную машину насилия, люберов милиция начала использовать предположительно с начала 80-х годов, во всяком случае, первое достоверно известное сотрудничество люберов и милиции датируется двадцатым апреля 1982 года, когда менты использовали боевиков для разгона одного из первых в СССР схода… неонацистов.

«Мы приехали на Пушкинскую, — позднее вспоминал один из “люберецких”. — Здесь к нам подошёл человек в штатском, как потом выяснилось, подполковник МВД, и сказал: “Сейчас здесь соберутся нацисты. Ребята, надо разогнать”. Нас было человек семьдесят, ну около ста, не больше. Мы за углом встали. Вот как он сказал: “Скорая помощь пройдёт — можете начинать. Пожарка пройдёт — разбегайтесь”».

Когда из-за угла выскочила толпа крепких парней в широких штанах, это произвело эффект шока. Нациков, а заодно и подвернувшихся под руку зевак, били кулаками, но со знанием дела. Милиция, стоявшая поодаль, не вмешивалась: было необходимо, чтобы и те и другие «наработали» на состав правонарушения. Когда же к площади подъехала пожарная машина, никто из дерущихся её не заметил, все были слишком увлечены процессом. Когда начались задержания, в милицию попали и те и другие. Другое дело, что парней в широких штанах вскоре отпустили, а вот побитых — нет.

«Как “Скорая помощь” прошла — мы и прыгнули. А пожарку никто уже не видел и не слышал. Кто-то закричал: “Красная машина, красная машина!” — какое там! У них арматура была. Дрались, пока менты всё не оцепили, потом винтили и в дуровоз кидали. А одному из наших сказали: “Так, ты стой у автобуса, своих отбирай”».

Спустя два дня в «Комсомольской правде» вышла статья о том, как трудящаяся молодёжь не допустила безобразий в центре Москвы. И хотя о том, что «трудящиеся» прибыли из Люберец, нигде не было сказано, 20 апреля 1982 года стало днём рождения неформального молодёжного движения — «люберов». Хотя старожилы движения уверяют, что на выезды гоняли на протяжении всех 70-х годов.

К приходу в наш мир люберов советская пресса готовила население заранее. Годом ранее в той же «Правде» было опубликовано до тошноты пафосное и до мерзости заказушное письмо от простой люберецкой молодёжи, которая возмущалась тем, куда мы катимся, и высказывала своё «нет» подражающим западу неформалам.

Но потом те же самые люберы, прикормленные властью и ментами, после краха СССР остались выброшенными на улицу, и, привыкшие к полной безнаказанности, почти сразу стали главным толчком формирования столичных бандформирований. На этот раз уже

не уличных, а самых что ни на есть настоящих. Таким образом, Советская власть поспособствовала формированию криминалитета не только путём замалчивания проблемы, но и своей непосредственной поддержкой и раскармливанием.

Нечто подобное можно сказать практически про любую ОПГ 90-х годов. Корни их зарождения бывают зарыты гораздо глубже, чем в 80-х. Возьмём к примеру культовую Бауманскую ОПГ, которая официально образовалась, якобы в 1988 году. Ничего подобного — в 1988 она просто вышла на свет, т. к. на свет вышли и цеховики. До этого рэкет постепенно развивался начиная с 60-х годов, но поскольку частный капитал был под запретом, обложенные данью не могли жаловаться, а лишь горестно расставались со своими денежками. Понятное дело, такая преступность ни в каких сводках не находила своего отражения. Вот что об этом писал знаменитый журналист, автор многих книг о криминале Фёдор Раззаков:

«В начале 70-х вся злачная жизнь главного города страны концентрировалась в центре, и для того чтобы контролировать эту часть мегаполиса, хватало сил одной группировки. Этой группировкой была "бауманская", и создавалась она ещё в 60-х под патронажем воров в законе (совместно с бригадами из Днепропетровска, Тбилиси и Киева "бауманцы" контролировали и окраины, в частности аэропорт "Внуково"). Сам я родился и вырос именно в Бауманском районе и хорошо помню разговоры старших пацанов о том, "как бауманские начистили рыло тем-то, обошли засаду там-то".

Большим подспорьем в деятельности этой группировки было то, что именно в Бауманском районе (на Большой Почтовой улице) в 60-е годы воздвигли дома для многодетных семей. Когда через несколько лет эти дети подросли, многие из них встали под знамёна бауманских, сразу увеличив численность группировки в разы. Если учитывать, что почти все эти ребята были записаны в секции борьбы или бокса (я сам около года ходил на классическую борьбу в церквушку недалеко от метро), то можно себе представить, какая серьёзная сила была у бауманских. Кстати, и знаменитая банда Геннадия Карькова (родился в 1930 году) по прозвищу Монгол имела свою штаб-квартиру именно на Большой Почтовой улице.

Банда Монгола появилась на свет в 1969 году, после того как Карьков, отсидев три года на зоне за кражу, приехал за лучшей долей в Москву (сам он был уроженцем Калужской области). Здесь он быстро сколотил банду из двадцати с лишним человек, костяк которой состоял из матерых рецидивистов. К примеру, один из бандитов, по прозвищу Косой, имел за плечами восемь судимостей, другой, Сиська — пять, Муха — четыре, Жора, Галка, Миха — по три.

Банда Монгола стала первым бандформированием, кто взял на вооружение теорию Черкаса — то есть промышляла рэкетом, да не простым: в жертвах у них ходили те, у кого рыльце было в пушку: цеховики, наркоторговцы, скупщики-барыги, жулики-бармены, валютчики и т. д.»

Таким образом стадия формирования и деятельности молодёжных криминальных группировок охватывает период 1986-1991 годов. Всё, что было до этого, называлось «шпана», всё что будет после этого периода, станет называться «бандиты». В этом и кроется вся разница.

Скинхеды — кто сказал скинхеды? Те любители ска и регги, что ли? Когда панк-рок уже вышел из моды (а мода меняется очень быстро), на «Горбушке» как раз появились альбомы Blitz, 4-Skins, The Last Resort и других. Английский изучали в школах, так что трудностей с переводом не возникало. Вот вам английский футбольный гимн:

He watches the other beasts
Quiet and dignified
Claws like flicknifes
He don't have to hide
Waiting until the time is right
Pouncing like a thief in the night

But they keep on coming through the jungle track
When they feel the power on the hour
Wish they had turned back
The air is fill with a mighty roar
They stand there as always as before
The warrior's strong, the warrior's proud
The warrior stands at the edge of the crowd
The warrior's brave, the warrior's cool
Even when he's got his back against the wall
He's the king of the jungle
They stand by each other like a brother
Like a lions pride
They won't turn away or stray
To the other side
Even though they're few and far between
They'll stand by you no matter where you've been

Вот перевод:

Он следит за другими зверями
Тихо и достойно
Когтей как складные ножи
Не скрывая
Ждёт, пока не придёт время
Нападая, как вор в ночи
Они продолжают идти по тропе джунглей
Когда чувствуют силу здесь и сейчас —
Хотелось бы, чтобы они повернули назад
Воздух наполнен могучим рёвом
Они стоят там как всегда, как прежде
Воин сильный, воин гордый
Он один на краю толпы
Бесстрашный воин
Даже когда он загнан спиной к стене
Он повелитель джунглей
Они стоят друг за друга, как братья
Как гордые львы
Они не отвернутся и не переметнутся
На другую сторону
Хотя их немного и они далеко друг от друга
Они будут рядом с вами, где бы вы ни были

Общего со всеми остальными у трад.скинхедов и панков было только то, что и они понимали: к середине 80-х годов Коммунистическая идея в СССР выродилась и сдохла. Партия провозглашала обветшалые, всем надоевшие лозунги, властью поддерживался стереотип поведения «Девчат» и «Весны на заречной улице». Гражданину предлагалось честно потрудиться на лесосеке или на заводе и тихо сдохнуть в почётной бедности.

70 лет коммунисты предлагали «потерпеть ради Светлого Будущего», а Светлое Будущее всё никак не наступало. Даже простое благосостояние советских граждан год от года не улучшалось, а Великий Идеал странным образом отдалялся. Терпеть и ожидать становилось нечего и не для чего.

До идеи капиталистического «успеха» и потреблядства никто из них не дошёл ввиду отсутствия у них самих таких идей. И уже скоро, как только Путин закрутил гайки, — все субкультуры были обречены на забвение.

Трудятся небось на заводах где-то...

Звериный оскал социализма

Сколь велик был СССР, столь значителен был и культурно-ментальный разрыв между людьми, населяющими его разные концы. Пока в Москве и Ленинграде выпускники хвалёных советских вузов грезили космическими полётами на край вселенной; пока блажная столичная интеллигенция была озабочена поиском ответов на философские вопросы о смысле жизни, пока панки слушали Oi! и футбольные гимны, пролетарская молодёжь была озабочена более жизненными вопросами: каким районом обозначить свою принадлежность, чтобы не получить от ночных хулиганов перо под ребро?

Массовые побоища, зачастую превышающие тысячу человек; ожесточённые драки с милицией и погромы; культ лагерно-воровской культуры — далеко не полный перечень язв, нещадно изъедающих рабочие городки Советского Союза. Курган, Кемерово, Челябинск, Улан-Удэ, Магнитогорск, Челябинск, Казань, Новороссийск, Донбасс, Люберцы едва ли можно назвать регионами, в быт 50-70-х годов которых нашлось бы много желающих перенестись при создании машины времени. Откуда был самый известный киллер 90-х Александр Солоник? С Кургана? И отчего я этому не удивлён? Советская власть собственноручно взрастила сия уродливое дитя — она не оставила ему ни единого шанса вырасти иным. Она покрывала, закрывала глаза, потворствовала, иногда откровенно способствовала. Ведь всем известно, что в СССР всё было хорошо!

А поскольку в СССР всё было хорошо, то и никакой работы с трудной пролетарской молодёжью вести не было надобности. Это при том, что в таких краях в 50-70-е годы к трудным относился, без преувеличения, каждый второй подросток.

Подготовка социальных работников и педагогов, специализирующихся на работе с трудными подростками? Оздоровление условий их семейного воспитания? Усиление роли медико-психологической поддержки отклоняющегося поведения подростков? Строгое разграничение воспитательной и профилактической компетенции между государственными социальными службами и правоохранительными органами?

Зачем это всё, если в СССР всё было хорошо, а преступности не было как социального явления! А в тех «редких» случаях, когда всё же было плохо, у советской власти имелась своя методология профилактики детской озлобленности: подвал и ледяная струя из шланга. Во всяком случае, именно так воспитывали в СССР детдомовцев. Впервые про этот метод я узнал в прошлом году, когда не менее увлечённо интересовался аналогичной историей в Германии. А если точнее — реваншистскими настроениями ультраправых после объединения двух Германий. Следует ли удивляться тому, что молодёжь из части Германии, оккупированной СССР, была в разы злее и агрессивнее своих сверстников из западной части? Когда я читал биографию одного из самых известных нацистских убийц Германии 90-х, я обратил внимание на такой момент: он рос на оккупированной СССР территории без родителей — детдомовец. В детском доме из-за малейшей провинности его на ночь запирали в тёмный подвал, в котором периодически поливали ледяной водой из шланга. Странно, чего это он таким озлобленным на весь мир вырос, и ещё страннее — почему это в западной Германии таких детдомовцев не было? Может быть, причина в различиях воспитательного метода у коммунистов и либералов? Да нет, чушь какая!

А спустя буквально месяц у Дудя вышло интервью с Бардашом, которое сугубо для меня было несколько ценно, т. к. Бардаш, во-первых, патентованный гопарь, редкий кадр, дошедший до наших дней практически без эволюционных изменений, во-вторых, детдомовец, и наконец в третьих, выходец из одного из самых криминальных регионов СССР — с Восточной Украины. И каково же было моё удивление, когда, рассказывая о своей бытности в детдоме, Бардаш слово в слово повторил биографию того немецкого нациста: так же в подвал на ночь, так же шланги с ледяной водой и т. д. И подобное совпадение очень явственно говорит о том, что данный акт экзекуции в СССР был скорее системой, чем исключением. Такой вот, блять, Макаренко. Совок — он везде совок, будь то Германия или Россия. Детский дом и сегодня не самое из приятных заведений, но в те годы это было воплощение самых жутких ночных кошмаров, которые только можно было

представить. Ребёнок, переживший советский детский дом, не боялся, что к нему ночью придёт Фредди Крюгер. Советские воспитатели в детских домах — вот что было страшно; вот про кого этим холеным американкашкам следовало снимать фильмы, чтоб пугать своих детишек.

В Советское время беспризорность носила характер настоящей пандемии, и именно советский детский дом был одним из основных поставщиков кадров для уличных банд — специфическая методология воспитания способствовала.

Вот как своё счастливое детство в советском детском доме вспоминает нынешний уполномоченный по правам ребёнка во Владимирской области Геннадий Прохорычев:

«Внутренняя социальная структура таких учреждений — конечно, не всех — строилась по модели отношений преступного мира и в соответствии с зоновскими правилами поведения. Вопросы дисциплины в детском доме отдавались на откуп взрослым, что поддерживало дедовщину и насилие старших над младшими. Были и такие случаи, когда воспитатели избивали детей, считали это правильным и необходимым воспитательным моментом.

Приведу примеры из своего детства. В дошкольном детском доме с детьми от 3 до 7 лет за любую провинность воспитанников клали на перекладину кровати и били палкой. Голыми ставили в угол на соль или гречку. Наказывали едой. Кололи руки иглой тем детям, у которых номера на одеялах отрывались. Как на зоне, у меня был номер 73, а у моего брата-близнеца — 89. Номера часто отрывались. Поэтому упомянутые экзекуции мы испытывали на себе не раз.

Но самый бесчеловечный "воспитательный" приём назывался "профилактическим мероприятием" для тех, кто плохо себя вёл. Выбирался ребёнок, которого заставляли мазать лица других детей отходами человеческой жизнедеятельности.

Перед приездом какой-либо комиссии нас раздевали догола, осматривали на предмет синяков, чтоб мы — не дай Бог! — не сказали, что это вызвано действиями воспитателей. Когда ребёнок не знает других методов воспитания, и у него нет опыта отношений любви и добра, он считает, что так и устроен мир, что это норма поведения взрослых людей. Мы, дети, привыкли к насилию со стороны взрослых, считая, что так и должно быть. И эта подмена, происходящая в сломанном сознании ребёнка, — её во взрослой жизни уже не исправить.»

Ну что тут можно сказать, кроме как «спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»? Кто-то может усомниться в правдоподобности экзекуций вроде обмазывания фекалиями, но это будет говорить лишь о его грубой недооценке воспитательной советской школы. На деле же, если вникать в архивные данные, то читатель к своему ужасу может обнаружить, что данный метод — один из наиболее безобидных из практикующихся в те времена в тех местах. Кто-кто, а садисты советских воспитательных учреждений знали толк в извращениях, а потому пытки физические весьма изощрённо чередовали с пытками психологическими.

По сути, советский детский дом являл собой узаконенную пыточную, где дети воспитывались в атмосфере исключительно садистически-извращенческой жестокости. Особенно зловещей эта история выглядит в свете того, что беспризорность в СССР носила характер национальной катастрофы: после гражданской войны — это 6 млн. чел; после Второй мировой за 1947–1948 годы через приёмники-распределители прошло около полумиллиона детей и подростков. И это лишь РСФСР. В 1950 году в детдомах находилось 637 тысяч детей. Очковтирательская советская система прославляла педагогику Макаренко, однако это было не более чем типичное потрясывание пиписькой перед Западом — педагогика Макаренко ограничивалась лишь красивыми строками в заумных книжках. В реальности же малограмотное население СССР на пару с ответственными органами срало на этого Макаренко дуэтом с обильностью пациентов кишечно-инфекционного отделения Боткинской больницы. В СССР сложилась такая система воспитания, что живые дети, имевшие несчастье оказаться в детдоме, завидовали мёртвым. Известен даже один примечательный инцидент, когда в начале 1949 года

охрана задержала у Кремля троих детей, которые бежали из подмосковного детдома «просить защиты у товарища Сталина». Они жаловались на то, что воспитатели в качестве наказания избивают их, морят голодом, сажают в карцер, обливают ледяной водой, привязывают к кроватям и даже насилуют. Ох уж этот Макаренко-затейник!

Обо всём этом власти были осведомлены, регулярно получая с мест жалобы и проводя проверки. И, конечно же, пытались бороться. И, конечно же, совершенно неэффективно. В 1959 году слухи об ужасах быта в детских домах дошли аж до Ворошилова, после чего по стране прокатилась инициированная им серия проверок детских домов. Результаты их оказались настолько шокирующими, что итоговым докладам был присвоен гриф «Секретно».

ЦК ВЛКСМ вместе с Министерством просвещения РСФСР провели проверку работы детских домов в Якутской Республике, — сообщал секретарь ЦК комсомола Сергей Павлов. — В Хаптагайском санаторном детдоме воспитывалось 58 детей с ослабленным здоровьем. Детдом находится в антисанитарном состоянии. Одежда детей рваная, грязная. Тела покрыты ранками, коркой грязи, ибо длительное время дети не мылись в бане. Воспитатели Дегтярёв, Протодьяконова, Аникина-Суханова, фельдшер Неустроева зверски обращались с воспитанниками, били детей за отказ принести дрова в квартиры воспитателей, подмести пол; ударяли детей головой об стену, выворачивали руки, поднимали за уши, били палками, поленом и ремнями. Покровская вызывала к себе в комнату воспитанниц и, схватив за голову, ударяла об стену, а зимой в 50–60-градусный мороз без рукавиц и головного убора выгоняла на улицу. Всё это делалось с ведома директора детского дома т. Егорова, кстати сказать, награждённого значком «Отличник народного просвещения.

Но это было ещё не всё. Как сообщал Павлов, председателем детского совета воспитатели назначили 18-летнего парня, которому в качестве «смотрящего» позволили делать, что вздумается. Он тут же начал открыто курить, пить, а женское отделение превратил в свой гарем. Впоследствии судмедэкспертиза выявила факт изнасилования 12 девочек, в том числе двух 10-летних. Пикантнее всего то, что до комиссии из Москвы детдом 12 раз проверяли местные чиновники, но никаких нарушений не нашли.

Похожую картину происходящего в детдомах Удмуртской АССР описывал в своём сообщении в Бюро ЦК и секретарь ВЛКСМ Владимир Семичастный:

«Детдома переуплотнены, большинство размещено в неприспособленных помещениях. Областновский детский дом размещён в деревянных барачного типа зданиях, в которых раньше был лагерь для военнопленных. Очень плохо организовано питание детей. Только в 1958 году недодано несколько десятков тонн масла, мяса, рыбы, фруктов, овощей. Так, 110 воспитанников Большеучинского детского дома более 6 месяцев не получали сливочного масла. К работе воспитателями привлекаются случайные люди. В Николо-Сюгинском детском доме работает воспитателем Павлов, в прошлом отбывший наказание за покушение на убийство. Воспитательная работа запущена. В некоторых детдомах, особенно тех, которые расположены в зданиях бывшей этапной тюрьмы и лагеря для военнопленных, широкое распространение получила игра “Татьяна пьяна”…».

Вся еда воровалась, а дети находились на грани истощения. Как вы помните, в СССР было проблемно с коммерческими преступлениями, но где наша не пропадала? Поэтому местным руководителям воспитатели детских домов давали взятки прямо украденной у детей едой:

«В Томской области в январе с. г. привлечён к уголовной ответственности директор Зырянского детдома Игнатов и другие, всего 4 человека. Преступники расхищали мануфактуру, обувь, носильные вещи, постельные принадлежности, которые списывали, как изношенные. Всего ими расхищено государственных средств на сумму 148 тысяч рублей. Врачебная комиссия установила, что питание детей в этом детском доме было организовано плохо, вследствие чего оказалось истощённых

детей 31 человек. Следствием установлено, что Зырянский детский дом в июле 1950 года проверялся заведующим сектором Томского Обл. ОНО — Юнак, который никаких злоупотреблений не вскрыл, так как в момент ревизии получил от Игнатова взятку: 80 килограммов продуктов (сахар, мёд, крупу, муку), носильные вещи и комплект постельного белья.»

Таким образом, советский детский дом являл собой ни что иное, как узаконенные концлагеря для детей, при покидании которых у ребёнка был только один путь, и вы уже догадались, какой. В Ленинграде и Москве этих детей, как правило, не было, их по вступлению во взрослую жизнь отправляли с глаз долой и из сердца вон для работ во все эти Магнитогорски с Горловками. И не только их. В тех же 50-х эти повзрослевшие дети встретились с другими повзрослевшими детьми, образовав с ними неплохой симбиоз. А встречались они с детьми рабочих-переселенцев на строительстве светлого будущего.

Изменение политической обстановки и прежде всего прекращение массовых репрессий с сокращением объёмов принудительного труда, на чем, по существу, держалась советская экономика, создали огромную прореху в трудовом балансе страны, истощённой к тому же многомиллионными военными потерями. Как выйти из этого положения? Думали, думали и придумали: нужно по комсомольским путёвкам набрать молодую рабочую силу и направить её на целину и индустриальные стройки промышленных регионов, добавив к ним строительные батальоны Советской армии и лиц, мобилизованных через военкоматы для работы в промышленности.

Уже в таком наборе крылась большая опасность, ведь напряжённость ситуации определялась, прежде всего, миграционными потоками молодёжи, вырванной из привычной среды обитания и вышедшей из-под обычного контроля семьи и локальных обществ. Там они встречались с описанными выше сиротами, из которых советская власть своими «Макаренковскими» методами взрастила психопатов, и местными урками, — и начиналось всё то, что было описано в прошлой части. Именно так и сформировался описанный в прошлой части «Казанский феномен», по жестокости и отмороженности не знавший на тот момент аналогов.

При этом всё, что получили переселенцы взамен за труд, — отсутствие элементарных удобств, а зачастую даже крыши над головой, нормальных условий труда, низкую, почти никакую заработную плату и, наконец, пустое, ничем не занятое свободное время. Ещё раз: свободное время! Там не было никакого досуга, да и в библиотеки эти люди не ходили… Телевизоров с компуктерами ещё не существовало (вернее телики были, но массово стали появляться только в 70-х), а статьи, публикуемые в газетах, годились разве что на подтирание жопы. Чем им заниматься в это самое свободное время, догадаетесь? Глубокая неудовлетворённость находила выход и во внутренних конфликтах, сильно разлагающих группы, а также в межгрупповых столкновениях, когда выплёскивалась накопившаяся агрессивность. В качестве наглядной кульминации «мудрых» решений страны победивших советов явились события в Темиртау в 1959 году.

Туда на строительство Карагандинского металлургического завода из разных республик СССР прибыли тысячи единиц молодёжи в возрасте 18-20 лет. Но и здесь не было ни достаточного числа палаток, ни элементарных удобств, не было не только белья, рабочей одежды, но и питьевой воды; отвратительно работала столовая; негде было помыться и постирать. И вдобавок, опять-таки, не был подготовлен фронт работ для такого количества рабочих рук, рабочие вынужденно бездельничали, а зарплата в результате оказывалась значительно ниже прожиточного минимума.

А ещё в Темиртау прибыла значительная часть бывших сирот и заключённых… Как вам такая взрывоопасная смесь? Уже очень скоро это всё вылилось в знаменитое многодневное побоище с кучей трупов и привлечением армии. Печальный быт удачно накладывался на печальное прошлое многих переселенцев, что неминуемо создавало крупнейшие очаги криминалитета. И этот быт был слишком уж незамысловат.

В убогой палатке переселенцу предстояло жить и зимой и летом. Говорят, зимой такие поселенцы дохли, как мухи, от холода. Кто-то ещё удивлён, что такие города были беспросветной криминальной ямой? Кстати, милиция жила в аналогичных условиях, но

об этом ниже. А если вам интересна дальнейшая судьба этого обыкновенного рабочего, то я вас расстрою — она была недолгой, как жизнь беспристрастного суда в России. В общем, додумайте уж сами.

В условиях полной изоляции от внешнего мира люди пропитывались атмосферой ненависти и уголовных понятий, заводили детей, которые впитывали всё это, подобно губкам, а потом разъезжались по всей стране, даруя миру новую правду — новую веру! Именно они и есть те корни 50-70-х годов, которые взойдут лихими разбойными плодами в 80-е и 90-е. В СССР всё было просто прекрасно в городах-витринах типа Ленинграда и Москвы, в целом всё относительно хорошо было и в промышленных центрах вроде Донецка с Луганском (у меня есть друзья оттуда), но вот то, что было по окраинам, не поддавалось никакому осмыслению. Во всяком случае, если смотреть из дня сегодняшнего.

В центрах милиции удавалось поддерживать относительное спокойствие — во-первых, в центрах селили тех, кто получше (инженеров, например), во-вторых, у милиции был негласный договор с гопотой, который мы в прошлый раз рассматривали на примере размена территории в Магнитогорске. Мелкие города были полностью под контролем банд.

В долгосрочной перспективе наиболее депрессивными в этом плане стали мелкие города Донецкой и, в особенности, Луганской области. Странным образом это все те города, о которых все мы наслышаны в связи с российско-украинским военным конфликтом наших дней: Макеевка, Иловайск, Горловка, Славянск, Ясиноватая и т. д. Именно в этих городах, согласно статистике, вплоть до войны 2014 года сохранялся самый низкий уровень жизни населения, и именно они из всех славянских регионов бывшего СССР были лидерами по количеству преступлений, убийств, потреблению алкоголя и наркотиков. Если всякие Кемерово и Курганы хоть как-то смогли подтянуться к цивилизации за счёт роста цен на нефть, то эти города были в составе Украины, а стало быть, их судьба была предначертана. Практически каждый, кто что-то умел, мог и хотел, уехал — кто в Донецк, кто в Киев, кто в Ростов, кто в Москву, кто ещё куда. Остались преимущественно те, с кем после наступления сумерек лучше не встречаться — именно они до 2014 года обеспечивали этим городам железное первое место в рейтинге самых криминальных дыр. Так что мало удивительного в том, что там с такой лёгкостью удалось разжечь войну, которая за 8 лет переросла в общевойсковую. Абсолютное большинство историй про сажания на подвал, стрельбу по своим в день выплаты довольствия (такие случаи, хоть и не часто, но имели место во время военных действий), массовый выпил полевых командиров (в т. ч. и в ходе передела сфер влияния) — это всё вот эти городки. Не Донецк, а вот они самые.

Корни всего этого лежат всё в той же Сталинской эпохе, всё в том же заселении хуй пойми кем и попустительстве беспредела в советские времена. Но, что интересно — как бы жутко там ни было в постсоветский период, а в советские времена там было ещё хуже.

Ещё при Сталине в той же Макеевке было столь невыносимо существовать, что верхушка города слала в Кремль слёзные телеграммы — это, к слову, нонсенс. Как мы видели на описанном в прошлой части примере Магнитогорска и Казани, обычно партийное руководство всё тщательно скрывало, дабы не лишиться хлебного местечка. А о разгуле криминалитета в Кремле узнавали либо случайно, либо из «Голоса Америки», как это было с Казанью. А здесь прямо сами катают депешу, дескать, не способны справиться — значит всё совсем уж плохо. В итоге первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин самолично добился приезда в Макеевку авторитетной комиссии из Москвы — нонсенс по тем временам. Правда, заботился он не столько о жителях города, сколько о комсомольцах, которые становились жертвами преступлений со всё возрастающей частотой. О результатах работы комиссии заместитель начальника Главного управления милиции Овчинников 2 февраля 1953 года доложил в ЦК КПСС.

Обратите внимание на то, что это ещё при жизни хвалёного Сталина, ни о каком вырождении совка даже ещё не приходится говорить! Также в докладе говорится о поглотившей весь город масштабной коррупции, которой, как вы помните, при Сталине также не существовало.

«Данные о наличии большой преступности в Макеевке полностью соответствуют действительности. Преступность в Макеевке хотя и уменьшилась в 1952 году, но продолжает оставаться исключительно большой. За 11 месяцев 1951 года было зарегистрировано 873 преступления, за тот же период 1952 года — 698 (меньше на 175 преступлений). Преступления раскрывались милицией плохо.

Органы милиции гор. Макеевки работают много, но самотёком, аппарат их организован исключительно плохо. Милиция лишь регистрировала совершаемые преступления и очень плохо их раскрывала. Оперативной работы по выявлению рецидивистов-преступников, которые играют организаторскую роль во всей преступности, или хотя бы какого-то подобия правильной системы работы, на базе которой должно обеспечиваться предупреждение преступлений, не велось. Начальники отделений милиции лично сами слабо помогали оперативным работникам в разработке мероприятий по своевременному разоблачению преступников… Личный состав милиции как следует не воспитывался и не контролировался. В течение 11 месяцев 1952 года работниками милиции было допущено 63 серьёзных аморальных проступка.

На стройках, в ОРСах предприятий, в торговых, снабженческо-сбытовых и заготовительных организациях имеют место крупные хищения и растраты, между тем за 11 месяцев 1952 года по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР милицией было возбуждено всего лишь 11 дел на 28 человек. Она не выявляла и не предупреждала хищений и растрат, а только фиксировала их, когда они выявлялись ведомственными ревизионными органами…

Недопустимо плохо осуществлялся административный надзор за исполнением обязательных решений Исполкомов Советов депутатов трудящихся… Большинство работников милиции, в том числе и начальники отделений, не знали административных законов. В этом деле, особенно в части надзора за поддержанием общественного порядка, благоустройства и санитарии, милиция проявляла прямое бездействие власти.»

Список выявленных недостатков в докладе был огромен, но комиссия Главного управления милиции объясняла, что высокий уровень преступности объясняется и объективными причинами:

«Считаю необходимым доложить особо, что обстановка для работы милиции в Макеевке тяжёлая. Город с его посёлками разбросан на территории свыше 490 кв. км. В связи с большой промышленностью и строительством численность населения в городе быстро увеличивается и в настоящее время достигла более 405 тыс. человек. Местность нережимная, поэтому в город прибывает много уголовных преступников после отбытия наказания в тюрьмах и лагерях, в том числе бандитов, грабителей, рецидивистов-воров и других. Только за последние два с половиной года прибыло таких лиц свыше 6400 человек. Вокруг Макеевки образовалось множество самовольных построек, так называемых “Нахаловок”, которые нередко служат убежищами для уголовного элемента и беглых преступников.

Штат милиции состоит из 407 человек, в городе 10 отделений милиции, транспорта у милиции только одна автомашина, аппарат работает постоянно с большим некомплектом, не хватает оперативных работников. На 20 декабря некомплект составляет 36 единиц, главным образом рядовых милиционеров. Милиция испытывает тяжёлое положение с жильём. В настоящее время не имеет квартир 70 работников. Многие из них ютятся в землянках или нанимают комнаты и углы у частников, оплачивая за них по 100-200 рублей в месяц. Комплектование милиции грамотными людьми крайне затруднено… Значительная часть вновь принятых из числа демобилизованных солдат или завозимых из сельской местности вскоре же всяческими путями стремится уйти из милиции, мотивируя низкой заработной платой и необеспеченностью жильём. Текучесть кадров милиции беспрерывна. За 11

месяцев 1952 года принято было 75 человек и уволено — 76. До 30 работников не соответствуют своему назначению и подлежат немедленной замене.

При такой обстановке Макеевской милиции нужна радикальная помощь со стороны центра. Без этой помощи милиция и в дальнейшем может иметь в работе большие прорывы.»

Обратите внимание на то, что Овчинников пишет про проблему с грамотными людьми — это не в переносном смысле. Как мы выяснили в серии статей про хвалёное образование в СССР, немалый процент обитателей подобных мест умел читать и писать весьма условно, этим в т. ч. объясняется и указанное им незнание милицией самых базовых законов и нормативов. И всё же главная причина высокой преступности и плохой работы милиции в Макеевке была той же, что и по всей стране. Овчинников писал:

«Вследствие слабой культурно-воспитательной работы среди молодых рабочих, особенно в "Макеевстрое" и "Ясиноватстрое", а также из-за недостатков в организации их труда и быта многие из них самовольно уходят с производства, а затем привлекаются к уголовной ответственности. Органы милиции Макеевки до крайности перегружены работой по розыску самовольно оставивших производство и нередко вынуждены бросать на это все свои силы, в ущерб работе по охране общественной безопасности и борьбе с преступностью. В течение 11 месяцев 1952 года сбежало с предприятий Макеевки 3 079 человек, из них 1 981 человек милицией было разыскано, но взамен их в декабре поступили материалы о розыске новых 369 человек. На 20 декабря 1952 года скопилось в розыске 897 человек, сбежавших с производства.»

Вот оно — Светлое Прошлое, которое разгребаем и по сей день. Одна полицейская машина на многотысячный криминальный анклав. Воистину впечатляет сталинское развитие, рывок и изобилие. Следует ли удивляться тому, что на протяжении всей своей истории СССР с таким развитием был европейским лидером по количеству убийств, идя в ногу с США и уступая лишь странам Африки и Латинской Америки?

Даже в самые благоприятные годы при Брежневе и Хрущёве уровень советской преступности был выше общемирового уровня и намного превосходил таковой в Европе, как Западной, так и Восточной. Советское общество оставалось одним из самых криминальных в мире на протяжении всей своей истории — СССР был среди лидеров по кражам, разбоям и убийствам. В этом легко убедиться, сравнив данные по разным видам преступлений. К сожалению, в разных государствах под словом «преступление» понимаются разные вещи. Уголовные кодексы, точность криминальной статистки также везде разные. Поэтому я сосредоточусь в этот раз на наиболее однозначном виде преступлений: на убийствах, хотя и здесь есть разночтения. За 70 лет развития Советского государства КПСС вывела новый сорт людей — «строителей коммунистического общества». Даже в лучшие годы СССР — 60-е и 70-е — «строители» умудрялись отправлять на тот свет по 26-30 тысяч человек в год других «строителей». В США в 1970 году количество убийств составляло 7,9 чел. на 100 000 населения. В РСФСР… сейчас посмотрим…

Ого, ровно столько же — 7,9 чел на 100 000 населения. К сожалению, по остальным странам статистику по убийствам в то же время найти затруднительно, поэтому сдвинемся к 1976 году, в котором статистика приобрела более отчётливые формы. РСФСР — 8,9; США — 8,8; Финляндия — 3,3; Канада — 2,4; Австралия — 2,0; Австрия — 2,0; Япония — 1,8; Германия — 1,3; Франция — 0,9; Нидерланды — 0,8; Дания — 0,7; и наконец, Норвегия — 0,7.

Как же это так получается? В Советской социалистической России убийств ровно столько же, сколько в Америке с её звериным оскалом капитализма? И в разы больше, чем в любой из европейских стран? Вопрос: а точно у капитализма оскал звериный, а не у социализма?.. А то в последние годы очень уж много мы узнали о современной Америке.

Но ведь по логике вещей, при капитализме убийств должно быть больше. Во-первых, при капитализме есть что делить, так что он является питательной средой для убийств на коммерческой почве (отстрел конкурентов и т. д.) и формирования мафиозных структур со свойственным им крышеванием (а с ним и убийствами не желающих платить) и т. д. и т. п. Именно этим в первую очередь обусловлен всплеск убийств в России в 90-е: появилось что делить. А вот в СССР с этим были большие проблемы, именно поэтому, как мы выяснили в прошлой части, там было так распространено уличное хулиганство с гоп-стопом: отсутствие практического смысла в организованной преступности, когда по-крупному отнимать нечего и не у кого, — способствовало широкому разгулу низового уличного криминала.

Таким образом, в стране, где нет частной собственности, и вся она сосредоточена в руках государства, по логике вещей, действительно уровень убийств должен быть ниже, чем в стране с частной собственностью — ведь вылетают формы высокоорганизованной преступности, сражающейся за большие капиталы. Но при этом СССР на протяжении всей своей истории по количеству убийств в разы опережал Европу и шёл вровень с США. И это, дорогие друзья, надо очень постараться, чтоб силами одной бытовухи и уличного хулиганства переплюнуть страны, в которых помимо этого развиты ещё и типично капиталистические виды преступлений, сопряжённые с убийством.

Итак, в стране, не знавшей никаких бед и напастей, доминировало два вида убийств: во время уличного гоп-стопа (это мы разбирали в прошлой части) и по бытовухе. Как первый, так и второй часто подпитываются состоянием алкогольного опьянения. Кстати, в СССР был спад убийств в период 85-88-х годов, похоже, что из-за «Сухого закона». Пить стали меньше — и это сработало.

Таким образом, получается, что в период правления ненавистного всеми совками Горбачёва был наименьший уровень убийств за всю историю СССР. Ниже станет уже только в наши дни при… эмм… Владимире Владимировиче Путине. По данным 2018 года количество убийств в России составило 5,8 чел. на 100 000 населения. Это по-прежнему очень много, особенно если учесть, что общемировая преступность в целом снизилась: в Японии — 0,3; в Австрии — 0,6; в Норвегии — 0,5 и т. д. По данным МВД за 2019 год в России произошло 7 948 убийств, или же 5,4 на сто тысяч населения. В США — 5,0. То есть по сей день Россия остаётся одной из самых криминальных стран мира, уступая только странам Африки, Латинской Америки, и… канувшему в вальхаллу СССР.

То есть, даже невзирая на дикий путинский феодализм, отсутствие судебной системы и прочие издержки, вероятность быть убитым в сегодняшней России почти в два раза меньше, чем в лучшее советское время. Это я уже не говорю о том, что сегодня в десятки раз меньше вероятность погибнуть в железнодорожной, авиационной или судоходной катастрофе: техника уж не та. И сколь отвратительным вам ни казался бы сегодняшний Путинский режим, — он в десяток раз лучше, чем режим советской эпохи.

Быдло

Это статья известных современных культурологов А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко. Личности в её играх с социумом противостоит быдло, которое есть чистое воплощение глубинной сущности социума.

Личности следует хорошенько знать своего противника, чтобы не давать ему шанса одерживать верх. Авторы статьи во всей красе рисуют портрет этого весьма распространённого субъекта.

Этот материал посвящается одному на первый взгляд частному, но характерному явлению сегодняшней реальности. В самом широком смысле оно относится к сфере ценностей и выражает собой процессы культурной динамики. История свидетельствует, зарождение и утверждение новой субкультуры имеет собственную логику. Вначале новое качество выделяет себя из порождающего бульона. Люди нового мироощущения узнают друг друга по каким-то едва заметным деталям. Они объединяются вокруг общих потребностей, ценностей, стиля жизни. Новое утверждает себя как одна из культурных позиций, имеющих право на существование рядом с другими. Затем, если этой субкультуре принадлежит будущее — как доминирующая. Такова общая схема. На следующем этапе на пути к доминированию новое качество неизбежно натыкается на сакральные ценности и фетиши старого. Их переосмысление, а именно «переназывание» и перетолкование — часть утверждения нового. Выразительное слово «совок», вошедшее в русский язык в конце 80-х годов — пример подобного рода. Наш материал посвящён одному из эпизодов утверждения личностного сознания в современной России.

Есть слово, которое всё громче и отчётливее звучит в приватных беседах и оценках происходящего, изредка прорываясь на страницы печатных изданий. Пока оно не произнесено во весь голос, хотя потребность в этом ощущается всё острее, поскольку заменить его нечем. Попробуем сделать экскурс от слова к понятию, от понятия к пониманию без эмоций и истерик.

Итак, слово «быдло» пришло из польского языка — в значении рабочая скотина, — что, впрочем, для нас несущественно, поскольку значения слов далеко уходят от первоначальной этимологии. Так и в данном случае то, что в обыденном лексиконе понимается под словом быдло, и шире и глубже первоначального смысла.

Зададимся вопросом: почему, собственно говоря, это слово столь боязливо входит в нормативный оборот. Здесь мы сталкиваемся с малоосознанными запретами, адресованными к номинации мистифицированного и обоготворяемого народа. Быдло — руины, которые остаются после крушения мифологемы народа. Быдло — истинный дух народа, а потому слово это страшнее и недопустимее в произнесении, чем любая брань.

Для того чтобы осознать процессы, которые вызвали актуализацию старого и, казалось бы, давно забытого слова, необходимо выделить встающие за ним культурные смыслы. Что же имеется в виду под быдлом? Близкие понятия — хам, варвар, раб. То есть существо, лишённое индивидуального начала. В широком смысле — круг значений, связанных с толпой, охлосом, плебсом. Когда-то для выражения сходных сущностей было

хорошее слово — чернь. «Гнусный раб, оправдывающий своё рабство». Обрисуем портрет быдла.

Прежде всего, это существо коллективное в своих значимых проявлениях. Он энергично и целенаправленно уходит от ситуации выбора. Быдло жёстко привязывается к группе. Быдло — всегда часть некоторого «мы», при уничижительном отношении к «я». Своему и особенно чужому. Уничижительное отношение к чужому «я» — фундаментальная черта быдла. В этом отношении быдло — человек с крайне активной жизненной позицией. Не будучи в собственном смысле слова личностью, быдло крайне нетерпим и агрессивен к проявлениям личностного начала в другом. Исторически быдло восходит к общинно-родовому человеку, и естественной, непротиворечивой средой его обитания является замкнутое патриархальное общество. В окружении современности быдло чувствует себя крайне неуютно, и потому ведёт себя столь непримиримо и злобно.

Быдло отрицает личность во всех её проявлениях. И прежде всего такие черты, как свобода, собственность и достоинство. Прежде всего отрицается свобода. Такого понятия в сознании быдла просто не существует. Есть — дурь, блажь, своеволие, одним словом, опасное уклоняющееся поведение. Рабство, подъяремность, зависимость от социального абсолюта составляют существо миросозерцания быдла. Раб может вынести всё, кроме собственной свободы. Быдло не может отказаться от предписанных извне сценариев поведения. Выбор, предполагающий свободу и внутреннюю независимость — быдло отрицает.

Ещё одно, в высшей степени характерное свойство исследуемого нами явления может быть охарактеризовано как специфический, варварский по своей природе стиль общения. Здесь требуются пояснения. Любой зрелой культуре свойственно создавать особую буферную зону. Она формируется из норм этикета, стереотипов поведения, бытовых ритуалов. Такой буфер позволяет не тратить душевную энергию на бесконечные рутинные ситуации. Силы человека расходуются на решение нетривиальных задач, на сущностные процессы. У быдла сфера культурных стереотипов минимизирована. Отсюда болезненный, требующий массы сил стиль общения. Частые перескоки от агрессии к заискиванию. Не способность адекватно «прочитывать» конвенциональное поведение других людей. Скачки и варварская непосредственность в поведении быдла противостоят опосредованности психических реакций культурой, свойственной цивилизованному человеку.

Быдло — враг собственности. Для него существует своё кровное и ситуационно чужое. Границы между своим и чужим внешни и сиюминутны. Они изменяются при первой возможности. Как правило, быдлу свойственнен тот тип поведения, который в обыденном лексиконе определяется как «хитрожопость» — способность быстро найти кратчайшую дистанцию для достижения своих целей с минимальными нарушениями правил игры. При этом интересы людей, с которыми быдло вступает в контакт, принципиально игнорируются (поскольку эти интересы не ограждены извне заданным нормативом).

Для хитрожопого быдла свежеуворованное воспринимается как своё кровное. Поскольку его социальный лейтмотив — подгребать под себя — вовсе не означает цивилизованного отношения к собственности.

Для быдла не существует человеческого достоинства. Оно не просто не понимает, но отрицает вежливость («у нас в деревне — здороваться надо!») и всю ту сферу культурного пространства, которая вызревала и укреплялась со становлением человеческой личности.

Происходит это потому, что быдло не признает за отдельным человеком самостоятельного смысла существования. Для него человек всегда средство. Для быдла

набожно-праведного — средство для укрепления социального абсолюта. А для лукаво-хищного — средство для удовлетворения его паразитических устремлений.

Здесь мы коснулись существенной темы: проблемы двух модусов исследуемого явления — раба добродетельного и раба лукавого. Во все времена они существуют рядом. Но динамика соотношения лукавого и добродетельного представляет особый интерес. В устойчивом архаическом обществе они более или менее сбалансированы, и раб добродетельный может даже доминировать. Но в эпоху исторического изживания традиционалистской архаики лукавый раб буквально распухает, заполняя собой всё социальное пространство. В полном соответствии с этой логикой набожно-праведное быдло встречается в последнее время всё реже. Сегодня отчётливо доминирует лукавый раб. В этом, в частности, и проявляется нравственный кризис изживаемой архаики. Из обрисованной ситуации есть два выхода. Немногие добродетельные рабы и циники-рабовладельцы тянут общество в идеализируемое ими прошлое, когда, как им представляется, доминировал добродетельный раб. Носители личностного сознания — к изживанию лукавого раба через становление автономной личности.

Важной чертой мышления быдла является стремление к упрощению. При более глубоком рассмотрении стремление к упрощению оказывается стремлением к созданию структуры, максимально подобной структуре традиционно-патриархальной. А поскольку быдло — мигрант, заставший традиционную культуру в пору её распада, его эстетический идеал представляет собой обеднённую и предельно упрощённую версию традиционной культуры. Субкультуру слободы, рабочих бараков, предместий.

Именно эти люди, столкнувшись с любым сколько-нибудь не банальным, выходящим за рамки стандартного советского масскульта явлением — фильмом, телеспектаклем, романом, писали письма в «инстанции», где осуждали, требовали искоренения, искренне поражались, зачем и кому это нужно, риторически вопрошали: «Так вот на что идут народные деньги?» и так далее. Быдло исходит из принципиально гомогенной картины мира, культура которого соответствует его вкусам и представлениям. Отсюда устойчивое стремление к упрощению культурного контекста и примитивизации культуры.

Система представлений и поведение объекта нашего исследования строится на неразличении своей индивидуальной точки зрения и предполагаемой объективной. И это — универсальная характеристика рассматриваемого феномена. Быдло всегда абсолютно искренне вещает от имени Господа Бога. Именно поэтому в ситуации динамического развития культуры, когда конфликт ценностей и их диалог оказывается важнейшим моментом развития, быдло выступает как балласт, препятствие на пути любого развития.

Опыт советской империи — едва ли не эталонный пример быдлократии. Тогда работал механизм отбраковывания и селекции, поднимавший наверх наиболее хитрожопых представителей последнего и загонявший личность в щели и поры маргинального бытия. Даже там, где нельзя было обойтись без людей определённого уровня — экспертов, специалистов, учёных, — они находились на вторых ролях, были неусыпно подконтрольны и существовали как неизбежный компромисс. Достаточно вспомнить стиль, поведение, образ жизни, культурные рефлексы советских руководителей всех времён и уровней. Чтобы снять любые возражения, надо признать, что при всей сложности отношений к власти до самого последнего времени рядовой совок чувствовал, что на верху «свои».

Мы исходим из того, что в культурной памяти всякого человека от рождения присутствуют блоки программ и моделей, соответствующие всем стадиям и фазам культурного развития от архаики и варварства до развитой личности. Далее, в возрасте трёх-шести лет происходит качественный выбор в сторону той или иной ментальной программы. Рождение и воспроизводство быдла задано прежде всего социальной средой,

в которой рефлексы, сценарии и априорно присутствующие бессознательные программы быдла оказываются адаптивными. Разумеется, нельзя валить всё на среду, но из любого психически здорового ребёнка можно вырастить как минимум заурядного обывателя свободного общества. Примечательно, что дети, вырастающие в порождающей быдло среде, могут проявлять незаурядные способности, яркость ума, зачатки личностного мировосприятия, которые однажды (в 15-17 лет) совершенно бесследно исчезают, уступая место бесхребетной позиции дрейфа по течению жизни с более или менее активным подгребанием под себя. Иногда применяя все отпущенные Создателем таланты для того, чтобы не стать личностью.

Сегодня, несмотря на все разглагольствования, власть по-прежнему предполагает быдло основным социальным субъектом. Ориентируясь на его социальную психологию и ценностные установки, власть, тем самым, воспроизводит тупиковую, безысходную ситуацию. До тех пор, пока у нас в ходу будет мифологема «весь народ», за этим мистифицированным образом будет стоять харя быдла. Надо со всей определённостью заявить, что «всего народа», или «простого народа», о котором мы слышали всю нашу жизнь, нет в природе. Мифологема «народа» — знак для обозначения архаической целостности, того, что философы называют социальным абсолютом. Строго говоря, его не было и раньше, хотя советское общество слабо осознавало свою гетерогенность. Сегодня же представление о некоем единстве «народа» — чистый миф.

Есть общество, состоящее из качественно неоднородных групп с принципиально разными интересами и различным отношением к цивилизации вообще. И компромисса между субъектом современной цивилизации — то есть личностью — и быдлом быть не может. Как и политики, в равной степени устраивающей тех и других. Торжество идей свободы и достоинства каждого члена общества не может сочетаться с архаическими варварами. Быдло не научаемо и не изменяемо. Его нельзя уговорить, умиротворить и переделать. Из жёстко вымуштрованного быдла может вырасти лакей, но не человек цивилизации.

Перед нашим обществом рано или поздно станет выбор между личностью и быдлом, и отвертеться от этого выбора не удастся. В 1917 году такой выбор был сделан однозначно, и последствия его очевидны. Пока что власть и элита стараются обходить этот вопрос. Но историю не обманешь, и либо этим, либо следующим правителям придётся однозначно выбирать: личность или быдло.

Пока же ещё не преодолён страх перед разделением общества на классы и касты. Воспроизводятся бессмысленные вариации на тему всеобщего единства. Отрабатываются невыразительные символы этого единства, адресованные опять же к сознанию быдла. И, в целом, язык на котором говорит власть — пока что язык быдла. Он не оставил своих корней. Движение в сторону личности есть, но идёт оно вяло и нерешительно. При этом власть демонстрирует поразительное расщепление собственного сознания. На словах она заявляет о приверженности ценностям автономной личности, но на деле реализует отношение к обществу как к безгласному и безмозглому быдлу. Власть делает всё и ещё чуть-чуть сверх того, чтобы затормозить и придушить становление независимых общественных институтов, правовой и гражданской независимости. Правительство отдаёт общество в руки мафии, которая ведёт войну на уничтожение с правовой, некриминальной частной собственностью.

Похоже, что сознание носителей власти не изменилось со времён СССР: «мы» — люди у кормила — завоюем себе свободы и обретём человеческое достоинство. «Они» же — должны оставаться в стойле и не мешать нам обделывать свои делишки. Как уже много раз повторяли (и повторят ещё много и много раз), идея настолько дикого общества запоздала лет на триста.

Подведём итоги. Быдло — продукт разложения патриархального общества, помещённый в городскую среду и в окружение людей, представляющих личностную культуру. Понятие «быдло» — результат осмысления этого явления и одновременно оценка, прозвучавшая из пространства личностного сознания.

Утверждение образа «быдла» знаменует собой сумерки двухсотлетнего мифа «народа». Загадка, над которой мучались, и идеал, от несовпадения с которым страдали поколения российских интеллигентов, разгадана. Настало время отречься, наконец, от основополагающего мифа и базовой ценности интеллигентского сознания.

В этом смысле утверждение образа быдла знаменует собой смерть российского интеллигента. Долгое время наш интеллигент существовал во вселенной, задаваемой координатами сакральной Власти и сакрального Народа. «Власть/Народ» и «Должное/Сущее» — координаты интеллигентского космоса. Так продолжалось много лет.

Но когда на месте образа великого, беспредельного в своих качествах, объемлющей всё и вся субстанции, заключающей в себе все концы и все начала, когда на месте Народа появляется харя быдла — эта вселенная рассыпается, как карточный домик. Что можно сказать об этом? Сумерки богов — особое время.

Почему русские — рабы

Всякий думающий человек, наблюдая весь этот треш и угар, творящийся в Духовноскрепной Скотоублюдии, нет-нет, да и задумается: почему русские — такие рабы? Где, етить его, корень русского терпильства, готовности покорно жрать говно с лопаты, которым кормят народ баре? Почему русский ванько скорее сдохнет, чем осмелится плюнуть обидчику в морду?

Разбирая тему дедовщины в армии — я пришёл к выводу, что рабская сущность русских — это один из столпов этого явления. Ведь в её основе лежит добровольное подчинение и несопротивление так называемым «дедам». Также я до сих пор не могу понять армейских самоубийц. Да возьми ты сука автомат (благо проблем нет его получить на руки) и расстреляй хотя бы одного своего мучителя. Делали бы так все, кто решил самовыпилиться — не было бы уже ни дедовщины, ни призыва. Но русские лёгких путей не ищут. И только я это написал, как бурей по соцсетям пронеслась инфа о том, как в Нижнем Новгороде сожгла себя некая Ирина Славина, Главный редактор издания KozaPress. Повод серьёзный — её утомили своим навязчивым вниманием siloviki. И вот она написала в буржуинском интернете предсмертную записку «В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию» и подожгла себя на улице напротив ГУ МВД по Нижегородской области.

Не, ну я всё понимаю, мозги ей вскрывали долго и целенаправленно. В прошлом году выписали штраф в 70 тысяч за то, что она отреагировала на сообщение о размещении в городке Шахунья мемориальной доски, прославляющей Сталина, предложив по этому поводу переименовать населённый пункт в Шахуйню. Нет, ну ясно, что менты не за генералиссимуса обиделись. Им надо было найти повод докопаться до журналистки. Вот и докопались буквально не за хуй собачий ни за что. И подобные эпизоды шли последние годы один за другим.

Выбесили тётку настолько, что ей жить тошно стало. И даже наличие ребёнка её не остановило. Хотя, чо там, дочери 20 лет, как-нибудь выживет. Не о том речь. Вот если тебе своя жизнь уже не всралась, то почему бы не умереть красиво: купить ружьё, десяток патронов и не застрелить 3-4 ментов, которые завели на тебя дело просто ни за что? Обнули тех самых уродов, олицетворяющих ту самую Российскую Федерацию, которая твою жизнь превратила в ад. А потом уже и себя кончай. Ты ж сразу станешь героем для миллионов соотечественников! Так что же происходит в голове у скрепных холопов, которые убивают себя, а не тех, кто их довёл до ручки?

Ладно, хрен с ним, может, Славина была убеждённой буддисткой и ей было западло убивать посторонний биологический организм. Ну сожги ты тогда бобик ментовский или опорный пункт полиции, приёмную прокуратуры, суда, протарань машиной ворота в особняке губернатора…

Но нет же, в подкорке у этих рабов зашито, что поднять руку на Господина — табу, харам, вето. РФ на 3-м месте в мире по количеству самоубийств после Гайаны и Лесото. При таком количестве самоубийцы могли бы радикально изменить ситуацию в стране, если бы прыгали не с моста в реку, а с ножом на чиновников.

В этом смысле показателен пример американского военного пенсионера Мартина Химейера. После длительного конфликта с бетонным заводом и местными властями города Грэнби по поводу территории, на которой находилась его мастерская, он оборудовал свой бульдозер броней и пошёл утюжить городок. Но выборочно! Снёс 13 административных зданий, в том числе все здания, принадлежавшие бетонному заводу, и только после того, как бульдозер был обездвижен, покончил с собой. Я не берусь судить, насколько был прав Химейер, отстаивая свои права на землю. Важно, что он был убеждён в собственной правоте. И эта убеждённость стала стимулом к тому, чтобы вершить справедливость, как он её понимал, всеми доступными средствами, пусть даже ценой собственной жизни.

Чиновники и богачи в любой стране хотят вести себя, как мудаки. Но в Америке они принимают во внимание опасность нарваться на жёсткую ответку даже от пенсионера. В РФ они ведут себя, словно боги, потому что такой опасности нет. И чего добилась своим поступком Славина, кроме 12 тысяч лайков под своим последним постом? Есть ли у меня к ней сочувствие? Нет. Позорная рабская смерть.

«Так почему же это Россия не Америка?» — может быть, дело в многовековом крепостном праве, которое сформировало рабскую ментальность? Ну, в Америке, строго говоря, тоже было рабство, которое отменили ещё позже, чем в Российской империи. Однако белые люди в этой стране всегда были свободными. Они приплыли сюда свободными людьми и своих детей воспитали в духе уважения к свободе. Логично, но…

В Европе крепостное право продержалось гораздо дольше, чем в России, а в Германии, Австро-Венгрии, Польше окончательно похоронено было только в XIX столетии. Но разве у чехов или венгров что-то рабское в национальном характере бросается в глаза? Хотя там с крепостным правом покончили всего на 13 лет раньше, чем в России, а собственную государственность этим народам удалось получить лишь в 1918 г.

Может, это советская власть превратила народ в стадо опущенных терпил? При совке была, конечно, отрицательная селекция, когда на верх пробивались худшие из худших. Но нужно признать, что ничего уникального в советском тоталитарном строе не было, подобные режимы в XX веке доминировали в 30-е годы даже в культурной Европе. Всё, как полагается: однопартийная диктатура, концлагеря для нацменьшинств, госцензура, милитаризм, культ личности великого вождя. Прямо как в советском социалистическом рае, только социализм был не везде, а лишь в Германии и Италии.

В Эстонии, Латвии и Литве у власти держались диктаторы разной степени упоротости, население принуждалось к лояльности не самыми гуманными методами. Однако даже авторитарные фашистские и полуфашистские режимы не превращали людей в полных скотов, позволяющих измываться над собой, как над животными.

Распад мировой коммунистической системы тоже даёт нам повод задуматься. Монголия, например, из средневековья попала в мировой коммунистический концлагерь, и не имела шансов соприкоснуться ни с западной культурой, ни с демократическим укладом. Однако не смотря на типичную восточную ментальность и совершенно азиатскую отсталость Монголия сегодня вполне демократическая страна, и даже относительно процветающая. По крайней мере бюджетники-педагоги из Бурятии готовы душу дьяволу продать, чтоб устроиться на работу в монгольскую школу или детский сад, где зарплаты в три раза выше.

СССР был обезьянником, но по крайней мере в одном можно быть уверенным: все народы страдали от самодурской власти одинаково. Разве что у евреев, наверное, по «пятому пункту» были сложности, но не всегда и не везде. Однако в армии, например, не было ни одного Маршала Советского Союза еврея. В общем и грузины, и эстонцы существовали примерно в равных условиях с русскими, киргизами и молдаванами. Эстонцев правда, депортировали в Сибирь, но это частности.

И вот, после распада совка мы имеем вполне себе европейскую Прибалтику, вошедшую в ЕС. В том же ЕС состоит Болгария, хотя уж там-то откуда взяться высокому гражданскому сознанию? 500 лет болгары были под турецким игом, 50 лет под всякого рода «домашними» тиранами, которых сменил унифицированный соцлагерь. А ведь не рабы. Точно так же и грузин с армянами рабами не назовёшь, хотя их исторические судьбы ничем принципиально не отличались от нашей рассейской исторической траектории. По крайней мере последние лет 200 — точно. И крепостное право в Закавказье было таким же, и колхозы. Кстати, с удивлением узнал, что в Грузии отмена крепостного права началась только в 1865 г. и полностью завершился процесс лишь в 70-х годах.

Как там у Высоцкого:

«Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страною...»

Вот так же и я стою перед вечною загадкою: почему столь разные судьбы и у народов, живших веками под одной крышей в примерно одинаковых условиях. Отчего у них мозги устроены по-разному? Почему украинцы не обожествляют свою власть и не боятся дать менту в морду, а русские и белорусы готовы терпеть пожизненных ханов, а если и бунтуют, то исключительно на коленях? Почему в Сербии народ взбунтовался против «ограничительных мер» коронабесия, а москвичи-рашкованцы, которых просто заперли в квартирах, даже не пискнули против? Ведь должна же быть какая-то объективная причина, всё это объясняющая.

Нельзя же склонность русских к раболепию списывать на мифическое ордынское иго, как это любят делать интернет-активисты? То иго то ли было, то ли нет, а даже если и было — так администраторами его были в любом случае русские князья.

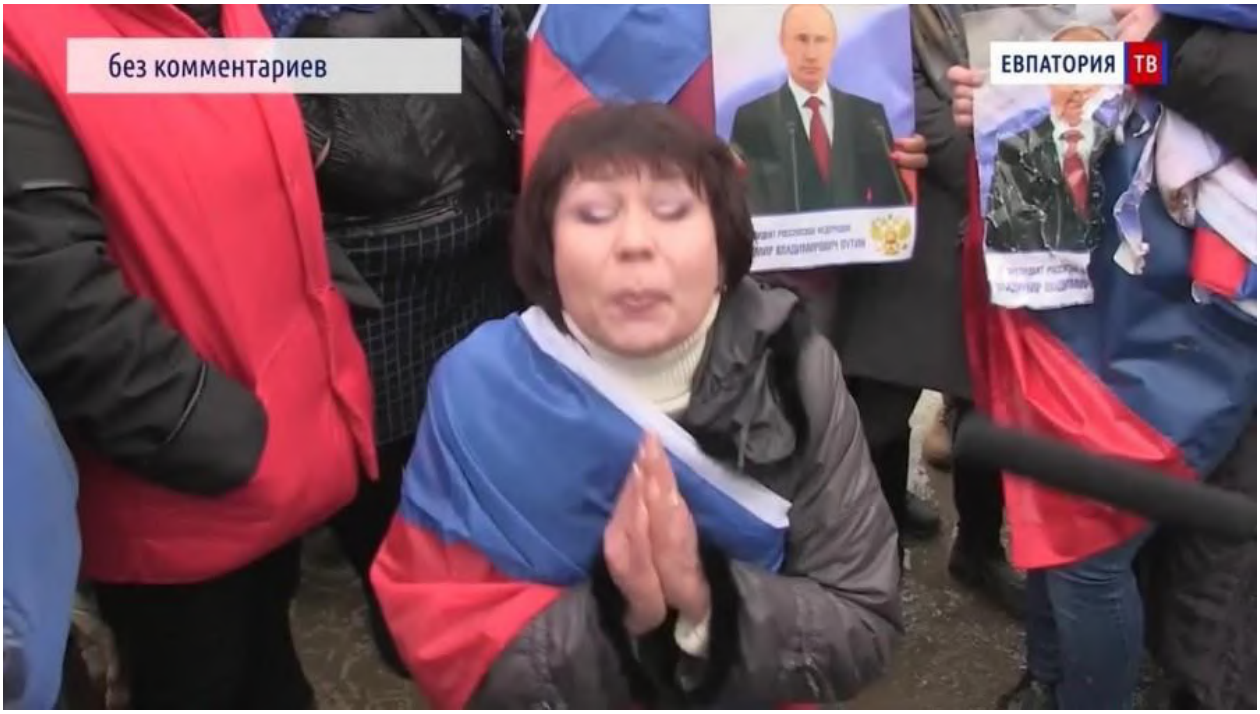
Есть ещё в русском рабстве одна любопытная деталь. Оно, вековое это рабство — добровольное. И отличается от вынужденного тем, что раб сам отказывается от свободы, и от человеческой сущности, тем сам приравнивая себя к скоту. Это его выбор — стойло, кормушка и охрана.

Нет, никто не поможет. В XX веке потомки козоёбов оказались в непривычной для них городской среде, где окончательно опустились и оскотинились. Пресвятая Богоспасаемая Духовноскрепная Скотоублюдия Великая и Прекрасная Рашка-Дегенерашка, Страна Быдла, населённая жлобами, алкашами и блядями — теперь сокращает население. Как в дикой природе.

И, как пророчески заявил со сцены ебанашка Тальков, «С новой эрой вас, господа!»

Разгадка тайны русского рабства

Так почему же русские остались рабами до сих пор? Объяснение следует искать в комплексе причин. Первая и, на мой взгляд, основная причина — это наследство крепостного права. Даже не само по себе крепостничество, а вытекающее из этого слабое развитие институтов частной собственности.



Главной особенностью раба-крепостного было то, что у него не только не могло быть никакой собственности, но и сам он являлся товаром, который можно было продать, подарить, проиграть… В добавок ко всему он сам не имел почти никаких гражданских прав. А если же он умудрялся что-то создать — то барин на законных основаниях мог это забрать. У основной массы населения не было никаких экономических стимулов к труду, а рабовладельцы были ориентированы на то, чтобы только отбирать, присваивать плоды чужого труда, а не создавать средства производства.

При рабстве единственная возможность сопротивляться — плохо выполнять свою работу. Вот так испокон веков и трудились: днём кое-как работали в поле, а ночью воровали. Потому и голод был постоянно, и дома в ужасном состоянии, одежда — рваньё какое-то. И что примечательно — собственности на землю не было даже у господ. Они, получается, тоже были временщиками. Царь в любой момент мог эту землю отобрать и даровать другому. Крепостное право вроде как отменили в 1861 году. Но что толку — землю получили не крестьяне, а общины, да ещё за неё выкуп платить надо было. Парадокс: отдаёшь свои деньги, а земля твоей всё равно не становится. Потому процедура выкупа растянулась на полвека и была отменена только в 1906 г.

Стоит отметить, что некоторые освобождённые крестьяне смогли добиться кое-каких успехов. Но ненадолго. В 1917-м у них всё отняли, а их самих просто истребили или изгнали. Остался кто? Правильно — ленивые и вороватые. Им не нужна была свобода, им привычнее было жить «под хозяином». Не все, но большинство оказались такими. До сих пор главным работодателем в раисе остаётся государство. Бунтовать?.. Что?..

Отрицательная селекция. Кто бунтовал — тех убивали. Кто сбегал — ловили и ссылали в Сибирь умирать на каторге. Кто был дерзким — отдавали в солдаты. Кто выживал? Правильно — самые покорные и смиренные. Единственный шанс для беглых поднять

свой «социальный статус» — присоединиться к казакам. Кстати, именно казаки, а не крепостные были основной массой бунтовщиков в отрядах Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Крепостные бунтовать боялись. Но впоследствии и казачество подверглось огосударствлению, из вольных вояк казаки превратились в цепных псов режима — в титушек, как сейчас говорят.

В 1905 и в 1917 годах бунтовали и воевали те, кто посмелее. И они в большинстве своём погибли в революциях и в раскулачиваниях. А потом товарищ Сталин им крепостное право вернул. А кто в итоге выжил? Смиренные и безвольные.

Плохой климат и отсутствие дорог. Морозы и расстояния, сгубившие полчища иностранных завоевателей и спасшие страну. Но одновременно это всё спасло страну от технологий, от развития, от науки, от культуры и от цивилизации вообще. Слабая транспортная связность катастрофически замедлили развитие страны.

Описанные обстоятельства невероятно усложняли побег и возможность выжить на новом месте. Сбежать из Владимирской губернии в Запорожскую Сечь по грязи и по холоду — это не тоже самое, что перебраться из Парижа в Леон по мощёным ещё древними римлянами дорогам и под субтропическим солнцем.

Православие. В этой религии все рабы божьи. На удар в правую щеку предлагается подставить левую. Бог терпел и нам велел. Вся власть от Бога. Вот эти постулаты веками вбивали в головы русских крепостных. Сама мысль о сопротивлении противоречила законами божьими.

Большевики, борясь с православием, навязывали свою религию — коммунизм. Только они понятие «потерпеть ради жизни в раю» заменили на «подождать построение коммунизма». А сейчас опять в тренде православие. Потому что нет больше дураков, которые будут по-стахановски впахивать ради светлого будущего. А дураков потерпеть до смерти — полным полно.

Вера в доброго царя. Это гениальнейшее изобретение правительственной пропаганды, которое безотказно работает примерно лет 500. Первым этот образ отрабатывал Борис Годунов. Задача — внушить быдлу, что царь занят только тем, что думу думает, как же помочь своим подданным, как облегчить их страдания. А если он всё никак не облегчает участь рабов, значит он просто не знает о каких-то проблемах, или злые бояре мешают государю, строя свои козни. Нужно просто поставить царя в известность, и он непременно поможет и накажет злых бояр. Бесконечные взывания быдла к Путину по любому вопросу — доказательство эффективности данной манипулятивной схемы.

Путин, видя как это хорошо работает, поставил процесс на поток и сделал даже «прямую линию» с президентом, где исполняет роль доброго Деда Мороза. То показушно водопровод в дом пенсионерки протянет, то дорогу где-то заасфальтирует, то в больницу кого-то на самолёте отправит. Дичь, но работает! Правда уже со скрипом. На последней «прямой линии» даже быдло-рабы россияне засыпали своего царя дизлайками и негативными комментариями. Наверное, царь уже не тот, надо искать нового. В этом году «прямой линии» не было.

Выученная беспомощность русских. Это такое состояние человека, при котором он не предпринимает попыток к улучшению своего состояния, не пытается избежать отрицательных стимулов или получить положительные, хотя имеет такую возможность. Русское скотобыдло даже не догадывается, что в его бездеятельности заключена причина всех его бед! Основная масса рабов, в силу природной идиотии считает, что кто-то должен не только хорошо к ним относиться, но и защищать их интересы! Это передавалось из поколения в поколение.

Как итог, что русским ни делай — хоть в глаза им поссы, хоть раком ставь и пенсионную реформу вводи — они будут только блеять фальцетом. А в гейропейской Франции протестующие «жёлтые жилеты» заставили власти отменить похожую пенсионную реформу. В тех же редких случаях, когда русские всё-таки решаются побунтовать на коленях — власть не идёт им на уступки. Это мы видим на примере овечьих протестов в Хабаровске. А то не дай бог войдут холопы во вкус и будут и дальше что-то выклянчивать. И если русские в каких-то редких случаях бунтуют на коленях — то только по какому-то незначительному поводу: против вырубки деревьев или в защиту

малоизвестного журналиста, которому подкинули наркотики. А то что тысячам других точно также подкидывают дурь... Да им-то что!

Ресурсное проклятие. Такой, казалось бы, выигрышный момент, как обилие природных ресурсов, обернулся для русских проклятием. Большинство стран столкнулось с нехваткой ресурсов и были вынуждены развивать технологии их сбережения и эффективного использования. Но это могут сделать только свободные люди, проявляя инициативу и конкурируя друг с другом. В итоге в Европе стала бурно развиваться промышленность, у народа стала появляться частная собственность. А те, кому удалось скопить капитал, получали доступ к власти. А Россия по сей день живёт продажей своих ресурсов, не напрягаясь развитием промышленности и поддерживая феодальную систему отношений, потому что только в этом случае природную ренту может контролировать боярская верхушка.

Кругом «враги»! В настоящее время ценность ресурсов значительно упала, а цена технологий и умственного труда сильно выросла. Простой пример — айфон. Сколько в его цене занимают материалы, из которого он сделан, и сколько стоят интеллектуальные технологии? Следствием стало то, что экономически РФ деградировала не просто до уровня Африки, а до уровня стран Центральной Африки.

Чтобы объяснить провал, рашкованские пропагандисты подогревают милитаристский психоз, создавая иллюзию «осаждённой крепости». И каких врагов только нет: Пендосы, хохлы, турки, ИГИЛ, НАТО, санкции, контрсанкции, коронавирус, геи, свидетели Иеговы, мигранты, либералы, блогеры... Ни у одной страны мира нет такого количества врагов как у России!

В результате всей этой отрицательной селекции вывелся абсолютно новый вид холопов, которых принято называть «ватники». Они тупые, хамоватые, трусливые, вороватые, завистливые и лентяи, при этом распираемые от чувства превосходства над всем миром. Они всегда за власть, всегда голосуют «за». Они уверены в своей святости и непогрешимости, пресекают любые попытки усомниться в праведности своих поступков. Они искренне убеждены, что являются носителями духовноскрепной истины, заведомо лишая этого права всех остальных. Они не способны к конструктивному диалогу. Ватники люто ненавидят других, потому что те не соответствуют их шаблону.

Ватники впитали в себя всё самое худшее, что прививалось русским за тысячу лет. Они как крысы. Их можно расстреливать, травить, бить, уничтожать — но они будут неуклонно воспроизводиться и приспосабливаться. Я и сам не д'Артаньян, но когда встречаю в человеке все описанные качества разом, мне становится не по себе. Как будто смотрю на уснувшего в своём говне бомжа.

Что в итоге? А то, что в Рашке не будет перемен к лучшему. Потому что никому это не нужно. Быдло устраивает существующее положение, а власть прекрасно знает как управлять холопами. Лучше всего русский характер раскрыл Тургенев в рассказе «Му-Му», где Герасим, вместо того, чтобы убить сумасбродную барыню — убивает своего единственного друга — собаку. И в этом вся сущность русни.

Если в одном из извечных русских вопросом «Кто виноват?», есть хоть какая-то ясность, то попробую ответить и на вопрос «Что делать?». Здесь вариантов немного. Либо, как и сотни лет назад, валить куда подальше, то есть эмигрировать; либо попытаться от этого спрятаться в какую-нибудь глушь. Как вариант: выкинуть телевизор, в интернете смотреть только то, что не связано с говнопропогандой, а все контакты с ватниками свести до минимума. Шутить, улыбаться, рассказывать анекдоты. Это то, что во времена СССР называли внутренней эмиграцией.

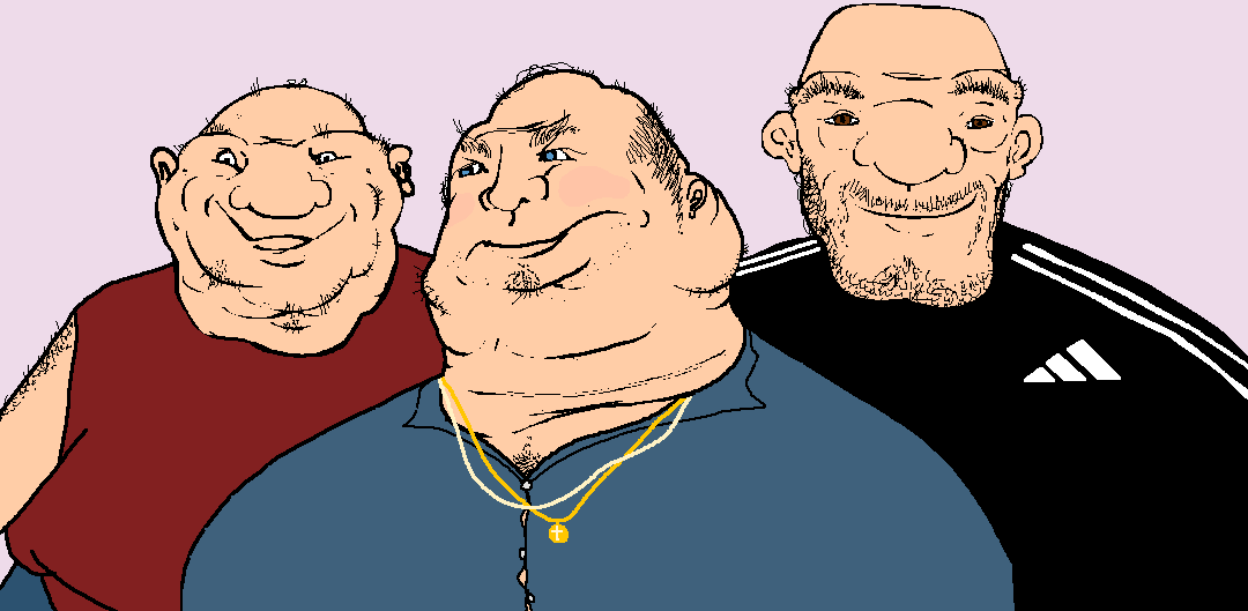
Исходя из всего вышеизложенного появляется ещё один вопрос — допустимо ли называть Великий Русский Народ говном?..

Нет, недопустимо. Ибо это есть оскорбление. Говна.

View Same | Google | ImgOps | iqdb | SauceNAO | 18jcGFBGbQ-8.png, 31KiB, 300x250

Anonymous Sun 10 Mar 2019 14:21:44 No.102587065 Report

Quoted By: >>102587321 >>102587364 >>102587598 >>102587733 >>102588257 >>102588282

>>102585582

It's the quintessential quality of pidorashkas. Russia only abolished serfdom, i.e. slavery, in 1861. A mere half a century later the Revolution forcefully uplifted this servile underclass from their natural habitat and turned them into urbanites. Unlike many western countries that had centuries of natural selection between proles and bougies and whose social mobility conditions at least somewhat correlated with merit and personal aptitude, here you had everything gone topsy-turvy with worthless human refuse whose grandparents were likely illiterate getting into positions of power, while most of intelligentsia, bougies and even the well-off working class kulaks were either driven away or physically removed. So now you have the double digit IQ bydlo "running the country", but because it has no agency of its own, it invariably relies on cults of personality and "faith in Tsar" that it sucked out of mother's teat. For them there is no distinction between the country and its current government, there's no distinction between "how it is" and "how it should be". It's a vile mass of semi-conscious amoebas that will ardently defend the status quo no matter what it is and brand everyone who tries to change it in any manner whatsoever as a traitor and enemy of "the people" (or a Russophobe in the latest trend they borrowed from faggots). These are paradoxical creatures that on one hand will brazenly chest-beat about beating patriots, on the other they wouldn't move a finger for the betterment of the country (unless it's crowd-stomping evil libtards), they'll brag about being pious Christians, but will never visit a church and sin like it's weekend in Gomorrah, they'll happily tell you about the mysterious Russian soul and generosity and kindness, but will stab you or their own the moment it will net them an extra rouble. It's the great tragedy of Russia: a country rife with brilliant talented people is doomed to always be dragged down to Africa-tier by subhumans.